

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

...Сила страны в трудоспособности её населения и в знаниях; для того и другого нужны — уверенность в завтрашнем дне и поощрение знаниям; там же, где насилие введено в приемы государственного управления, а знания и опыт мало ценятся, там никто не станет трудиться от души, а талант и знания не найдут применения...

Петр Лесневский

Август 2016 № 4 (16)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

- Григорий Блехман** — член Союза писателей России
Дмитрий Воронин — заместитель главного редактора, раздел «Проза»,
E-mail: pimin00@rambler.ru
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Николашин — заместитель главного редактора, ответственный
редактор
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Светлана Супрунова — заместитель главного редактора по разделу «Поэзия»,
E-mail: suprunova60@rambler.ru
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 15 сентября 2016 года

Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Отпечатано в типографии ООО «График Артс»

г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика	
Лидия Довыденко. Общась с Лужковым. <i>Очерк</i>	4
Голосуй за Родину!	
Владимир Патрин. Вызывающий огонь на себя. <i>Очерк о А.В. Новгородове</i>	12
Проза	
Николай Иванов. Тридевятое царство. <i>Новелла</i>	18
Дмитрий Филиппов. Слово о мигрантах. <i>Отрывок из романа «Я – русский»</i>	32
Евгений Журавли. Озеро Забвений. <i>Роман. Часть 1</i>	47
Владимир Клевцов. Пограничник. <i>Рассказы</i>	68
Дмитрий Воронин. Воры. <i>Рассказ</i>	76
Владимир Яцкевич. Горлица. <i>Рассказ</i>	81
Поэзия	
Наталья Хлопаева. <i>Циклы стихов</i>	93
Надежда Чванова. <i>Стихи</i>	97
Владимир Белалов. О нашем времени. <i>Стихи и романсы</i>	100
Тверские берега	
Владимир Львов. <i>Стихи</i>	103
Василий Рысенков. <i>Стихи</i>	107
Иван Демидов. <i>Стихи</i>	111
Ирина Кучерова. <i>Стихи</i>	114
Берега памяти	
Евгений Лушев. Долг памяти. <i>Братское кладбище на Соколе</i>	117
Молодые берега	
Анастасия Косташ. <i>Стихи</i>	125
Берега культуры и искусства	
Светлана Савицкая. Поэзия вальса Евгения Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь». <i>Эссе</i>	127
Анастасия Лиховцева. Математика в искусстве	131
Русский мир без границ	
Берега Лондона – Мюнхена – Ростова	
Елена В. Ким. Произведения В.Н. Немухина в Ростовском музее. <i>Дар Н. Д. Лобанова-Ростовского</i>	134
Берега Софии	
Светлана Балашова. Дневник Долли Фикельмон как парадокс любви к «Нашему всё»	139
Вильнюсские берега	
Георгий Почуев. Путешествие по юбилею театра. <i>Очерк</i>	150
Гродненские берега	
Светлана Глембоцкая. <i>Стихи</i>	155
Берега Берлина – Москвы – Калининграда.	
Ирина Булдакова. История одной книги (П.И. Залесский. Возмездие)	159
Надежда Егорова. Петр Залесский. <i>Биографическая и библиографическая справка</i>	161
Петр Залесский. Что такое русская катастрофа? <i>Отрывок из книги «Возмездие»</i>	163
История и современность	
Николай Шумилов. Ничто, или конец эры рыцарей семи качеств. <i>Очерк</i>	166
Критика	
Олег Каштанов. Ковер памяти. <i>Лирический дождь воспоминаний с Ю. Н. Курановым</i>	172
Вячеслав Лютый. О рассказах Дмитрия Воронина	176
Андрей Маруденко. Отзыв на книгу «Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский» ..	177
Наши друзья	
Советуем почитать	178
Подписка и приобретение журнала	178

Публицистика

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко — писатель, поэт, публицист, краевед, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», автор 18 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов, автор тысячи теле- и радиопередач, журналистских статей, 36 научных работ. Лауреат Международного литературного конкурса «Славянские традиции», фестиваля «Русский стиль», победитель в конкурсе журналистского мастерства «Слава России», лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», победитель Международной литературной премии «Серебряное перо Руси» — за «Высокое художественное мастерство», первое место в номинации «Познавая союзное государство» конкурса журналистских работ «Беларусь-Россия. Шаг в будущее», дипломант «Трудовая доблесть России» — «За труд во славу России», лауреат Всероссийского конкурса журналистских работ «Патриот России» — 2016

Общаясь с Лужковым

Очерк

21 сентября Юрию Михайловичу Лужкову исполняется 80 лет.

Редакция журнала поздравляет политика, реформатора, общественного деятеля, ученого-изобретателя, создателя и просто ярчайшую личность, умнейшего человека нашего времени с юбилеем!

Мысли о России

...Страна, ты безвозвратно потеряла
Того, кто век служил тебе душой...

От Калининграда до Озерска 130 км. Есть время подумать перед встречей. Мне интересен человек, какой он, кто он по сути своей? Опасаюсь разочарования, как не единожды происходило при встречах с известными людьми. Но в пути думаю, как много потеряла Москва с уходом прославленного мэра, как любят его до сих пор москвичи, как смело он боролся за русский Севастополь, когда другие сановные лица трусливо молчали, как хорошо говорил о моей Родине — Беларуси, когда другие шельмовали. Вспоминаю неуклюжую формулировку: «в связи с утратой доверия», и горестно думаю, что власти не нужны эффективные люди, высокие профессионалы, а лишь те, кому она «доверяет»: мебельщикам — вооруженные силы, экскаваторщикам — губернии.

Встреча была назначена на час дня в Суворовке. Микроавтобус, водитель которого встречал меня на автостанции Озерска, преодолевая обильный летний ливень, вскоре нырнул в узкую зеленую аллею, из которой глазам открылась великолепно отреставрированная конюшня со щипцовым фасадом под красной черепичной крышей, со стрельчатыми окнами, одинокая вороная лошадь в загоне, с пышной, прекрасно расчесанной, волнистой гривой и таким же отливающим шелком хвостом. Автобус выехал на дорогу, выложенную тротуарной плиткой, и подвез к крыльцу небольшого дома.

...Меня ждали. Юрий Михайлович, одетый в комфляж, встал из-за большого стола, за которым беседовал со своим помощником, подал руку, доброжелательно улыбаясь, пригласил вместе пообедать. Просторная комната на втором этаже его дома украшена фотографиями и скульптурами лошадей, большими, тяжелыми, и маленькими — на подставках. Из мебели — лишь накрытый клеенкой стол, во главе которого меня и усадили. Обед как обед: салат из огурцов и помидоров, красный борщ, фаршированные перцы, чай с медом, но все очень вкусно приготовлено. Аскетизм мне всегда нравился, но сейчас он какой-то слишком неожиданный: простота обстановки и непринужденность общения.

— **Юрий Михайлович, что нового Вы написали после философской поэмы «Сократ — всегда Сократ»?**

— Сейчас я готовлю сценарий для фильма по этой поэме. Я написал две книги. Во-первых, «Алгоритмы лидерства: пособие для молодого лидера» в 2014 году, где обращаюсь к молодому поколению. России не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя.

А также готовлю к изданию книгу, посвященную Дэн Сяопину, русским корням «китайского чуда», то есть экономической теории Николая Бухарина. Дэн Сяопин оказался в сложной обстановке, в положении, не допускающем отклонения от доктрины Мао. В этих условиях после культурной революции, которая сделала его инвалидом, уничтожила его сына руками хунвейбинов, и все же после смерти Мао он сумел вернуться к политическому руководству. И он понимал, что махина сверхортодоксального толка не даст развития Китаю, поэтому начал искать какие-то примеры оптимального экономического развития разных стран. Рядом была Япония, он не мог воспользоваться их моделью — капиталистическая страна. Обратился к югославскому опыту, потом начались известные венгерские и польские события. Нужна была доктрина. Неожиданно итальянские коммунисты во главе с Энрико Берлингуэром решили провести научную конференцию, посвященную наследию Николая Бухарина. В Советском Союзе посчитали это провокацией, никого не послали на эту конференцию, никого из советских ученых. А Дэн Сяопин отправил трех человек: президента китайской академии наук и еще двух специалистов. Они привезли уникальную новейшую информацию, которая открывала новый облик Бухарина, его идеи и его труды. Бухарин взял на себя смелость — разработку НЭПа, был теоретиком экономического развития социалистической страны. Ленин руководствовался идеями Бухарина. НЭП заработала, но Сталин фермерство, которое уже становилось на ноги, посчитал вредным для социализма. Приступил к раскулачиванию, уничтожил 20 миллионов кулаков — самых эффективных крестьян, которые поднимали сельское хозяйство, он лишил этих людей жизни. Бухарин возразил против раскулачивания, ведь он был действительным членом Академии наук по экономике. Прозвучала фраза Бухарина, облетевшая мир: «Нищий социализм — это паршивый социализм». Он выступил в защиту кулака, предложил лозунг: «Живите лучше и этим обогащайте социализм». Сталин его обругал, но авторитет Бухарина был столь высок, что уничтожить смог его только в 1938 году, присоединив к зиновьевско-троцкистской группировке. На самом деле, Бухарин был человеком, защищавшим социализм эффективный, реально результативный в экономике. В экономике в системе хозяйствования должно быть разнообразие форм собственности и форм жизни. Дэн Сяопин, услышав доклад о Бухарине, целый этаж в институте марксизма-ленинизма отвел на изучение наследия Бухарина. Он призвал к изучению его трудов, которые были изданы в Китае три раза миллионными тиражами. Массовое изучение трудов Бухарина — основа «китайского чуда».

Боль отставки Лужков выплеснул, написав пьесу в стихах о величайшем философе Сократе, осужденном на смерть властью за то, что был мудрее этой власти, шире во взглядах, глубже в понимании людей и путей развития государства. Гавриил Попов пригласил поделиться со студенческой молодежью успешным опытом лидерства, что вылилось в книгу. Бери, российская молодежь, на вооружение, России нужны лидеры. Гордись, Россия, на твоих просторах вырос теоретик, на трудах которого за семь лет в Поднебесной вышли из ужасающей нищеты.

Какое оно, счастье?

Философ, воин, патриот, мудрец.
Умнее многих он примерно во сто крат...

Утопающий в зелени двухэтажный домик окружает просторный двор с зеленой травой, редкими деревьями, среди которых красавец-дуб с безупречной кроной и мощным стволом, на котором игрушечный кот с настоящей металлической цепью. Среди редких деревьев разбросано с полдюжину деревянных беседок, в одной из которых мы с Юрием Михайловичем в завершение встречи пили чай с медом из его пасеки.

— Вот заканчивается ремонт бывшего каретного сарая, — рассказывает Юрий Михайлович. — Здесь будет лаборатория для контроля качества зерновых, гречки, грибов: вешенских и шампиньонов. Готовим оборудование и технологии, по которым к осени текущего года грибы будут отправлены на рынок.

Ничто не нарушало тишины Суворовки, кроме пения птиц. Небо после дождя прояснилось, и Юрий Михайлович не без удовольствия показал то, что относится к предметам его гордости. Правда, реставрация конюшни — это область компетенции жены Елены. По словам Юрия Михайловича, она все знает о лошадях и о реставрации конюшни, которая до 1945 года являлась конным заводом «Веедерн», специализировавшимся на разведении тракненской породы лошадей. Хозяевам в конце войны удалось вывезти в Германию 20 породистых лошадей, потомки которых и сейчас пользуются огромным спросом среди специалистов.

Несколько лет назад в телевизионном репортаже я увидела Юрия Михайловича сидящим за рулем комбайна и утверждающим: «Только здесь я чувствую себя по-настоящему свободным». И я спрашиваю, правда ли это?

— Работаю, как все. Встаю в 6 часов утра и до 11 часов вечера. Особенно во время уборки урожая. Это счастье — убирать созревший урожай. Особенно гречку. Это созидательная работа, а не болтовня. Это есть такие, кто залез на технику для постановочного кадра телевидения на двадцать минут. Здесь мы пыли в глаза не пускаем. Я со всеми работниками на равных. С утра до вечера. И потом так хорошо спится. Как убитый, сплю, ведь как пел Высоцкий: «Тут за день так накувыркаешься». И ты действительно чувствуешь себя свободным человеком, когда занимаешься простой работой, не чувствуешь связи с политикой, с властными структурами, СМИ. Занимаясь уборкой урожая, ты создаешь, приносишь пользу, ощущаешь глубокое удовлетворение, ни с чем не сравнимое.

Мне запоминается: «здесь сплю», значит, часто «не сплю» в думах о том, что сделать, как сделать, какие технологии применить. Мы едем в микроавтобусе по окрестностям, приезжаем на стоянку сельскохозяйственной техники. Охватываю взглядом огромный комбайн, на котором работает Юрий Михайлович. Вся техника ярких цветов. Действительно, матыгой многого не сделаешь. Сеялка привезена из Германии, как и другие машины: новый трактор с культиватором тоже поражает своими возможностями, а чуть дальше — недавно прибывший сверкающий зелеными и оранжевыми боками опрыскиватель на высоких колесах.

На вопрос, работает ли он на всех этих видах техники, Юрий Михайлович ответил:

— Нет, я не сяду за руль этих машин, так как вся техника оснащена цифровым оборудованием и требует специальной подготовки, хотя имею все документы на управление. Мой любимец — комбайн, и я люблю наши: «Дон» и «Ростсельмаш».

По дороге узнаю о хозяйстве в цифрах: работает 100 человек на постоянной основе, и все — жители Озерского района, очередь на работу — 50 человек.

В этом году пережили трудный период, так как озимые вымерзли, и пришлось пересевать 1200 га. Всего хозяйство занимает 5,5 тысяч га, и все до каждого метра в работе. Урожай растет год от года. В первый 2012 год собрали 700 тонн зерна, а в прошлом 2015 году собрали уже 12000 тонн.

— Где приобретаете семена? Как относитесь к генной модификации?

— В Беларуси. Я буду последним, кто купит генно-модифицированные семена. Несмотря на давление американцев, Европа их пока не пустила, а Украина пустила на свои поля. Россия тоже пока держится. Мы стараемся улучшать качество земли, внося в почву добавки на основе гумуса.

Подъезжаем к зданию, где работают польские инженеры над созданием цеха по изготовлению биотоплива — пеллет. Пеллеты получаются из отходов сельского хозяйства и представляют собой цилиндрические гранулы где-то размером в три сантиметра. У Лужкова пеллеты будут изготавливаться на основе шелухи гречки. Горы ее лежат прямо на полу огромного ангара. Уже сейчас поляки предложили: «Все, что произведете, мы все купим». Юрий Михайлович объясняет, что 50 килограммов этого топлива хватит на неделю обогрева гостевого дома. Причем, загрузив его раз в неделю, можно не беспокоиться, так как все автоматически отрегулировано.

Не задерживаясь, мы отправляемся к коровнику, но обитательницы его виднеются далеко на взгорке на пастбище, также как и лошади, и овцы. Пастбищ несколько, и животные перемещаются с одного на другое, пока подрастает трава на оставленном. Мы проходим мимо навеса, под которым складирована солома.

В следующем здании предполагается сыроварня. Пока изучаются технологии, но к концу года на калининградских прилавках появятся первые головы сыра различных европейских сортов.

Мы идем дальше, и речь заходит об овцах. Юрий Михайлович предпочитает романовскую породу, которую он относит к очень уважаемой в мире, ее достоинства признают члены мирового сообщества овцеводов. Она очень плодовита, мясо отличается высокими вкусовыми качествами. А мех очень красив. Во время войны полушубки для фронта были сшиты из меха романовской породы. Сейчас стоит задача — создать племенное хозяйство овец, чтобы это было классическое хозяйство.

— Коровы молочные, высокоудойные, — продолжает Юрий Михайлович. — Молоко продаем в регионе, делаем сметану и творог для себя, но обязательно перейдем к выпуску как минимум пяти сортов сыра европейского качества, когда откроем лабораторию по проверке качества.

Гречка наша в Калининграде продается на Московском рынке по 1, 3 и 5 килограммов в пакете, чтобы не скупали предприниматели и не реализовывали дороже.

Мы снова садимся в автобус и вскоре подъезжаем к отреставрированному зданию доменной постройки. Прежний элеватор переоборудован под «крупорушку» — вот такой термин, для получения товарного вида гречки. Здесь стоит специальное устройство для подогрева семян, для отшелушивания гречки от шелухи, и семена ручьем текут по двум желобам, чтобы отделиться ядру от твердой коробочки семени.

— Здание было разрушено, а мы его восстановили, — не без гордости отмечает Юрий Михайлович, — оно возведено в 1902 году, но удивительно, что крупновские транспортеры оказались в прекрасном состоянии, так же как и электропроводка «Сименс».

Подпадая под необъяснимое обаяние хозяина этого образцового русского хозяйства, я постоянно думаю о том, как же здорово все организовано, возведено, отремонтировано, реставрировано. А как красивы ухоженные, выровненные, тянущиеся к горизонту поля. Но почему? Зачем? Мог бы лежать себе где-то на лазурном берегу, в конце концов, еще одну книгу мог написать... Создать какие-то модные фонды, как другие, и не слезать с экранов им же самим проплаченных передач на телевидении.

Но здесь другое.. . Пока мы едем к огромной, мощной, сверкающей на солнце и кажущейся серебристой зерносушилке, привезенной из Англии, Юрий Михайлович, объясняет, зачем ему нужно заниматься сельским хозяйством.

— Во-первых, взял ответственность за тех 100 человек, которые работают на этой земле. За каждым работником — его семья. Не потому что хочу выгоды, а из потребности работать на земле. Говорят, если хочешь гарантированных потерь, займись сельским хозяйством. Ведь нужно вкладываться в удобрения, в технику, и я не могу обмануть людей, здесь работающих.

Второе — хочу посмотреть, а какие могут быть для России условия, чтобы поднять сельское хозяйство, чтобы государство полностью кормило себя.

И наше государство может накормить три таких России, используем ведь лишь 30 процентов сельскохозяйственных земель. Все идет от власти, если думать о народе, страна будет процветать. Поэтому я отмечаю свой баланс расходов на удобрения, семена, приобретение запчастей для техники, на топливо, на приобретение техники, потому что лопатой ты ничего не сделаешь. У нас фермер берет кредиты под двадцать процентов, тогда как в Европе государство поддерживает сельское хозяйство финансированием из бюджета: с каждого евро фермер получает 36 центов.

Две трети земли в России не обрабатывается. Многие земли стали собственностью банков, а они не знают, что с ними делать. Земля не используется. Это плохо, что они не платят налогов, а для меня еще возникает проблема сорняков. Не обработанное соседнее поле — чего нам стоит очищение от сорняков, очень дорого, гербициды выросли в цене. Но мы тратимся, чтобы гречка была чистой.

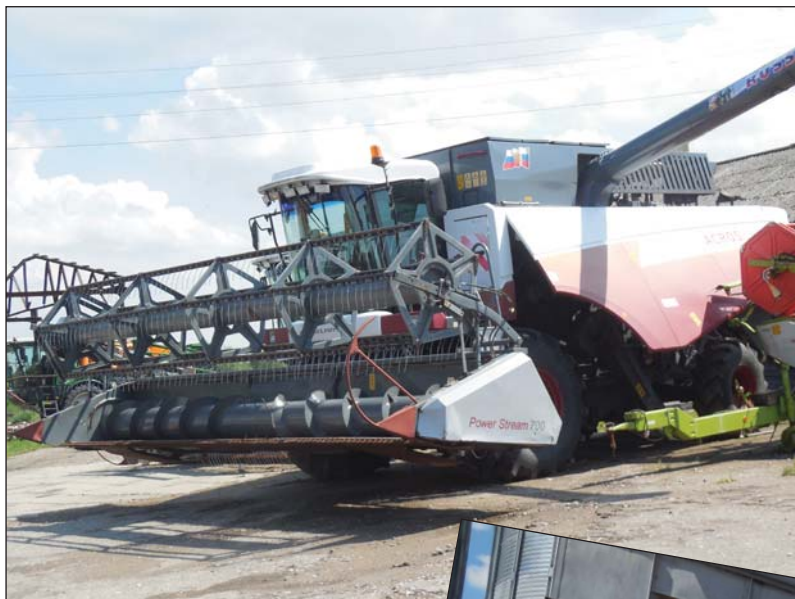
Цветущее поле гречихи

Л. Довыденко и Ю.М. Лужков

Бывший
каретный сарай
готовится
под лабораторию

Комбайн,
на котором работает
Юрий Михайлович

Ю.М. Лужков
у зерносушки

Отреставрированная
конюшня

О России и глобальном мире

Вердикт воспринят будет на ура,
Без ропота и гнева. В том беда
Главнейшая у нашего Сократа,
Что он по жизни не был демократом.

Время в гостях бежит незаметно, пора уже и домой отправляться, но чаепитие наше затягивается. Юрий Михайлович делится своими наблюдениями за тем, что происходит в мире и в России:

— Политика, а она есть, но внутри страны ее не существует. Не определены стратегические цели государства. В начале 2000 годов президент, не объявляя громогласно, повел линию на то, чтобы общенациональные ресурсы подобрать под государство. Было понятно, что президент может это сделать, возратить государству то, что должно ему принадлежать. Это было послание олигархам через процедуру с Ходорковским. Общество это восприняло одобрительно, особенно те, кто за возвращение авторитета страны, силы, против раздробленности элит. Это было сделано вопреки тем, кто был ориентирован на Запад. Много сделано, но пришли времена санкций. Это обоюдоострая тема. Общемировой кризис, начавшийся в 2008 году, не закончился.

Путин пытается собрать страну, разобранную и униженную. Многое удалось, и общество отнеслось к этому положительно. Вопрос в том, насколько эта стратегия устойчивая. Очень много непоследовательности. Что касается внешней политики, то здесь она более последовательная. Это проявляется в решениях по Сирии, его выступлениях, действиях. Далеко не все считают, что правильно влезли в Сирию, но то, что Россия показывает силу и эффективность, приверженность идее — борьба с терроризмом — это факт.

У многих были сомнения по решению как ответу на продовольственное эмбарго, объявленное Евросоюзом. Это сложная вещь. Надо было обеспечить продовольствием население, надо было действовать по другим направлениям, и нельзя не отметить, что это стимулировало тех, кто должен решать проблемы по увеличению объемов собственного производства. Но для этого необходимо сконцентрировать ресурсы и постоянно их видеть среди задач по развитию сельского хозяйства. Нужно отойти от догмата неучастия в координации проблем экономического развития, влияния на монополистов. Экономика сегодня, к сожалению, имеет монопольный характер. Надо оказать мощную поддержку аграриям. Правительство попустительствует бездумному и необоснованному росту цен на ресурсы, которые должны быть использованы в сельском хозяйстве, и все это по преимуществу резко снизило тот возможный эффект, который мог бы получиться — это самоэмбарго.

И, наконец, государство сегодня не может выбраться из западни, в которую нашу систему погрузили со времен Гайдара. «Чикагские мальчишки» навязали монетаризм, игру в деньги, накачивание деньгами банковской системы не за счет развития экономики, а за счет безумных кредитов, в 90-е годы остановили развитие экономики. Это все частично было инспирировано ростом цен на нефть и газ, а с падением цен на углеводороды эта политика обнажила все диспропорции в системе, о которой писал Адам Смит и Карл Маркс: деньги — товар — деньги. А накачка пустыми деньгами банков вызвала инфляцию и резкое снижение производственного потенциала страны. Развития экономики не произошло. И при всей очевидности этого пагубного курса, который был задан в начале 90-х годов, в нашей банковско-экономической системе не происходит изменений: все тот же монетаризм из питерского кружка. Они полировали мозги нашим высшим руководителям, объявляя, что кризис имеет внешние, а не внутренние причины, утверждая, что уже его дно достигнуто, и начнется развитие. Не начнется, пока в государстве не изменится принципиальное мнение по отказу от монетаризма и по реальной поддержке ее величества Экономики.

Сегодня много говорят о сбережении народа. Лихачев беспокоился, что наше общество теряет самобытность, идентичность. Это так. Самобытность, внутренняя культура держалась на деревне, на тех, кто работает на земле. Позволяя разваливаться деревням, когда человек отрывается от земли, мы теряем в духовных ценностях. Развал деревни произошел из-за дурной политики в России, а это удар по традициям и религии.

Прощаемся, трижды по-русски расцеловавшись. Еду и снова люблюсь цветущей гречихой, изумрудными полями с пшеницей, и чем дальше по дороге от Озерска — тем больше бурья-

на и кустарников на бывших полях. Вспоминаются слова: Русь бескрайняя, Русь озерная, Русь богатырская. Как нуждается она в Лужковых, которые бы вернулись к земле, взяли на себя ответственность, возделали и полюбили сделанное. Думаю о том, что для этого требуется личное мужество и поддержка государства. Как же расточительно наше государство, так поступая со своими умнейшими людьми, со своими опытными кадрами и специалистами, восхищаюсь тем, как можно умно организовать безотходное и экологически чистое хозяйство, какое сильное желание накормить людей, дать им здоровую пищу. И перед глазами снова Юрий Михайлович за рулем комбайна. Нет, оказывается, не исцеления от шума Москвы и политических баталий ищет человек в кепке. Он реализовывает себя, чтобы дать России свои расчеты и советы по сельскохозяйственному подъему, по возвращению своего народа к земле, а значит, к его нравственному здоровью.

Какую потрясающую метафору современному обществу дал Юрий Михайлович, сказав о сорняках, семена которых ветер заносит на его поля. Так и поля жизни созидательных людей России засоряют люди-сорняки своим невежеством, ограниченностью, корыстолюбием. Гербицидами против них могут быть знания, просвещенность, осознанность, благородство, созидание.

Благодарю Юрия Михайловича за его рассказ и гостеприимство, за сохранение традиций русского народа, за любовь к земле. В эпитафиях звучат строчки из поэмы Лужкова о Сократе, философе, который величайшим злом для человечества считал невежество.

Голосуй за Родину!

Владимир Патрин

Кавалер ордена Мужества — звучит гордо, потому как общеизвестно, что за этой наградой стоит подвиг, благодаря которому были спасены человеческие жизни или предотвращена большая общественная опасность. Что же в таком случае можно сказать о тех людях, чьи форменные кители украшают сразу несколько таких государственных наград? А между тем за более чем двадцатилетнюю историю существования ордена Мужества (с 1994 года) три россиянина были награждены им четырежды: военный лётчик, полковник Андрей Воловиков, полковник ФСБ Сергей Милицкий и полковник полиции Алексей Новгородов.

Вызывающий огонь на себя

Как следует из статута награды, обладатель трёх орденов Мужества при совершении ещё одного подвига может быть представлен к званию Героя Российской Федерации. И хотя офицер, о котором пойдёт речь, не был отмечен высшим знаком ратной доблести — медалью «Золотая Звезда», все, кто его знают, говорят, что этот человек — герой по своему внутреннему состоянию. Он готов прийти на помощь даже в том случае, если ему самому будет угрожать смертельная опасность. Именно поэтому он не раз в жестоких схватках с врагом вызывал огонь на себя, пытаясь при этом спасти других.

Его имя в переводе с греческого означает «защитник». И кажется, сама судьба преопределила его жизненный путь: оберегать, отражать, предотвращать. Да и день рождения совпал с эпохальным событием — полётом первого в мире человека в космос.

Алексей Новгородов, как и большинство советских мальчишек, мечтал служить своей Родине, да так, чтобы она надолго запомнила его. Вскоре мечта сбылась, и вчерашний школьник вступил в ряды Советской Армии, на два года надев форму десантника.

По окончании службы вопросов по поводу определения с профессией не стояло. Хотел работать в милиции. Во-первых, было желание устроить жизнь по справедливости, по закону. Во-вторых, он был из династии правоохранителей: дед служил ещё в царской полиции, отец после войны заведовал вооружением в органах внутренних дел.

Выбор своей стези сотрудника уголовного розыска Алексей объяснял просто: быть на переднем крае, то есть там, где ты нужнее всего.

Людям далёким от милицейских будней трудно оценить степень напряжённости и риска, которые на протяжении последующих лет окружали молодого оперативника. Работая в органах внутренних дел, пришлось повидать много человеческого горя, столкнуться с самыми изощрёнными и жестокими преступлениями, быть свидетелем гибели своих боевых товарищей. Позже, с высоты прожитых лет, Алексей Викторович скажет: «Пройти тот путь, который довелось пройти мне, не пожелаешь никому из ныне здравствующих».

По зову сердца

В свою первую командировку на Северный Кавказ Алексей Новгородов отправился по собственному желанию. 1995 год стал переломным для федеральных сил в военной кампании в Чечне. Но бои локального значения продолжались. К тому же сепаратисты, не имея сил для открыто-

го противостояния российским военным, сделали упор на диверсионно-партизанские операции. И с обывательской точки зрения, ехать из мирной спокойной Москвы в эту «горячую точку», где в любой момент можно было получить пулю или осколок взрывного устройства, было чистым безумием.

Но Новгородов мыслил иными категориями. Всего лишь несколько лет назад на его глазах распалась великая и горячо любимая им страна — Советский Союз. И вот теперь уже Россию враждебные силы пытаются разодрать на части. И если он и ему подобные сейчас не встанут на защиту страны от хищнических лап, то кто ж тогда спасёт Родину?

К тому же Алексей, уже имеющий за плечами опыт оперативной работы, думал, что знакомые ему методы и способы борьбы с криминалом вполне можно будет применить в беспокойной Чечне.

Он понимал, что эффективно выявлять скрывшихся среди мирного населения республики бандитов и громить их логова и базы возможно лишь с помощью оперативного внедрения в их среду. И здесь в качестве образца Новгородов держал в памяти примеры деятельности барона Фёдора Торнау (1810 — 1890 гг.), который первым из русских под видом горца перебрался на южную сторону Кавказского хребта, чтобы собрать необходимую информацию о противнике.

Правда, в свою первую командировку, длившуюся три месяца, оперативнику осуществить всё задуманное не удалось. Однако в ближайшем будущем шансов для самореализации на кавказском направлении ему было предоставлено предостаточно.

Крещение огнём

Вторая командировка на Кавказ не заставила себя долго ждать. 1997 год. Северная Осетия, Владикавказ. Несмотря на то, что активная фаза осетино-ингушского конфликта пришлась на 1992 год, его последствия ощущались и позже. Так что республика и пять лет спустя жила в достаточно напряжённом состоянии. Повода для расслабления не давала и соседняя Чечня. Хасавюртовские соглашения, подписанные в 1996 году представителями Российской Федерации и мятежной Ичкерии, положили конец первой военной кампании, но, к сожалению, не остановили ни роста сепаратистских настроений в среде незаконных вооружённых формирований, ни разгула криминала на подконтрольной разношёрстному масхадовскому ополчению территории.

В граничащих с Чечнёй районах продолжались регистрироваться грабежи, разбои, убийства, похищения людей. Так, в плен к боевикам попал гражданин Франции, глава офиса Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Северной Осетии. За него бандиты намеревались получить неплохой выкуп.

На поиски француза федералами было брошено сразу несколько оперативных групп, укомплектованных опытными сыщиками. В одну из них входил Алексей Новгородов. Зона поиска — Северная Осетия и Ингушетия. Работа кипела день и ночь. Опрашивались сотни людей, выявлялись лица, готовые к сотрудничеству, информация собиралась буквально по крупицам. Нужно было точно установить местонахождение похищенного иностранца, чтобы направить туда группу захвата.

Однажды по наводке оперативников сотрудники мобильного отряда провели операцию в населённом пункте на границе Чечни и Ингушетии. Блокировав один из домов, освободили заложника. Однако им оказался не разыскиваемый иностранец, а наш соотечественник — Алексей Горький.

Информацию же о нахождении сотрудника миссии ООН удалось раздобыть позже. И используя эти данные, полученные общими усилиями правоохранительных органов, спецназ в 1998 году провёл удачное освобождение француза...

В этой же командировке Новгородов получил «огневое крещение».

— Никогда не забуду первый обстрел, под который попал наш БТР, — вспоминает Алексей Викторович. — Ехали «на броне» через Черменский круг в Ингушетию.

А дело было уже под конец командировки, и мы несколько расслабились. Тяжёлые бронезилеты надевать не хотелось, они лежали рядом. Но когда вблизи засвистели пули, я вмиг влез в свой «броник» и попытался натянуть поверх ещё один, что оказался под рукой (смеётся).

Один из героев повести Николая Куприна «Гранатовый браслет», боевой генерал, говорит: «Ты не верь, пожалуйста, тому, кто тебе скажет, что не боялся и что свист пуль для него самая сладкая

музыка. Это или псих, или хвостун. Все одинаково боятся. Только один весь от страха раскисает, а другой себя держит в руках».

Новгородов при случае может рассказать о своей мимолётной слабости, но от него не услышишь о том, как впоследствии при звуках выстрелов он превозмогал страх и, рискуя жизнью, спасал других. Не в этом ли истинная сила человеческого духа?

В новом очаге напряжённости

Свой первый орден Мужества он получил в 1998 году, по итогам кавказской командировки. И казалось бы, можно было остановиться, забыть о «горячих точках» и посвятить себя менее опасной работе в столице. Но как бы ни так! Как только в 1999-м в УВД по Восточному административному округу Москвы приходит разнарядка на командирование сотрудников милиции в охваченную политическим кризисом Карачаево-Черкесию, Новгородов первым подаёт рапорт.

В то время выборы главы КЧР, прошедшие в два тура в апреле и мае, привели к серьёзному общественно-политическому конфликту, в котором присутствовал и этнический фактор. Уже после первого тура голосования в республике начались террористические акты, поджоги и обстрелы избирательных штабов, покушения на активистов избирательных кампаний. И было ясно, что определённые силы хотят сделать из некогда мирной Карачаево-Черкесии очередной очаг напряжённости на Кавказе.

В этой накалённой обстановке и пришлось работать Алексею Новгородову и его коллегам. Не раз они пресекали поставки оружия и взрывчатки в республику, предотвращали взрывы, вступали в бой с членами местного бандподполья.

Наиболее памятным оказалось происшествие у Медовых водопадов, которые расположены в долине небольшой горной речки Аликоновки. Хотя это место и не столь удалено от цивилизации, но всё же несколько глуховато. Там-то, по данным оперативников, и находился большой схрон с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, который боевики в «час икс» готовились вскрыть, и всё его содержимое использовать по назначению. И когда милицейская группа, обнаружив и откопав тайник, готовилась к описи содержимого и его вывозу, случилось непредвиденное. К схрону подошли его владельцы. Завязалась перестрелка. И уже не было речи о том, чтобы изымать стволы, патроны и взрывчатку по всем правилам криминалистики.

Тайник подорвали накладным зарядом, после чего в боевом порядке отступили к населённому пункту. В целом задача была выполнена. И самое главное — обошлось без потерь.

Работа Алексея Новгородова в период командировки не осталась незамеченной. В 1999 году его китель украсил второй орден Мужества. К тому же принципиального и напористого капитана заметили в Главном Управлении по борьбе с организованной преступностью МВД России, куда и пригласили на должность оперуполномоченного.

Заговорённый до времени

В августе 1999-го началось вторжение ичкерийских сепаратистов в Дагестан, затем в октябре последовала наземная операция федеральных сил в Чечне. И в то время, когда на Северном Кавказе гремели бои, Новгородов понимал, что сейчас не время для кабинетной работы. Ему надо быть там, где всего нужней его «оперской» опыт и боевая армейская выучка. И уже в качестве специалиста ГУБОП он вновь отправляется в командировку в южном направлении. Таких командировок в этом памятном году будет три.

И как и в прошлые поездки на Кавказ, верным другом Алексея становится автомат. В условиях боя, который при проведении оперативных мероприятий может разгореться в любую минуту, «калаш» просто незаменим.

Вообще, пользоваться оружием тогда приходилось часто. Например, однажды в городе Аргун оперативная группа, в составе которой находился Новгородов, в районе полуразрушенного комплекса зданий автосервиса подверглась обстрелу из автоматического оружия. Первыми выстрелами был

ранен прапорщик милиции Дунаев, который остался лежать на открытой местности. Боевики не добивали раненого, а ждали, когда ему на выручку придут его товарищи, чтобы и их пригвоздить прицельными выстрелами к земле. Милиционеры это тоже понимали и под пули понапрасну не лезли.

— Я сразу определил, что отсюда — с пристрелянной зоны — нам боевиков, скрытых за стенами, не достать, — делится воспоминаниями Алексей Викторович. — Но если зайти чуть сбоку и изменить угол атаки, то вполне можно если не попасть в них, то хотя бы внести сумятицу в их действия.

По-пластунски Новгородов пробрался по придорожной канаве, вышел из сектора обстрела, зашёл слева и дал автоматную очередь в сторону боевиков. Те, получив прицельный огонь со стороны, отвлеклись от основной обстреливаемой группы и стали бить по смельчаку-одиночке. Благодаря этому манёвру удалось отвлечь внимание бандитов от раненого, которого тут же оттащили в безопасное место. Так Новгородов, в очередной раз вызвав огонь на себя, фактически спас боевого товарища.

В многочисленных боестолкновениях пули не брали и осколки не секли — так что до поры до времени его считали заговорённым. Это продолжалось до того дня, пока их группа, выехавшая на специальное мероприятие, в декабре всё того же 1999-го не попала в засаду на окраине Аргуна. По милиционерам били из автоматов и забрасывали гранатомётными зарядами...

После этой командировки на кителе Алексея Новгородова на правой стороне груди появился галун тёмно-красного цвета — знак ранения, который по своему символическому значению, безусловно, превосходит все другие знаки отличия и награды. Недаром, согласно президентскому указу, крепить на форменной одежде его надлежит выше орденов и медалей. И в этом случае выражение «пролить кровь за Родину» приобретает уже не переносный, а самый прямой смысл.

В 2000 году за отличие в деле наведения конституционного порядка в Чеченской Республике Новгородов был отмечен третьим орденом Мужества и досрочным присвоением специального звания «майор милиции».

Свой среди чужих

Спустя три года было ещё одно возвращение в Чечню, теперь уже в качестве начальника отдела по борьбе с организованной преступностью Временной оперативной группировки органов и подразделений МВД России. И вновь были задержания вооружённых преступников, изъятия оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, вес последних исчислялся сотнями килограммов. И в том, что на улицы Грозного и других населённых пунктов стало можно выходить без опасения оказаться жертвой террора, была немалая заслуга Алексея Новгородова.

Жители Чечни видели, что вокруг ничего угрожающего и опасного не происходит. И им было невдомёк, что эта тишина и покой стоили офицерам-оперативникам многих усилий и бессонных ночей. Обыватели не знали, что те самодельные бомбы, которые могли лишить жизни их самих и их близких, обезврежены, террористы, которые готовы были пролить невинную кровь, задержаны либо уничтожены. И цена того, что на городской улице ничего экстраординарного не случилось, была известна только людям в погонах, стоящим стеной между мирной жизнью и оголтелым криминалом.

И теперь Алексей Викторович, видя, что Чечня из полыхающего края превратилась в один из самых безопасных регионов России, говорит, что невероятные усилия, нервы, раны и смерть боевых товарищей — всё было не зря...

Если рассматривать биографию Новгородова с точки зрения киносценариста, то с уверенностью можно сказать, что многие эпизоды его службы стали бы хорошей основой для десятков остросюжетных фильмов. Вот только жаль, что большинство оперативных разработок, осуществлённых некогда Новгородовым и его коллегами, до сих пор остаются под грифом «секретно». Как шутит по этому поводу Алексей Викторович, вспоминать можно, рассказывать нельзя. И именно поэтому о них — героях наших дней — мало что известно.

А между тем Алексей Новгородов, противостоя криминалу, не раз ходил, как говорится, по лезвию ножа. На его счету — более сотни внедрений в преступные сообщества. И каждое из таких служебных перевоплощений могло стоить ему жизни.

Вспоминает полковник полиции такой случай: как-то группа фальшивомонетчиков с Кавказа сбывала крупную партию поддельных долларов, и её нужно было разоблачить и задержать с поличным. Под видом жителя Беларуси Новгородов прошёл процесс внедрения и договорился о покупке «липовой» валюты. Перед началом операции с коллегами было обговорено, что Алексей садится в машину к фальшивомонетчикам, берёт у них «товар», расплачивается, после чего произносит контрольную фразу, которая (через радиомикрофон) служит сигналом для группы захвата.

Однако финальная стадия операции пошла по совершенно другому сценарию. Не успел «белорус» продемонстрировать преступникам настоящие доллары, не тем более обменять их на фальшивки, как подбежали спецназовцы, всех выволокли из машины и положили на землю...

Когда Новгородов оказался тет-а-тет с руководителем операции, он, не стесняясь в выражениях, начал высказывать претензии по поводу несвоевременных действий СОБРа. Надо, мол, было дожидаться обмена, чтобы зафиксировать факт преступных действий злоумышленников.

Руководитель терпеливо выслушал разгорячённого офицера, после чего объяснил свои действия и распоряжения. Оказалось, что в машине преступников тоже был установлен микрофон, и весь их разговор прослушивался. Ещё до встречи с покупателем они договорились убить «клиента» и забрать имеющиеся при нём деньги.

А когда Новгородову показали внушительных размеров нож, которым режут скот и которым — промедли группа захвата несколько минут — его могли убить, оперативнику стало стыдно за свою горячность.

Этот урок он усвоил твёрдо, и когда сам стал планировать операции по разоблачению и задержанию преступников, уже не понаслышке знал, что такое ответственность за жизнь своих сотрудников.

Не славы ради

Четвёртый орден Мужества полковнику полиции Новгородову был вручён в 2008 году за раскрытие сложнейшего уголовного дела. Рассказывать о нём, к сожалению, тоже не позволяют условия секретности. Но можно констатировать, что благодаря усилиям оперативников миновала угроза жизни для сотен людей. И тем, кто, рискуя собой, разматывал этот криминальный клубок, нужно поклониться до земли.

Возможно, когда-нибудь придёт их звёздный час, и так же, как некогда писатели Аркадий и Георгий Вайнеры, подняв из архивов материалы уголовных дел давно минувших лет, написали сначала роман «Эра милосердия», а затем сценарий к фильму «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.), кто-нибудь облечёт в литературную форму рассказы о подвигах современных Жегловых и Шараповых. И тогда люди, наконец, узнают о неизвестных героях, которым страна обязана спокойствием и процветанием.

Алексей Викторович не из тех, кто при каждом удобном случае демонстрирует окружающим боевые ордена. В первый и последний раз он прибег к тому, чтобы напомнить руководству МВД о своих заслугах, было сделано ради коллектива. Дело в том, что в 2008 году, после Указа Президента Российской Федерации о ликвидации службы по борьбе с организованной преступностью, многие высококлассные специалисты, называемые в милицейской среде «штучным товаром», могли остаться не у дел, хотя работы для них хватало. И тогда по предложению полковника милиции Новгородова на базе Департамента экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России было сформировано ещё одно подразделение, в состав которого вошли бывшие оперативники ГУБОП. Их опыт впоследствии очень пригодился при раскрытии громких уголовных дел.

Р.С. Алексей Викторович — член партии «Родина». Он считает, что только государство, имеющее высококлассную полицию, может быть сильным и благополучным. И какие бы ярлыки на протяжении разных исторических эпох ни вешали на органы внутренних дел, они всё равно продолжают оставаться той организацией, что хранит общество от беды, сдерживая все деструктивные силы. <http://www.ormvd.ru/pubs/103/calling-the-fire-itself/> Такие люди должны быть в команде президента. Голосуй за «Родину»!

Николай ИВАНОВ

Дорогой Николай Федорович!

Редакция журнала «Берега, наши авторы и читатели сердечно поздравляют Вас, талантливого писателя, обладателя блестящего слога и тонкого психологизма, яркую Личность, Мастера современной прозы, с 60-летием!

Ваши книги получили широкую известность среди читателей, это романы: «Шторм» начать раньше...», «Черные береты», «Без права на славу»; повести: «Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре», «Спецназ, который не вернется», «Брянская повесть», «Белый танец», «Наружка»; и Ваш любимый его жанр — новеллы: «У синей реченьки...», «Вера. Надежда. Война», «Засечная черта», «Семь нот о любви», «Партер. Седьмой ряд», «Камерный полковник», «Дела земные» и многие другие, публикации о Крыме в журнале «Берега». В Ваших произведениях душа русского народа, его лучшие черты, проявляющиеся в уме, совести и сердечности, Вы задаете нравственные ориентиры

Вашим современникам и последующим поколениям.

Мы гордимся Вашим участием в редакционном совете журнала, благодарны за то, что Вы, решительный и энергичный, интеллигентный, со здоровой самоиронией человек, уделяете огромное внимание большой российской литературе, журналистике, часто выезжая в глубинку страны, побывав во многих «горячих точках» мира, что Вы высоко цените честь и достоинство, боевое братство и дружбу, реализуете уникальный проект, связанный со Знаменем Победы, ведете учебно-практические курсы для военных журналистов «Бастион», помогаете и поддерживаете молодых писателей, в родном селе участвуете в восстановлении Покровской церкви.

Примите наши самые искренние и добрые пожелания крепкого здоровья, успешных дел на благо государства российского, больших творческих успехов и новых побед!

Тридевятое царство

Новелла

1

Грудки были такие маленькие, что хватило двух камушков, чтобы прикрыть их от солнца.

— Везёт же некоторым.

Покрывало, раскладываемое рядом, овеяло Алёну жарким ветерком. Глаза можно не открывать — Зинка-продавщица из Военторга. А вот уши бы замуровать...

— Мне в детстве говорили, что я копия отца. Радовалась — худенькая буду. А сейчас в зеркало гляну: «Здравствуй, мама!» Кто-то весь торт съест — и ничего, я же только гляну на него, а по бокам уже по 5 килограммов нависло. Ничего, что я рядышком?

Господи, неужели не наговорилась в своём Ванькином торге? И только бы не начинала о своём разводе...

— Я тут подумала, почему у меня не сложилась семейная жизнь: кольцо свадебное я ведь сама себе купила! Пожалела мужа, чтоб не вкалывал по ночам. А он и не стал вкалывать. После свадьбы тем более... Глянь-ка, что тут можно сделать?

Воентрог, конечно, желудок армии, но при чём здесь нервы подруг, прилегших позагорать в послеобеденный отдых? Что ещё?

— Женихи все ноги оттоптали, — попробовала оправдаться за плохо подогнанные берцы Зина, отдирая лейкопластырь со сбитых пяток. — А на что они мне? — Несмотря на возглас, тема была ей приятна: — Это девки любят красивых, а мы — уже порядочных, — то ли превознесла себя, оправдав отсутствие женихов, то ли опустила напарницу.

— Зайдёшь ко мне — смажу, — вернула камешки на место приподнявшаяся было Алёна. На войне нет разницы в днях недели, но вот напомнила, что понедельник — день по-прежнему тяжёлый.

— Он у меня как прогноз погоды был — всё всегда не вовремя.

Похоже, она сама всегда была в семейной жизни не вовремя. Так что лейкопластырь на рот клеить надо, а не на пятки...

— Я ж ещё не успела согрешить, только в мыслях, а уже — расплата. Сам, небось, направо и налево... Уходишь?

Убегает. Лучше к больным и раненым, чем в чужие семейные дразги:

— Надо причёску какую-никакую сделать.

Маскеть, укрывшая пляжную полянку, рассеивала не только солнце, но и возможные мужские взгляды. Да и принявший под опеку женский лагерь командир морской пехоты из Балтийска старший лейтенант Мережко не только расположил свои палатки по периметру женской обители, но и наставил вдоль колючки сигнальных мин-ловушек. Сам не ам, и другому не дам...

Подоспело и известие, что старлей одинаково хорошо играет и на гитаре, и на снайперской винтовке. По крайней мере, один из командировочных майоров, вздумавший «нежданчиком» проверить караульную службу пехотинцев, научился плясать лезгинку именно под пулями, впивавшимися под его подошвами. После этого стало окончательно ясно, что даже в госпиталь, располагавшийся среди женских палаток, можно попасть лишь двумя путями — раненым с поля боя или с температурой в сопровождении ротного санинструктора. Лагерь окрестили «Тридцатым царством», намекая и на контингент «Особо Охраняемого Объекта», и на географическую принадлежность морпехов из Калининградской области, по автомобильным номерам отнесённой к 39 региону. А высшей похвалой Мережко стало то, что со временем название женского лагеря перешло сначала на весь военный городок, а затем даже в радиопереговоры между «духами».

— Какая операция? — послышался среди палаток голос начмеда, и Алёна торопливо застегнулась до последней пуговички на халате. — Пусть гороскоп глянет — все созвездия раком стоят. Операция ему... Если зимой умирать неудобно, то весной — жалко. Так и передай хирургу. Мухой.

Меж палаток не мухой, конечно, но запущенным по воде «блинчиком» — плюх-плюх-плюх — пропрыгал дежурный по медбату: видать, берцы и впрямь в последней партии завезли слишком жёсткие, если хромает каждый второй. Алёна упорхнула вслед за попрыгунчиком, а Зина, отложив бутерброд с любимым паштетом и огурчиком сверху со шпротинкой для усиления вкуса, схватила оставшиеся бесхозными камешки. Примерила на свою вольготно расплывшуюся грудь. Размера не хватило укрыть даже коричневый ореол, и продавщица, словно Алёна была виновата в её дородности, связала уход медсестры со своей прошлой жизнью:

— Причёски у неё нет... Подойди к мужу, назови козлом, и он тебе такой начёс соорудит!

За причёску Алёны она могла бы не беспокоиться: мужа у той не имелось, а что заглядывается на неё капитан-вертолётчик, так об этом разве что плакаты на строевом плацу не сообщали. Однако следовало быть честным: своё личное отношение к летуну она не выказывала, так что надеялся на благосклонность местной дюймовочки и командир разведроты, про чью симпатию к Алёне не прошелестела ни одна травинка. Тайну морпеха мог бы распознать Зигмунд Фрейд, расшифровав рвение старлея по охране «Тридцатого царства», да только в армии в начале девяностых были ликвидированы даже обыкновенные военные психологи: мало ли что нашепчут человеку с ружьём, к чему призовут и кого любить заставят! Боялась армию новая власть, а Чечня позволяла держать наиболее толковых офицеров подальше от Москвы!

— Маликова! — раздалось среди палаток, и Алёна застыла, зажмурившись от досады: не успела прошмыгнуть мимо начмеда. И хотя погон не носила, повиновалась общему порядку и повернулась к начальнику по-военному.

Подполковник сидел на ящике из-под артиллерийских снарядов, служившим лавочкой у перевязочной палатки. Махнул рукой — подойди, я набегался. Право подзывать женщин давали не два просвета на погонах, а красные нашивки за ранения, да ещё обе в ноги.

— Ты мне дисциплину здесь не расхолаживай, — отчитал первым делом, но было непонятно, имел он в виду вертолётчика или извивы белого тела сквозь масксеть. — Думаешь, одна тут? У них, — кивнул за колючую проволоку, намекая на мужчин, — душа, конечно, радеет о работе, но ноги просятся в санчасть. И нет бы по нужде, а то ведь из-за таких красивых, как ты.

И вновь никакой конкретики. Просто виновата. На всякий случай! Ноздри раздуваются, как голенища, на избитом оспинами лице сжатые в линеечку полные губы. А ведь фамилия у него самая добрая из всех возможных медицинских — Сердцев. Подполковник Сердцев. Только вот ни к обличью, ни к характеру, видят Бог и Гиппократ, она не подходит. Да и не держатся прищёлки на старом асфальте: говорят, менял он её. Тоже с почти медицинской, кстати — Могильщиков. В начале службы, дурачась, даже вывешивал её в самой яркой и крупной табличке на дверях кабинета: милости прошу на приём. Улыбался, глядя, как напрягаются пациенты. Однако после первой Чечни фамилия стала столь реально зловещей, что в отпуске переписал удостоверение личности. К сожалению, потока раненых и «двухсотых» это не остановило...

— Что дома? — совершенно неожиданно, как если бы вместо лекции о международном положении на сцене запел оперный певец, поинтересовался начальник.

— Мамка ждёт, — пропела свою арию Алёна.

— Мамка, — пробурчал подполковник, помассировав щиколотку. Видать, полоснуло ногу именно там. — Женихи должны ждать. Возьми на складе сорок ИП, отнеси Мережко. И под роспись!

— Сорок? — переспросила Алёна. Начмед никогда не ошибается, но и выдавать столько дополнительных индивидуальных пакетов... Морпехи идут на задание? И какое оно должно быть, если майор прогнозирует столько ранений?

Сердцев так зыркнул, что Алёна, как только что дежурный, понеслась к складу едва ли не над тротуарной крошкой.

— Сорок, — повторил начмед для себя. Именно сорок, потому что слишком хорошо знал район будущего десанта. Верхняя красная нашивка — оттуда.

Из палатки вышел, блестя бинтом на культе, священник. Улыбнулся счастливо солнцу. Ещё бы — жив остался, хотя руку не уберёг: отрубили в плену, чтобы не крестился и не молился. — Присаживайся, батюшка. Через недельку-полторы начнём заниматься протезом.

Священник, по возрасту не старше капитана, а потому никакой для подполковника не отец Иоанн, неуверенно перекрестился культишкой, сам пока не зная, можно ли осенять себя левой рукой. На всякий случай подбодрил себя короткой молитовкой — словно маковым зёрнышком сдобу приправил. Божье слово — оно всегда слева направо читается, ему хоть обе руки утратить, а правда останется посередине. В сердце.

— Там Мережко на боевые готовится. Можно было бы среди бойцов походить, — скорее предположил подобную возможность, чем попросил Сердцев. Тем более, что кивнул на культу — в те края собирается, где оставил руку.

Замполитов, как и психологов, в армии тоже сократили аккурат под чеченскую кампанию, посчитав заботу о душе и настрое солдата на войне советским анахронизмом. Или, опять-таки, не веря в замполитов, непонятно на что способных подбить подчинённых. Лучше уж оставить командиров их один на один с боевым приказом, оружием, боеприпасами, сухпайком, медициной, связью, артиллерией, авиацией. Вот тут уж им точно будет не до политики. И всё бы ничего, только вот солдатики — они вчера ещё в школе учились, мамку слушались, они ещё в разговор по душам верят. Тем более перед боем. А разговора нет, потому что командир с оружием, боеприпасами, жратвой, взаимодействием с авиацией и артиллерией...

2.

Солдат развлекал белообрый вертолётчик, рассеявшийся на вытащенном из палатки стульчике. Автомат рядом с ним и малюсенькая щепотка подвявших горных цветочков в руках говорили о его недавнем возвращении с задания. Кому предназначался букетик, гадать тоже не приходилось,

и даже если капитан ущипнул цветочки с горной гряды на лету, высунувшись из кабины, это лишь ещё больше указывало на адресата, ради которого можно делать пируэты в небе.

— Она сейчас будет, за второй партией ИП побежала, — дали капитану целеуказание морпехи. — Товарищ капитан, а...

Ни получить вопрос, ни тем более ответить на него вертолётчик не успел: к палатке торопливо шёл Мережко. Развязавшиеся шнурки хлестали по ногам плетьюми, но он, всегда щёголь, на этот раз не замечал небрежности в экипировке. Его бесил приказ с непонятным исходом и спешка, с которой требовалось оседлать одну из горушек, простреливаемую со всех сторон. А тут ещё посторонние по лагерю, как гуси в проходном дворе...

— Дежурный!

Сержант едва не вынес на своих плечах палатку, как плащ-накидку, и памятником замер перед командиром.

— Почему посторонние на территории лагеря?

— Да это же капитан с «вертушки», на которой неделю назад...

— Я говорил, что любого заходящего на нашу территорию, вне зависимости от регалий, пугать так, чтобы потом воробей мимо них пролетал — а они боялись? Сдать повязку!

В армии нет у человека аксельбанта — нет при нём и адъютанта. Сержант, стянув с рукава красную полоску, из повелителя времени и душ солдатских превратился в неотёсанную глыбу, случайно оказавшуюся на пути командира.

Голос Мережко не понижал, и прорезиненная ткань палаток превратилась в сплошное солдатское ухо. Городок затих, и только вертолётчик, оставшийся в одиночестве, продолжал покачиваться на ножках стула. Солнце слепило глаза, и он прикрыл веки, что давало возможность не смотреть на разбушевавшегося по поводу порядка в городке морпеха. Если кто не знает: когда Бог раздавал на земле дисциплину, лётчики были в воздухе.

— Товарищ капитан, попрошу вас...

Капитан приоткрыл один глаз. В мареве изламывалась фигура солдатика, первым попавшегося под руку Мережко и произведённого в дежурные. Идёт изгнание из рая. Значит, табачок окончательно врозь. Но ничего, Устав — он на всех один, и тут ещё надо посмотреть, кто знает его лучше.

— Товарищ солдат, вас что, командиры не научили обращаться к старшим по званию?

Голос тоже не понизил. Не дело, конечно, двум офицерам при подчинённых выяснять, сколько стоят две копейки, но раз пошла такая пьянка...

— Вспомните Устав Внутренней службы и обратитесь строго по нему.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?

— Не разрешаю!

Всё! Устав соблюлён, ответ дебилный, из которого нет выхода, потому как его разработчики не могли даже предположить подобное. Но да, он, капитан Руслан Летников, просто не разрешает младшему по званию обращаться к себе. Извини, конечно, парень, но... Не я войну начал. И имею право вновь прикрыть глаза.

Послышались шаги Мережко — тяжёлые и стремительные одновременно, наверняка выбивавшие искры из каменной крошки. Будет сшибать стул с разгона? Главное, не открывать глаза. При грозе это лучшее детское средство спасения. Вот рядом. И — мимо! Конечно мимо, что он делает. Хлест полога в палатке. Тявкнула, словно собачонка, задетая ногой гитара. Вот и вся музыкальная комедия, и стоило ли начинать? Зато можно теперь уходить. Самому, а не под конвоем.

Капитан собрал на колене окончательно поникшие цветочки, потянулся за автоматом, дежурившим у ножки стула. Тот, предатель, юркнул от страха перед морпехом за спину хозяина, и Руслан встал. Где ты, подлый трус? Выползай.

Автомата не было! Ни под стулом, ни в собственной тени Летникова, ни около палатки. Куда положил-поставил?

— Дежурный, общее построение, — словно выходя теперь уже на арену цирка, распахнул полог палатки Мережко. С автоматом на плече. Ясно, что со своим. Остановился рядом с Летниковым, но словно пустой стене сообщил: — Извините, у меня построение. Прошу покинуть расположение.

— Не задержусь. Сейчас автомат отыщем...

— Оружие своё надо беречь. Солдат без оружия, как... ясно что в проруби.

Не уничижительное сравнение, а усмешка в уголках губ не понравилась вертолётчику. А что, если... Нет-нет, не может быть! Но и мимо стула проходил только он, Мережко. Он подхватил автомат? Бредни! Ведь это оружие, а не бутерброд для Халявы.

— Он стоял у меня здесь, — указал Летников даже не на стул, а на саму тропинку, по которой проходил морпех.

— Ничем не могу помочь! — О, как насмешливо вновь тронулись уголки губ. И впрямь коверный в центре цирковой арены. Уважаемая публика. Впервые на арене. Алле-оп! — Становись!

— Но автомат... Я не уйду без оружия!

Над городком пролетела на форсаже «Сушка», затмив все переговоры.

— Ничем не могу помочь! — не потратился на лишние слова старший лейтенант, едва стих небесный гром.

Летников снова осмотрелся вокруг. Да не может такого быть, чтобы оружие пропало. Что за игры?

Вытерев пот со лба, поёжился от озноба. Взгляд раз за разом притягивался к приоткрытому пологу палатки, единственно оставшейся не осмотренной. Бликуют, смеясь прямо в глаза, пластиковые бутылки с водой, висящие по её углам на случай тушения искр из «буржук». Пожар уже есть, уже надо гасить тревогу, Мережко. Не солдаты же позволили себе так шутить!

Из-за палаток выпорхнула Алёна с охапкой перевязочных пакетов. Упёрлась в солдатский строй перед собой, хотела увернуться — укололась об Руслана. Верхний пакет выскользнул из рук, девушка попыталась поймать его, да только кто ж без подготовки сможет жонглировать двумя десятками тугих медицинских скруток?

Сержант, не успевший отвыкнуть от роли дежурного, дёрнулся из строя на помощь, но команда от Мережко не продублировалась, и наклонившаяся камуфляжная гора восстановилась, замерла на прежнем месте. Не успел подбежать в своей рясе и показавшийся батюшка, хотя какой жонглёр из однорукого? Ретивее всех оказался вертолётчик, но и ему досталось лишь собирать рассыпавшуюся медицину под взглядами пехотинцев. И только Мережко остался безучастным к происходящему. Не только приказ командующего группировкой был тому причиной. Ещё вчера медсестра шептала ему: «Засушу все твои поцелуи. Закатаю на зиму в банку, а когда тебя не окажется рядом, буду доставать по одному». А сегодня ей уже интересен спустившийся с небес летун? Выгадывает лучшую партию?

Летников донёс пакеты до своего стульчика, выложил на сиденье. Чтобы не ставить Алёну в неудобное положение под солдатскими взглядами, кивнул ей и баюкавшему, словно ребёнка, спеленатую культу священнику, и направился к выходу. Не понимая, что произошло за время её отсутствия, Алёна беспомощно огляделась. Увидев упавшие на землю цветочки, подняла их, положила на ладонь, поскольку держаться на увядших ножках они уже не могли. И хотя требовалась роспись Мережко за полученные ИП, решила не встречать в мужские разборки. Петляя среди натянутых растяжек от палаток, заторопилась обратно в медбат.

3.

А вот Летников вернулся достаточно быстро, Мережко только-только успел поставить роте боевую задачу.

Вместе с вертолётчиком к грибку часового подошёл и незнакомый майор с аккуратной бородкой в сопровождении двух капитанов. Часовой, помятуя о гневе ротного, попытался преградить им дорогу, но майор с улыбкой показал удостоверение, да ещё на всякий случай двинул вперёд плечо с большой звёздочкой. Как ни страшен был командир для часового, но от него в худшем случае ему светил наряд вне очереди, а тут шла прямая угроза уйти под трибунал.

— Старший лейтенант Мережко? — поинтересовался для порядка старший группы у вышедшего навстречу офицера. — Майор Павлов, особый отдел. Женщина, — позвал идущую через городок Зину. Та приосанилась грудью — первым и самым видимым, что всегда у той имелось под рукой. — Женщина, побудете понятой. Вы тоже! — узрел выглядывающую издалека, никуда не ушедшую Алёну. Дождался её. И для окончательного авторитета будущего процессуального

действия едва ли не с хлебом-солью распротал обе руки перед священником: — Отец Иоанн, я вас тоже попрошу поприсутствовать. Пройдёмте все в палатку.

Несмотря на то, что края тента, как подол у юбки, были у неё закатаны, а внутренность продувал ветерок, внутри было липко и душно. Летников первым делом оглядел помещение, отыскивая автомат. Смотреть-то особо негде — кровать, тумбочка, стол, шкафчик. Майор с непроходящей ехидной улыбочкой, выработанной всесильностью должности, дождался, когда палатку покинут прибиравшиеся в ней пехотинцы, и только после этого протянул старшему лейтенанту листок. Чтобы не терять времени на чтение бумаги, пояснил и ему, и замершим от любопытства женщинам:

— В особый отдел группировки от капитана Летникова поступило заявление, что вы воруете оружие. Не исключено, что для возможной продажи боевикам.

Пока Мережко хватал ртом воздух, майор дал волю сопровождающим его капитанам:

— Приступить к обыску.

Старший лейтенант ещё с первого раза не успел набрать воздуха, как он потребовался снова. А капитану хватило двух-трёх движений, чтобы обнаружить автомат под откинутым матрацем.

— Номер вашего автомата? — принимая находку от подчинённых, посмотрел майор на вертолётчика.

— ЛМ 13 84.

— Под матрацем на койке, принадлежащей старшему лейтенанту Мережко, — начал наговаривать протокол обыска особист, — обнаружен автомат под номером ЛМ — Люба, Маша, номер 13 84, исчезнувший у капитана Летникова. Арестовать!

На запястьях старлея в ту же секунду щелкнули всегда готовые к подобной работе наручники. Не менее громко щелкнула челюсть у Зины. Но здесь всё понятно, про них ей даже мать говорила: «С такими челюстями похудеешь! Ешь как три козы сразу». Алёна, ощущая слабость в ногах, ухватилась за центральный стояк палатки.

Вертолётчик потянулся за оружием, желая убедиться в точности цифр на ствольной коробке, но майор желанию не потрафил, оставил вещественное доказательство себе. Зато Летников перехватил умоляющий взгляд Алёны. Она не то что просила спасти главного охранника «Тридевятого царства», в её взгляде прочиталось недоумение: разве так можно? Ты так можешь?

Может. Вот так:

— Товарищ майор, я вспомнил. Извините. Но это я положил туда автомат. Мы пили чай, я и засунул, чтоб не облить кипятком. Старший лейтенант гитару, а я автомат.

Теперь в палатке вообще никто ничего не понимал. К старлею возвращалась незапятнанная карьера, к Летникову — оружие, к Алёне — уважение. Зина, ставшая невольным и прямым свидетелем разыгравшейся прямо перед её глазами драмы, предвкушала счастье — быть первой среди новостей «Тридевятого царства». Отец Иоанн, освобождённый от свидетельских показаний, невольно перекрестил своего избавителя-лётчика. Всё ещё по привычке культёй. И только майор, выставленный идиотом, пристально впивался взглядом в вертолётчика, пощипывая трёхдневную, слегка тронутую седым инеем, бородку: парень, это ты заварил кашу, и крайним лично я остаться не намерен.

— Я забираю своё заявление, товарищ майор, потому что оказался неправ.

— Вы не просто неправы, товарищ капитан. Вы в боевой обстановке оклеветали командира подразделения. Вы понимаете, чем Вам это грозит?

Летников пока не понимал, но ради теплеющего взгляда Алёны он готов был на многое. Да и не лёг грех на душу, батюшка свидетель. Хотя морпех — полный кретин, которого стоило проучить...

— Вы точно...

— Точно, — практически эхом повторил вертолётчик майора. И, как и он, посмотрел на понятых — для возможного протокола. — Я сам оставил автомат здесь. И забыл. Напряжение. После полёта...

Майор кивнул подчинённым, те с неохотой сняли наручники с морпеха. А благодарность от начальства за бдительность была так близка...

Напряжения в палатке добавили ворвавшиеся командиры ещё более высокого ранга — низень-

кий, квадратненький вертолётчик полковник Громак и сам начальник гарнизона полковник Играев. Каждый из них подался к своему подчинённому, но возгласы получились практически одинаковые и одновременно:

— Наигрались? Орёлики, ланцепуры, фунтуклеи! Делать больше нечего? Развели тут... — оглядели женщин, дав понять, что причина конфликта ясна, как песня чукчи: — ...царство!

Поняв, что их миссия свидетелей закончена, Зина и Алёна с поклонами попятились от греха подальше. В палатке загрохотало, едва они добежали до грибка часового. Солдатик тоже с перепугу отдал им честь, собачонка Халява, пристроившаяся рядом в скособоченной от навеса тени, собственной шкуркой почувствовала, что лучше и не гавкать, но и не провожать.

— Что это они? — спросила Зина, понимая, что всё же пропустила какое-то главное звено.

— Все мужики — козлы, — подыграла продавщице Алёна, вспомнив её определение мужскому полу. Разыгравшаяся из-за неё схватка её совершенно не устраивала, не грела и не придавала авторитета, а если начнутся разборки, то в любом противостоянии любая копейка — союзник рубля. И Зину лучше держать в подругах.

— Козлы, — с сожалением согласилась буфетчица. — Да только бы все вернулись.

— Откуда? Что всё-таки намечается?

— Говорили утром в очереди про Аргунское ущелье.

4.

Среди всевозможных «прелестей» Аргунского ущелья Чечни, где основной помехой для войск являлась труднодоступность местности, оно славилось и добычей гравия.

Работа считалась достаточно лёгкой, приспособленной для лентяев: с вершины горы к подножию спускалась полутораметровая металлическая труба со штырями внутри. Требовалось лишь подносить и бросать в жерло трубы камни, которые под собственной тяжестью летели вниз, самостоятельно дробясь в мельчайшую щебёнку о штыри. И всё бы ничего, если бы гравий не добывали русские пленные и рабы, пробивавшие в горах дорогу в приласкавшую боевиков Грузию. Время от времени «борцы за веру» бросали в трубу вместе с камнями провинившихся или ослабевших пленников — в назидание остальным. Имелось в такой публичной казни и прикладное значение: на ней закаляли сердца и психику «воины Аллаха» из школы смертников, расположенной на соседнем горном плато.

Войска дважды пытались войти в этот район, но если на равнине для успешного наступления создаётся четырёхкратный перевес над врагом, то в горах это соотношение увеличивается в разы. И нет разницы, какой век на дворе — 19 или 21. Великая Отечественная лишь подтвердила данную стратегию. Так что 1 к 10 — и к гадалке ходить не надо, а тем более заканчивать академию Генштаба.

К чему-то подобному, судя по всему, готовилась и рота Мережко. Десятки будущих погибших ещё подкрашивали белилами камешки вдоль дорожек, доедали штык-ножами перловку из нанизанных на шомпола, подогретых на костерке банок. Исходя из этих деталей, выход намечался ближе к ночи, хотя влезать в ущелье в темноте... Значит, соотношение становится 1 к 15, как минимум. И тут хоть десантную, хоть морскую тельняшку на груди рви, а... а маленькая собачка — она всегда в глазах щенков, наступающий всегда на мушке обороняющегося. Стариков бы деревенских генералам послушаться: если пить, то на своей меже...

— Так куда, что? — вернувшись перед ужином за подписью, тронула за руку командира роты Алёна.

— Каменоломни в Аргунском, — не стал делать секрета из общеизвестного всем старший лейтенант, выбривая ямочку на подбородке.

Электробритва от недостаточности тока уже нагрелась, уже можно было мазаться кремом, но Мережко не изменял себе: за ворота лагеря офицеру Военно-Морского флота позволительно выходить лишь гладко выбритым и отутюженным. Даже если вместо свидания с дамой в ресторане его ждали в ущелье головорезы Хаттаба.

— Я буду ждать, возвращаясь, — похоже, Алёна окончательно определилась между соперниками. И чмокнула старшего лейтенанта сверху в затылок, где вели гнезда две макушки — народный признак того, что человек будет женат дважды. А тут хотя бы один раз...

Признание прозвучало вовремя — в палатку втиснулся батюшка. Соблюдать деликатность в палатке сложно: дверей нет, стучать не по чему, а отцу Иоанну ещё и не было чем, поскольку в единственной руке он держал за лямки рюкзак. Попросился голосом:

— Разрешите?

Глянул на медсестричку, помялся, но посчитал её доступной для собственной просьбы:

— Товарищ старший лейтенант, возьмите меня с собой. Я знаю все в лагере пленных. Пригужусь.

Электробритва какое-то мгновение стригла воздух, замерев в руке морпеха. С военной точки зрения лучшего проводника и желать не приходилось, но...

Бритва вернулась к подбородку, но тут же замолкла: электричество от генератора вырубилось окончательно. Но Мережко продолжал сидеть без движений. Нежданная просьба батюшки ему была особо приятна тем, что после стычки с вертолётчиком и особистами палатка его не только не опустела, но и наполняется новыми людьми. Только и цена вопроса несоизмерима.

— Я в штаб группировки, — дал себе люфт на отказ Мережко. Хотя можно и доложить руководителю операции о батюшке и уже с чистой совестью сообщить тому предсказуемый итог. — Так, здесь все подписано, — передал листочки Алёне, — а вы подождите меня.

Тронул на ходу струны гитары: ты тоже подожди. На улицу вышли вместе с Алёной. Солдаты шныряли уже с оружием в руках, в банданах на головах, и это снова красноречивее всего говорило о приближении выхода.

— Может, успею купить чего? Я к Зинке в Военторг могу заглянуть, там черешню завезли, — позаботилась Алёна о разрывающимся на минутки Мережко.

— Черешня — это хорошо. Но — время. Я побежал. До возвращения.

На удачу, вдоль колючки пролетел какой-то сумасшедший БТР, подняв столб пыли. Свои-то ездят по-кошачьи, если и поднимаемая пыль, то по щиколотку колёс, а тут залётный дал возможность спрятаться от всех в бархатной завесе, поймать руки друг друга, даже прижаться на миг. Но когда воздух, как вода в океане, абсорбировался, очистился от пыльной взвеси, Мережко в расположении роты уже не было.

5

Ровно через сутки его имя зазвучало и не сходило с уст в штабе группировки. Вызванный к командующему полковник Громак застал там Играева, который перед заходом к генералу успел сообщить причину вызова:

— Мережко тяжело ранен. Его группа в засаде.

Вбежавший вслед за вертолётчиком в приёмную Сердцев знал меньше всех, но времени на объяснения не оставалось, и адъютант распахнул дверь в кабинет генерала.

Тот вышел навстречу, пожал руки, разрешая не представляться по-уставному. Время, судя по всему, не терпело, но он замер у окна, глядя вдаль со второго этажа бывшей сельхозконторы, приспособленной под штаб. Офицеры ждали. Месяц назад у командующего в совершенно неожиданной засаде там же, в Аргуне, погиб сын и, возможно, он примерял ситуацию с Мережко вновь на себя. И в который раз наверняка крутилось сомнение, а всё ли сделал для спасения сына.

Вообще-то Чечня многим удивляла, и в первую очередь Москву. Как там в песенке:

Нам давала ордена
Удивленная страна:
Умный, мол, ворует,
А дурак воюет.

И пока министры делили заводы и фабрики, депутаты — влияние на этих министров, пока телевизионщики поносили армию и её командиров, эти самые генералы закрывали бреши своими сыновьями: семь офицеров, надевших в своё время погоны по примеру отцов-генералов, остались не в Арбатском военном округе протирать штаны, а полегли на склонах и в ущельях Чечни. Статисты вдруг обнародовали и другую удивительную цифру: процентное соотношение офицеров, закрывших своей грудью от пуль солдат, превысило показатель Великой Отечественной войны,

когда именно солдаты закрывали собой командиров. Что-то поменялось в обществе, но стоящие в кабинете офицеры и генерал, сами отцы, сами не менее других желавшие, может быть, отдыхать на Канарах, думали не о нефти, яхтах, яйцах Фаберже, фотографиях в глянцевых журналах, а о спасении подчинённых. «Тридевятое царство» выбивалось из общего ритма, задаваемого Москвой, оно казалось другой планетой, населённой инопланетянами. А по сути совками, рашкой, потому что от них за версту несло Советским Союзом, где за людей не только волновались, но и несли моральную ответственность. И понятие Родины сошлось на конкретном человеке — морском пехотинце, старшем лейтенанте из тридцать девятого автомобильного региона.

— Группа блокируется на этой высоте, — ткнул генерал карандашом в коричневые извивы с зелёными кляксами лесов. Громак по лётной привычке распахнул планшетку, «перенёс» район на свою, более подробную карту: в воздухе на это времени нет, и хотя никто пока в полёт не посылает, ясно, что это всего лишь вопрос времени. Затоптался на месте: ясно, куда бежать, но пока неведомо, что делать. — Старший лейтенант Мережко ранен, осколок застрял в голове, требуется срочная операция. Если до утра и доживет, то станет... дурачком.

Генералу не хотелось произносить этого слова, но иного не подобралось. А может, он просто повторил слова батальонного врача, передавшего о состоянии командира. Посмотрел на Сердцева. Тот непроизвольно дёрнул головой: и дурачком вряд ли будет, потому как до утра не доживёт.

— Как быстро может добраться техника в этот квадрат? — повернулся командующий к Играеву.

— Я бы её не рискнул посылать, товарищ генерал. Пожгут. Дорог особых нет, имеющиеся заминированы. Ночь впереди. Пожгут.

Это командующий прекрасно знал и сам. Слово информация вновь, как и с сыном, ушла из-под рук — по крайней мере, встречи с Хаттабом хотя и искали сами, но надеялись на столкновение хотя бы к утру. опередил араб, львом прыгнул, учуяв наживу. Потому и держал генерал последнее слово за вертолётчиком, своей крайней палочкой-выручалочкой. Плотный, коренастый, которого одень в «гражданку» поплоче, и покажется вылитым докером-механизатором, то есть грузчиком в порту, ему и придумывать ничего не осталось, кроме как встать по стойке «смирно»:

— Если взлетать немедленно, до наступления темноты можем успеть.

— На гору садится туман. Видимость 300 на 3, — проявил свои навигационные познания генерал. Значит нижняя граница видимости — 300 метров, по горизонту — 3 километра. Пока терпимо, но наверняка всё будет меняться только в худшую сторону. И всё же основная беда в другом: при наличии «духов» второй вертушке не приземлиться, ведомому придётся кружить рядом и отбиваться.

— Сколько человек забирать с раненым?

— Всех! Это 35 человек. Они свою задачу выполнили.

Офицеры удивленно посмотрели на командующего. У Играева свои брови наверх: операция сворачивается, не начавшись, а командир говорит об её выполнении? Громаку своя головоломка: морпехов высаживали три вертушки, а забирать на одной? Но из штанов ещё никто не выпрыгивал, такое количество народу просто физически не втиснется в машину. Тут, если по-честному, хотя бы одного Мережко вывезти...

— Товарищ командующий, если лететь — то лететь. Время, — посмел поторопить начальство вертолётчик. Количество — оно потом, по ходу движения, сначала надо добраться до крайней точки.

— Товарищ генерал, будет правильно, если полечу и я, — вдруг сделал шаг вперёд Сердцев. — И на месте буду ориентироваться на состояние раненого.

Возможно, именно это и хотел услышать от подчинённых генерал. Чтобы без приказа. Потому что в горах для них всё будет не то что непредсказуемо, а обречённо.

— Действуйте! Остальные вопросы по авиации буду решать с вашим начштаба, его срочно ко мне. Полковник Играев, оставайтесь.

К аэродрому Громак и Сердцев бежали, прекрасно зная, что бегущий офицер в мирное время вызывает улыбку, а в военное — панику. Указания отдавали и получали ответы по рациям на ходу.

— Товарищ командир, в районе видимость 100 на 1.

— Чёрт...

- Товарищ подполковник, хирургическая сумка доставлена.
- В кабину! Со мной хирургическую сестру.
- Сестру отставить, лишнее место. Батальонный врач будет на подхвате.
- Аэродром. Как же тревожно кровав сегодня закат, удлиняющий вдвое самую малую травинку.
- Товарищ полковник, экипаж к полёту готов!
- Экипажа не будет. Лечу один.

Возглас удивления второго пилота утонул в грохоте — из салона «Ми-8» выкатился на бетонку жёлтый, дополнительный топливный бак, занимавший едва ли не одну треть «вертушки». Значит, демонтировать успели и минимум ещё человек семь втиснутся. Вместо второго пилота и борттехника — ещё двое. Хотя нет, один. Сердцев же летит! Сидячих мест 17, как в московской маршрутке. Если набить народ вповалку, как дрова, авось все 35 и втиснутся. Но раненого ведь придётся укладывать на пол да освободить простор для врача. А это сразу минус семь-восемь человек...

Словно Копперфильд, беспрепятственно прошёл сквозь тень вертолёта. Взбежал по пружинистым ступенькам в салон. Едва не поскользнулся на коврике, заботливо постеленном перед кабиной: борттехник так и не закрепил его. Не хватало ещё спотыкаться перед полётом. Значит, получит по полной. И зря, ох, зря подумал об этом под руку, а точнее, под ногу: споткнулся вновь, на этот раз о бронеплиту, укреплённую под сиденьем. Чур, не нас, и третьего раза не будет. Забыли о приметах. Сердцев захлопнул дверцу и остался стоять за спиной, упёршись руками в проём. Опытный: в вертолёте абсолютно не страшно лететь, если смотришь вместе с лётчиком через стекло вперёд.

Громак утвердился в кресле. Пристегнул ремни, надел ЗШ — защитный шлем. Лётчики, по сути, правосторонние участники движения и ПДД, поскольку место командира, как у водителя авто, слева. Так что не японцы с праворульными машинами и не англичане с угандийцами с левосторонним ходом — русский боевой лётчик занимает свой эшелон. С Богом! Буквально вчера борттехник, выцганивший у калининградцев янтарную иконку с Николаем Чудотворцем, по сговору со вторым пилотом прикрепил её к панельной доске. Что ж, помощь свыше, скорее всего, сегодня не помешает. Благо, и ставший напротив кабины батюшка осенил искалеченной рукой машину белым крестом.

— Я — «Мотоцикл — 333». Запрашиваю погоду.

Не взлёт, не поддержка и взаимодействие — царицей войны для вертолётчиков является именно погода в районе боевых действий.

— Видимость 50 на 0,5.

Предел. Ниже нижнего. При 100 на 1 в небо поднимаются только лётчики 1-го класса, а когда видимость до земли всего 50 метров и 500 по горизонту — это что кораблю в сплошной туман плыть среди рифов без каких бы то ни было ориентиров. Ну, товарищ Сердцев, держись. Будем надеяться, что твоя новая фамилия всё же пересилила предыдущую.

Руки в привычной последовательности, практически вслепую защёлкали тумблерами. Пропустил только висящий над головой вентилятор: не жужжи, не мельтеши, не отвлекай. Вертолёт задышал, в нетерпении пружиня на резиновых круглых лапах. Словно самурайскими мечами, начал вертеть и кромсать винтами небо над собой. На приборной доске вместе с десятком стрелок задрожала и прямо на глазах отстала от панели иконка Николая Чудотворца, укатилась прямо к красноватому от заката стеклу. Что за приметы сегодня! Хотя кто тут выдержит постоянную вибрацию, кроме самих лётчиков? В боковой блистер, наполовину укрытый бронешитком, увидел, как в стремлении не отстать от командирской машины, разгоняла винты «восьмёрка» ведомого. Кто там запрыгнул на сопровождение?

— Я — «Мотоцикл — 12», к работе готов.

Руслан Летников? Этот ланцепуп и фунтуклей, посмеявшийся вчера поставить личные амбиции выше армейского товарищества? Почему за штурвалом? Утром перед строем ведь лично расписался под приказом об отстранении его от полётов, вплоть до выяснения всех обстоятельств по утере оружия и личному поведению! Вкупе с выкрутасами Мережко, конечно, но тот лежит с осколком в голове, рваные края которого царапают мозг. Война большая, а воюют одни и те же...

Что-то менять времени не было. Скорее всего, капитан просто первым прибежал на взлётное поле, когда он дал команду начштаба незамедлительно готовить «пару» на взлёт. Любой разбор, начиная с коврика, по возвращении. А пока прокатимся. По ухабам, раз связисты обозначили эскадрилью на этот радиосезон мотоциклистами. Только вот 50 на 0,5 — это совсем плохо...

Набрав упругости, «Ми-восьмые» оторвались-таки от решётчатых железных настилов, на которых, как на насесте, готовились заночевать. Едва приподнявшись над землёй, летчики увидели вдали, у подножия гор белые полосы, подсвеченные красными отблесками. Туман ложился плотно, пеленая собой, как бинтами, израненные чеченские горы. Где-то в них вцепилась в одну из вершин группа Мережко. До утра не дотянет не только командир, но и весь десант: за ночь Хаттаб покроет расстояние до горы. Боеприпасов морпехам хватит не более, чем на два часа боя. Зачем так бездумно бросали мужиков на заведомую гибель? Смотрим карту. Где-то мелькала дорожка по склону. Хотя и она в тумане.

— Роспуск! — дал команду ведомому.

На языке лётчиков — расходимся, пробиваемся в точку каждый самостоятельно. Сам перешёл на шаг-газ, снижая рычагом «вертушку» и подныривая ею под белое одеяло. Скопил глаза влево на радиовысотомер, который только и мог помочь при полёте на ПМВ — предельно малой высоте. Больше обычного задрожал Николай Чудотворец, вместе с усилием машины стараясь удержать её на вытянутую руку от склона. На нём обозначилась более светлым фоном уходящая вверх тропинка, и, едва ли не став передним колесом на неё, Громак «запрыгал» по ней. Со склона сметалась каменная крошка, секла не успевавшие отбежать и спрятаться в пелене кусты. Главное, чтобы не выбежали навстречу полюбопытствовать на суматоху дубы, которые можно задеть лопастями, а тем паче «духи». Расстояние — из рогатки подбить можно. Что же так сердечко у Сердцева колотится! Дрожит один человек, а трясёт всю машину! Надо будет подколоть по прилёту. А вот Летникова не видно. Парень хороший, но в небе от авиации требуется только опыт и ничего, кроме мастерства. Шустрые — они не всегда помощники, к сожалению. Как же вывозить людей? Двумя ходками? Дай Бог назад спуститься этим же маршрутом-тропинкой, хотя люди Хаттаба наверняка уже бегут на звук...

Тропинка не только не давала потеряться в мутном пространстве, она ухитрялась и бежать впереди вертолёта, огибая валуны и чудом удерживаясь на обрывах. Вместе с ней огибал опасные места и Громак, опасаясь споткнуться и сломать «восьмёрке» переднюю ногу, а себе шею. В какой-то миг серой бурой громадой спящего медведя посреди тропы вырос валун, приглашая посидеть, отдохнуть, поразмышлять о бренности жизни. Потом, это тоже потом. Пока же первым делом хочется ослабить хватку шаг-газа, через рычаг которого идёт дрожь до самой макушки. Не будь ЗШ, мозг бы вылетел от этой трясушки.

— Вон, вон, — не услышал, конечно, а увидел Громак палец врача, уткнувшийся в стекло. Господи, сколько на нём налипшей мошкары, только сейчас стало заметно. Борттехник после предыдущего полёта не отдраил, оставил, надеясь на выходной. Всё же получит своё «от» и «до». И за коврик тоже.

В белой пелене запрыгали несуразные тени. Почему-то люди всегда прыгают, когда видят спасение с неба. Сейчас, мужики, сейчас. Только левым колесом приткнуться к тропинке, всё легче держать махину. Это в небе она кажется легкой птичкой, а попробуй, удержи одним рычагом семь с половиной тонн. Это всё равно, что стоять на стуле с одной ножкой...

Вертолёт качнуло: Сердцев распахнул дверцу, сбив, нарушив поток воздуха. Морпехи, упираясь, уже несли сквозь ветер на руках раненого, а целая группа, ошетинясь автоматами, прикрывала командира живым кольцом. Приказ на эвакуацию, видимо, им уже поступил по рации, и щупленький морпех, по распоряжениям рук которого можно было догадаться о его офицерском звании, выстраивал очередность посадки.

— Сначала всех в хвост, потом раненого, — прокричал, сдвинув окошко, Громак.

Офицер не расслышал, его занимала погрузка командира, и Громак обернулся через плечо: ведь догадаются же не ногами вперёд заносить и укладывать. Всё же ногами! Но зато под правую руку врачу. Пусть разбираются. Главное, мимо окровавленного старлея, даже без сознания лежавшего на полу в струнку, аккуратистом, протискивались в хвост салона десантники. Ох, ребята, быстрее. И дурацкий щлем, из-за которого не смахнуть пот с бровей!

— Быстрее, — шептал Громак, хотя морпехи и так едва не затаптывали командира.

Один курносый, шмыгающий носом солдатик, боясь задеть синхронные с командиром педали и штурвал, залез с ногами на место второго пилота. Ещё один уселся в проёме кабины, подстелив, стервец, путавшийся у всех под ногами коврик. А за бортом всё оставались и оставались люди во главе с щупленьким взводным и охранявшим его огромного роста сержантом.

Офицер, заглянув в салон, обернулся и скрестил для оставшейся семёрки руки перед собой. Для водителей это знак -глушить мотор, но и для пехоты всё понятно. Мест больше нет.

Страшны руки, которые опускаются вместе с оружием! В них столько обречённости, тоски и отчаяния, что поневоле поверишь: именно к ним первым приходит осознание предстоящей трагедии. Да и не скрывалось ведь — прогнозируемые потери один к десяти. Даже к пятнадцати. Хотя семь — тоже много...

Вертолёт покачивало, и десантники, ощущая его неустойчивость, лежали не шевелясь. Громаку наконец удалось резким движением головы сбить с бровей огромные водяные шары пота. Но что же с вами делать, братцы остающиеся? Хоть за колёса хватайтесь, как лягушка-путешественница.

— Цепляйтесь за шасси, — мысль, навеянная сказкой, ещё не успела стать зримой, а уже сорвалась с языка. «Вертушка» заваливалась. Ей, не цапле, стоять на одной ноге без умения ловить равновесие, держась лишь на воздушном вихре от винтов, становилось всё сложнее, и неожиданная сказочная подсказка несла выход из тупика.

— Цепляться, цепляться за шасси! — прокричал Громак в салон, надеясь на передачу команды по цепочке.

Прошла! Морпехи побежали под брюхо «восьмёрки», на ходу снимая автоматы и удлиняя на них ремни. Всё правильно, можно пристегнуться за стойки шасси, балочные держатели и блок под «нурсы». Имея по двадцать неуправляемых ракетных снарядов под задницей — где ещё так прокачаться? Не лягушки, а чистые бароны Мюнхгаузены. Пробуйте, мужики. Авось получится!

Подгоняя десантников и пробуя на вес машину, слегка качнул её. Сидевший на кресле, как на насесте, солдатик замахал руками — вниз, не успели, назад. А машине хотелось упругости, она рвалась в небо, — пусть стылое, непрозрачное, но там был воздух. А в воздухе везде опора.

Сердцев, став на колени перед Мережко, уже осматривал металлический кусок, торчащий над ухом старшего лейтенанта. Поймав взгляд Громака, умоляюще выкрикнул глазами:

«Быстрее».

Сам понимал, что его просьба ни на секунду не сдвинет время и возможности, молниеносно надел белые перчатки, протянул руку к батальонному врачу: инструменты. Значит, операция без промедления. Солдатик, державший голову командира в ладонях, отвернулся. Может, даже не из-за вида крови, сочившейся по металлу и собирающейся красным озерцом в его ладонях, а что впервые видел своего командира осунувшимся, пыльным и небритым. Значит, точно война. И если даже ротного достал осколок, то что говорить об обычном солдате!

Громак, опережая врача, вновь качнул вертолёт, проверяя «лягушек». Петушок на корточках на этот раз промолчал, и полковник начал осторожно крутиться вокруг собственной оси. И чтобы лично убедиться, что никто не оставлен на склоне, и давая возможность привязавшимся, вцепившимся мёртвой хваткой за что ни попадя, морпехам привыкнуть к высоте и качке, и приноравливая врача к вибрации, и отыскивая дорожку домой. С горы домой должно получиться быстрее.

И пошёл вниз «Ми-8» — многоцелевой, второй в мире по применению, боевой транспортный. И висели на автоматных ремнях пехотинцы, перебирая в воздухе ногами, словно шли по небу. И колдовал вокруг осколка подполковник Сердцев, сам постанывая от боли, потому что собственные ранения не предусматривали столь долгого стояния на коленях. И перед самым вылетом из тумана, там, где тропинка первый раз приглашала отдохнуть при походе к вершине, из-за валуна-приманки раздалась выстрелы. Успел, успел Хаттабушка превратить дорожку спасения в тропу войны. И некуда было деться от огня «лягушатам» на внешней подвеске. Да и брюхо машины для разрывных — что фольга для иголки. А Мережко распластался как раз по центру днища, как «десятка» в мишени, так что все пули, даже случайные — его. И нет возможности шугануть «нурсами», так как висят и сидят на них орёлики, фунтуклеи и ланцепупы. Морская пехота Балтфлота, гордость и краса армии. Переусердствовали лишь конструкторы, когда при усовершенствовании «восьмёрки» убрали курсовой пулемёт в хвост машины. Или не ведали, что русские чудеса на сказках не заканчиваются, и может случиться так, что в салоне не окажется бортехника, он же стрелок? И туман, ещё минуту назад проклинавшийся, вдруг оказался хоть и тончайшей, как вуаль, но последней и единственной защитой. Как же быстро она истаивала!

Зато усиливался огонь с земли. Трассеры прошли перед кабиной, перед взором Николая Чудотворца, и даже попытавшийся отвернуться от них петушок на жердочке всё равно увидел их росчер-

ки на стекле защитного шлема лётчика. А у забортной семёрки, ставшей живыми мишенями, принесёнными «духам» на блюдечке с голубой каёмочкой, руки должны были опускаться не на горе, а сейчас. Потому что, оставаясь даже в одиночестве на вершине, они имели хотя бы теоретический шанс остаться в живых. Хоть кто-нибудь...

Но когда первый толчок от попадания пули ударил под бронеплитой, из вечернего сумрака и грязного тумана вынырнул «Мотоцикл-12». Летников, круживший в зоне досягаемости. Прежде чем Громак вышел с ним на связь, ведомый поднырнул и стал под «восьмёрку» командира. И вся разрывная свора, предназначавшаяся «Триста тридцать третьему» с его грузом, полетела ему в брюхо. В его лопасти, его хвостовое оперение, в стёртые, без единого намёка на протекторы, колёса. Кто там вёл статистику, что командиры в Чечне заслоняют собой подчинённых? А ведь у него полный дополнительный бак керосина на сотни литров. Размером на треть салона. Держись, «Двенадцатый». Судьба и связисты не дали же тебе тринадцатый номер, приберегали для чего-то. Пусть это будет день нынешний.

Огонь ослабел: всё же не все «духи» успели выйти на перехват, добежали лишь самые шустрые. И понеслись «вертушки» к себе домой в «Тридевятое царство». Громак, выносящий из боя всех до единого морпеха. Летников — пустой, но с двумя десятками пробоин в фюзеляже. И полужёжа, не надеясь больше на свои ноги, которых просто не чувствовал, перевязывал Мережко подполковник Сердцев. Шептал больше успокоительно для солдатика, помогавшего держать голову:

— Ничего. Теперь всё обойдётся. Ещё, даст Бог, и послужим.

И светил верхний краешек закатного солнца прямо в глаза Николаю Чудотворцу, оказавшемуся ближе всех к родному аэродрому. А с него, с родной бетонки, выстраиваясь клином, поднимались все имевшиеся в распоряжении командующего «восьмёрки» с новым десантом на бортах. «Тридевятое царство», освещённое одновременно и солнцем, и электрическим светом, посылало своих воинов в темноту и мрак ущелий, где кишели твари, бросавшие людей в жерла камнедробилок. И в проёме первой машины стоял с сияющим крестом на груди батюшка Иоанн, вглядываясь в земные ориентиры, по которым месяц назад выползал из ущелья. Единственный за все годы войны, кто смог это сделать. Издевалась охрана, заставляя одного из местных мулл, не принявшего новые порядки в Чечне, впрягаться в телегу и возить православного батюшку под кнутами любопытных. Не выдержав издевательств, в один из таких заездов он опрокинул телегу с отцом Иоанном с самого крутого обрыва, по которому охране было быстро не спуститься. По ком стреляли боевики — по нему, кувыркающемуся вместе с камнями, но (!) не в трубе, или решившему умереть мулле, то осталось неизвестным. Дай Бог, сейчас прояснится, когда отряд Мережко оттянул на себя с каменоломни основные силы банды Хаттаба, а генерал дал команду на начало основного этапа операции по освобождению пленных.

На кромке оставшегося пустым аэродрома лишь стояла, не выключая мотора, «санитарка» в ожидании Мережко. Алёна, не сдерживая эмоций, металась перед включёнными фарами, путаясь в лезущей под ноги Халявы, оставшейся без хозяев. Обоих остановила Зина с огромным пакетом.

— Не метусись. Смотри, черешню перебрала. Половина гнилой пришло. Но для ребят отобрала. Я ж их просила вернуться! Халява, фу, тебе ничего нет. Ой, что это? Падают? — села от неожиданности на бампер «санитарки», увидев болтающихся под вертолётном людей. Завыла и собака, с тревогой задрал мордочку: это нормально ведь, да? Это хозяева всегда так возвращаются домой? Не страшно?

Подивиться чудом подскочил на «уазике» и майор Петров с двумя неразлучными сопровождающими. Капитаны зашли с двух сторон осевшей под весом продавщицы машины, тоже уставились в небо. Лишь майор сумел сохранить невозмутимость и, подойдя к медсестричке, поинтересовался с неизменной улыбкой, словно не запомнил при обыске в палатке Мережко:

— Алёна Маликова?

Та настороженно кивнула, хотела отойти от любопытного особиста, но по бокам уже стояли капитаны. И не успела Зина от удивления выронить пакет с черешней, как на запястьях дюймовочки щёлкнули наручники.

* * *

Командующему объединённой
группировкой войск (сил)
на Северном Кавказе.

Рапорт.

В результате оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в рамках обнаружения источника информации боевиков, задержана Маликова А.С., завербованная два года назад в Москве представителями одной из исламистских группировок, запрещённых на территории Российской Федерации. Наряду с отвлекающим десантом ст. л-та Мережко была организована утечка срочной оперативной информации для пяти человек, подпадавших под подозрение. Методами и средствами радиоэлектронной борьбы выявлен источник, державший связь с посредником Хаттаба. Им оказалась служащая Российской Армии хирургическая сестра медико-санитарного батальона Маликова А.С., вышедшая на связь с находившимся под электронным контролем посредником.

Данный случай показывает, что на территории России осуществляется вербовка лиц славянской национальности, в том числе и женщин, с целью их проникновения в органы государственной власти, воинские части, непосредственно ведущие операции по установлению конституционного строя в Чеченской Республике.

Задержанная Маликова А.С. дала первые признательные показания.

Более подробная информация будет изложена в докладной записке.

Начальник особого отдела
группировки войск (сил)
на Северном Кавказе,
майор Петров.

Проза

Дмитрий Филиппов

Филиппов Дмитрий Сергеевич родился 5 сентября 1982 года в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Работал педагогом-организатором, грузчиком, продавцом, подсобным рабочим, монтажником вентиляции. Служил в армии на территории Чеченской республики с 2006 по 2008 года. Старший сапер.

Лауреат премии «Альтернативная литература 2012» (рассказ «Стратегия 19»). Участник 12 и 14 форумов молодых писателей в Липках (мастер-класс «Дружбы народов» и «Нашего современника»).

Лонг-лист премии «Дебют» 2012 в номинации «малая проза»;

Лауреат русско-итальянской премии «Радуга 2015»;

Лауреат премии короткого рассказа им. В.Г. Короленко (2015);

Лонг-лист премии «Национальный бестселлер» 2015 (роман «Я — русский»).

Постоянный автор газет «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета», интернет-порталов «Свободная пресса», «Русская планета»

Слово о мигрантах

Отрывок из романа «Я — русский»

Это началось лет десять назад. Сначала они приезжали в мою страну осторожно, так сказать, на разведку. Их гоняла милиция, били скинхеды, кидали на деньги работодатели. У них не было никаких прав, одни обязанности, условия их жизни и быта были чудовищными, но они все равно приезжали, потому что там, откуда они ехали, условий для жизни не оказалось вообще. Там, где они родились и выросли, на сто долларов можно было жить полгода. И они нанимались чернорабочими, грузчиками, дворниками, работали за еду и нищенскую по нашим меркам зарплату, отправляя ее домой, семье. Дома это были весомые деньги. Они приехали к нам не от хорошей жизни. Их никто не ждал, не встречал с распростертыми объятиями. Они жили тесными общинами в своем маленьком строительно-дворническом мирке, выполняли черную работу и тихо ненавидели коренное население, нас, русских, ибо голодный всегда ненавидит сытого. Но потом ситуация стала меняться.

С каждым годом их становилось все больше и больше. Им стало тесно в крупных городах, и они начали осваивать провинцию. Они не пили, исправно выполняли порученную им работу, и постепенно вытеснили русских из многих профессий. Строители, дворники, водители маршрутных такси, фасовщики на заводах, упаковщики, грузчики, прачки, уборщицы... Они вдруг оказались очень выгодны для экономики государства, и государство стало закрывать глаза на многие их шалости. А когда они сами поняли, что нужны этому государству, они осмелели. Так сложилось, что для этих людей в их большинстве понятен только язык силы и страха. Языка уважения, договора, уступок, терпимости и протянутой руки они не понимают, считая это проявлением слабости. Я не знаю, почему так сложилось и в чем здесь причина, да и знать не хочу, не интересно мне в этом разбираться, но факт остается фактом. Отказываясь интегрироваться в традиции и культуру моей страны, они начинают диктовать свои правила. Появляется Федерация мигрантов России, общероссийское общественное движение «Таджикские трудовые мигранты», для них выходит своя газета «Голос таджикистанцев», и это только малая часть, то, что сразу выплывает в google.

Из солнечной Азии они привозят героин. На него подсаживаются русские подростки. Они насилюют русских девушек, убивают русских людей, грабят русские дома. Конечно, не все, да и сами русские не белые и не пушистые, моральных уродов хватает, но со своими проблемами мы как-нибудь разберемся, а вот чужих проблем, которых могло и не быть, нам не надо. Но самое главное — они перестают чувствовать себя здесь в гостях. Сейчас, став неотъемлемой частью

российской экономики, они зарабатывают не меньше, чем коренное население. Это миф об их грошевых зарплатах. Средний таджик-строитель зарабатывает 30-40 тысяч рублей. Больше, чем, к примеру, я, работая в университете. Больше, чем Слава, работающая в национальной библиотеке. У них сформировалось свое лобби, свои профсоюзы, своя мафия. С ними боятся связываться. Раньше милиция в метро и на вокзалах регулярно проверяла у них документы, визы, регистрацию. Сейчас перестали проверять. Присмотритесь внимательно — перестали. Дан указ сверху — не проверять, и цепные псы самодержавия выполняют приказ. Они люди государевы, подневольные. У них присяга и самодур-начальник. А приезжие мигранты все смелеют и смелеют.

Ровно такой же процесс начался в Европе, только раньше, чем у нас лет на десять. Соответственно, чтобы понять, что с нами будет через пять-десять лет, достаточно посмотреть на Францию или Германию. Мигранты там уже перестали работать и живут на пособия, разлагают культуру и традиции, селятся кварталами, громят магазины и полицейские участки, требуют уважения и равноправия, и растут как на дрожжах их мусульманские амбиции.

Необходимо понять, что этим процессом умело управляют, что он был создан искусственно, и так же искусственно поддерживается, вопреки воле народа. И ситуация столкновения создана с единственной целью: дискредитировать принцип равенства изнутри. Трудно воспринимать как равных узбека, насилующего детей, холеных кавказцев на дорогих иномарках с травматикой в кобуре, попрошайничающих цыган, негров, раздающих листовки в переходе метро. Через столкновение культур нам вдалбливают: смотрите, ну как можно равнять тупых таджиков, не умеющих связать двух слов по-русски, с коренным населением. Они отстали, жестоки и злобны на физиологическом уровне. Это в крови — зов первобытных обезьян. И в это легко верится, ибо примеров достаточно.

Капиталистическому проекту насущно необходимо уничтожить идею равенства, и ее искажают изо всех сил: активно насаждают равенство в правах, и нивелируют до незаметности равенство в обязанностях. Но это нерасторжимые грани, это два разных полюса одной категории. И если создать перевес к одному из полюсов, то категория задрожит и слетит с орбиты. Так и происходит на наших глазах. Нации, расы и континенты сталкиваются лбами с единственной целью: доказать на практике, что равенство невозможно, что христианская этика смешна и банальна, и место ее в разряде мифа, без допуска в реальную жизнь. Никто никогда вам не скажет, что равенство — это не априорная категория, но труд, огромная внутренняя работа; никто не напомним, что равенство не спускается сверху, но достигается коллективным усилием. Никто не уточнит, что равенство и идентичность — суть разные вещи, и люди, потерявшие или забывшие национальную принадлежность, также далеки от равенства, как амёбы в капле воды. Подмена равенства мультикультурализмом — одна из самых наглых афер в истории культуры. История помнит греческую и римскую античность, итальянское Возрождение, русский космизм; каждое из этих явлений открыло миру непознанные раньше тайны и выси, открыло для всего человечества, но возникло исключительно на национальной почве, произросло из земли, языка, из сплава мысли и пота. Общая культура, которая не держится на всех этих скрепах, — не несет в себе глубины и внятного содержания, она ничему не учит, не задает планку, ни к чему не призывает. Подобная культура — это пародия, квазикалтура, перевертыш. Вместе с ней и весь мир перевернут с ног на голову. Таким же точно образом — Антихрист перевертыш Христа.

Мультикультурализм не может быть равенством хотя бы потому, что равенство предполагает наличие двух и более сравнительных элементов, которые и оказываются при сравнении равны друг другу. Мультикультурализм же отрицает саму возможность сравнения. Все это лежит на поверхности, перед нашим взором, но мы упрямо не хотим видеть очевидных вещей. Если перевести подобное построение на язык реальности, то получится, что узбек, живущий в Узбекистане, равен русскому, живущему в России, но русский в Узбекистане не равен узбеку в Узбекистане, у последнего будет больше прав и больше обязанностей; так же как узбек в России не равен русскому в России. И это нормально! Подобное положение не отрицает возможности равенства узбека в России и русского в России, но должно быть соблюдено важнейшее условие: интеграция в культуру страны, в которой ты являешься гостем. Даже отсутствия враждебности недостаточно. Необходимо включение в язык, традиции, общественные институты. До тех пор пока такой интеграции не произошло о равенстве говорить бессмысленно. Теоретики мультикультурализма отрицают подобную интеграцию. Соответственно, они могут отрицать что угодно, это не отменит насущную необходимость указанных выше

условий, только усугубит противоречия между лозунгами и реальной жизнью. Другое дело, нужна ли мигранту подобная интеграция? Он приезжает на несколько лет заработать денег для себя и своей семьи, чтобы потом спокойно жить в своей стране. Моя земля не является для него Родиной, только перевалочной базой, временным лагерем, а значит можно здесь гадить вдоволь — местные приберут. В этом случае равенства между гостем и коренным жителем быть не может. И я еще раз повторю: это нормально!

Дело не в экономике, не в конкуренции, не в демографии или разности культур. Все это тоже присутствует, но в какой-то момент я попытался честно ответить самому себе на вопрос: что же именно мне не нравится в присутствии мигрантов на моей земле? И ответ оглушил. Это физиологическое и эмоциональное чувство, его корни в физиогномике, в языке и речи. Мне не нравится чужеродность их присутствия, не высказываемое вслух отрицание основ моей земли, моей веры, традиций и уклада. Я хочу видеть вокруг славянские лица, слушать в маршрутке русские песни по радио, и это нормальное желание для человека, живущего в северной части России. Да, моя страна многонациональна, но государствообразующим народом является русский народ. Нормально, что в Бурятии, к примеру, в большинстве своем живут буряты, а в Дагестане кавказцы, в Калмыкии — калмыки, а в Татарстане — татары. Узбеки и таджики, соответственно, должны жить в Узбекистане и Таджикистане, но не в Московской, Ленинградской или других областях моей страны. Я ничего не имею против гостей, но традиции гостеприимства предполагают приоритет статуса хозяина. А если этот статус начинает размываться, то речь надо вести не о гостеприимстве, а о захвате. Тут важен количественный момент. Когда гостей становится слишком много, они начинают забывать, что они в гостях. Лозунг «Россия — для русских» с каждым днем из агрессивной риторики меняется в сторону риторики оборонительной. И нет понимания, чем вообще в конечном итоге закончится вся эта ситуация. Правильно сказал Бернард Шоу, национальный вопрос в государстве — это как спина у человека; если она здорова, то этого не замечаешь, но чуть перекосит, сожмет позвонки, скрючит, то пока не распрямишь позвоночник — ходить невозможно.

Да, еще... В гости обычно ходят по приглашению, а незваному гостю русский фольклор давно дал определение.

Мне физически неприятно слышать нерусскую речь на русской земле в таком количестве. Говорят, надо быть терпимым, уважать другую культуру и язык, все это так, но я ничего не могу с собой поделать. Это на подкожном уровне, в крови, сплетении линий ДНК. Видимо, существует определенная точка, граница, перейдя которую терпимость к чужой культуре перерастает в раздражение, а затем и в презрение, в ненависть. И надо понять, что если так происходит, то это не просто так, и существуют объективные причины. Чем выше и объемнее карточный дом, тем скорее он рухнет. Я не призываю мочить в сортире торговцев на рынках или гонять таджиков по стройкам. А если подобные вещи происходят, то лишь потому, что государство сложило с себя все полномочия, в том числе и по защите своих граждан. Сейчас каждому школьнику понятна схема, по которой торговцы на рынках отстегивают ППСникам, те, в свою очередь, централизуют нал на начальнике районного отдела полиции. Тот везет портфель с баблом в главк генералам. И так до самого верха. Периодически устраивают показательную порку «скрытившему» начальнику и объявляют это борьбой с коррупцией. Но всем ясно, что он просто не поделился. И естественно, что если государство складывает с себя полномочия по обеспечению безопасности граждан, соблюдению законности торговли, равенства перед законом вообще, то находятся люди, которые сами наделяют себя этими полномочиями. Их называют для удобства русскими националистами, экстремистами, шовинистами. Они совершенно убеждены в справедливости погромов на рынках: не арбузы и помидоры они разбрасывают, но лишь восстанавливают попранные права. И этим мотивам нельзя отказать в логике.

Курбан-байрам в Питере или Москве показывает масштаб проблемы, ее реальные границы и горизонты. Во всех крупных городах вместо православных храмов строят мечети. Целые площади отводятся под место молитвы. В Ставропольском крае русскому человеку становится жить все опаснее с каждым днем. И это не выдумки, не досужие рассуждение. Это реальность, которая происходит здесь и сейчас, каждую минуту, в нашем присутствии, на наших глазах. Россия перестает быть Россией. Почему-то «Германия — для немцев» или «Франция — для французов» звучит нормально, но как только говорят «Россия для русских» сразу начинают вспоминать 282 статью; да, ту самую, о разжигании национальной розни. Господь с вами, не разжечь я хочу пресловутую рознь, а

погасить, всеми силами стараюсь. До меня разожгли, и продолжают разжигать ублюдскими законами, бездействием и мультикультурализмом.

Удивительно быстро мигрант стал обобщенным фенотипом, персонифицирующим зло. К этому фенотипу также относятся даргинцы, кумыки, чечены, ингуши — все кавказцы. Вместе с мигрантами они символизируют для русского человека обобщенного Чужака, лишённого индивидуальных черт. В этом отношении абсолютно все равно, российский у Чужака паспорт или таджикский, или узбекский... Столкновение культур не зависит от прописки и гражданства, а если и зависит, то опосредованным образом. Причем столкновение это, как и любое столкновение вообще, происходит в тот момент, когда одной из сторон необходимо защищать свою самость от влияния другой стороны. Это борьба за выживание, и она всегда ведется до конца: либо пан, либо пропал.

Царь уверенным голосом заявляет с экранов телевизора: преступность не имеет национальности. Но стенд «их разыскивает полиция» разбивает в пух и прах это заявление. На нас смотрят преимущественно нерусские лица, не отягощенные интеллектом. Надо учитывать, что мигрируют в Россию на заработки зачастую не самые лучшие представители этноса, но именно по ним мы характеризуем этнос в целом. И все это капает в копилку столкновения культур.

К сожалению, вместе с обобщенным Чужаком появился и обобщенный Патриот. Это обитатель социальных сетей, убежденный, что чем больше «лайков» он поставит под националистскими лозунгами и призывами, тем меньше мигрантов будет приезжать в мою страну. И коллективный Патриот не обойден вниманием тех, кто выигрывает от конфликта культур. В интернете множатся демотиваторы с примерами отталкивающего поведения Чужаков, как грибы после дождя растут посты с призывами «мочить мигрантов в сортире». Отчасти юмористические, отчасти гневные, вызывающие к народному подсознанию, эти «творения» выполняют сразу несколько задач: успокаивают национальное эго, не дают забыть о проблеме и, самое главное, уводят в сторону от возможного решения вопроса. Это конвейер, кто-то каждый день занят с утра до вечера, придумывая едкий, резкий демотиватор, кто-то получает за это живые деньги. Надо помнить об этом каждый раз, когда захочется поставить «лайк».

Разность культур предполагает различие в поведенческих установках, которые могут нести в себе как отрицательный, так и положительный заряд. Неприятно осознавать, что таджикские и узбекские мужчины чаще уступают место пожилым людям в общественном транспорте, чем русские ребята. Это факт. Почтение перед возрастом выше и сильнее национальных установок. Большинство мигрантов не пьют алкоголь (не все, чего уж греха таить, но ярко выраженное большинство). Они трудолюбивы и исполнительны, не боятся любой работы. Но и они же везут в мою страну наркотики, оружие, вшей. Они же совершают 50% всех преступлений по стране, от воровства до изнасилований и убийств. Все это не позволяет говорить о равенстве, но если отказаться от него совсем, то много ли человеческого останется в нас самих?

В отношении к любому чужаку есть две модели поведения. Первая — это считать его изначально хорошим, порядочным человеком. А вторая — изначально ждать от него удара в спину. Выбирая одну из этих моделей необходимо помнить, что преступность возникает тогда, когда общество исповедует терпимость. И нельзя забывать, что между общественной оценкой и оценкой индивидуальной — километры трусости и бездействия. Если все поголовно выберут первую модель, то мы потеряем нашу землю, права, традиции и культуру. Если все выберут вторую модель — жди погромов и этнических чисток. Обе модели с червоточинкой, обе ущербны и далеки от равенства, но мы продолжаем ими пользоваться, и не замечаем, что бегаем, как белки в колесе. Даже не по кругу — на месте. В любой из этих моделей чужак выключен из процесса оценки, он никак не может на него повлиять. Но стоит немного изменить уравнение, как все встанет на свои места. Можно считать мигрантов добрыми и честными людьми, но до тех пор, пока (и если) они не докажут обратного. Можно считать их злодеями и преступниками, но опять же лишь до тех пор, пока они не докажут ложность такой установки. В этом случае, собственно, без разницы, какую модель для себя выбрать: результат будет зависеть от самого чужака. И это относится не к отвлеченному и обобщенному мигранту, но к каждому отдельно взятому человеку, пересекающему границу с моей страной.

Теорема равенства — это уравнение с двумя неизвестными. Нельзя рассуждать о равенстве в правах, не утвердив и не доказав равенство в обязанностях. Нельзя требовать терпимости к переселенцам, когда их с каждым днем на глазах становится все больше и больше, когда они вытесняют

коренное население даже не с работы — с профессий, с целых отраслей. Экономике, ориентированную на мигрантов, нельзя назвать иначе, чем экономикой оккупации и геноцида. Я никогда не стану защищать равенство людей, ибо это единственная цель, которая есть у проекта под названием человеческая цивилизация. Но есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать. Глупо, халатно и даже преступно утверждать равенство путем мультикультурализма и толерантности. Равенство надо выстрадать, заслужить, добиться. Его нельзя спустить сверху и объявить лозунгом. Равенство зарождается естественным путем изнутри общества, когда само общество к этому готово, когда учтены национальные и культурные приоритеты, не на бумаге учтены, но в жизни. Равенство — это диалог, а чтобы этот диалог стал понятным, его нельзя вести на двух разных языках с помощью переводчика. Тем более, когда переводчик нагло врет обеим сторонам. Переводчиком в условиях современного мира является капитал, а это лицо жуть, как заинтересовано сохранить все как есть, без изменений.

Теперь пора разобраться, кому выгодно сталкивать нас лбами. Это делают люди, представляющие мировой капитал. Я не сторонник теории заговора и тайного мирового правительства, но в каждой шутке есть доля шутки, а все остальное правда. Капиталистическая демократия в жестокой конкуренции одержала победу на исходе двадцатого века. Весь мир живет по закону рыночной экономики. Даже социалистический Китай во внешней политике играет по правилам Капитала. А правило очень простое: сожри слабого. Вот только слабого эти правила не устраивают, и слабый пытается сопротивляться. Когда слабый отказывается от американского доллара и переходит на расчеты в золоте или национальной валюте, на него сбрасывают бомбы во имя торжества демократии. Так случилось с Хусейном и Каддафи. Когда слабые понимают, что в одиночку им не выстоять и пытаются объединиться — их стравливают друг с другом. Если каждый год в Россию приезжает более миллиона мигрантов, то вполне ожидаемо, что среди них будет определенный процент ублюдков и мерзавцев, насильников и педофилов, воров и убийц. Этот процент можно отсесть, введя визовый режим со странами Средней Азии, но этого не произойдет, потому что Царь пытается убить двух зайцев: укрепить страну и при этом продолжать служить Капиталу. Он не видит того, что зайцы бегут в разные стороны. Очень хочется верить, что он просто не видит. Потому что если он видит, то он не Царь, а самозванец на троне, предатель и бес. Я для себя так и не решил этот вопрос, кто же он? Кому он служит? Зачем? А это правильные и важные вопросы, и на них необходимо получить ответ.

Складывается удивительный парадокс: ислам как таковой в содержании своего учения не несет зла и агрессии, но мусульманская культура оказывается во всем враждебной культуре христианской, причем враждебной исторически. Отчего так происходит? Это опасная и скользкая тема, затрагивая ее, существует риск скатиться в расизм, но только затрагивать-то все равно надо. Отложенная проблема со временем разрастается и прорывает свои границы.

Сторонники расовой теории относят мусульманские народности к разряду низших наций, генетически близких к первобытному человеку. Отсюда сила и выносливость негров, кавказцев, таджиков, узбеков, арабов и их неспособность к умственному и творческому труду. Теория эта не выдерживает критики, стоит вспомнить поэтов и писателей Фирдоуси, Омара Хайяма, Шоту Руставели, Расула Гамзатова, Чингиза Айтматова, Воле Шойинка (кстати, Нобелевского лауреата). С учеными и философами тоже все в порядке. И если они широко не известны европейскому миру, то это не значит, что их нет. Но враждебность мусульманской и христианской культур остается.

Настоящая причина глубже и страшнее. Ее тщательно скрывают, потому что, признав ее и озвучив во всеулышание, станет понятно, что хваленая демократия — фашистский по своей сути режим. Суть в исторических, дьявольских, непрекращающихся отношениях хозяина и раба. Европейцы назначили себя на роль хозяина, все остальные должны быть рабами. И эта политика ведется в мире уже не одну сотню лет, начиная с Крестовых походов. Россия в этом чудовищном противопоставлении исторически не участвовала, поэтому в глазах Запада мы дикие и необузданные дикари, варвары, у которых, по недоразумению, оказалось ядерное оружие. Для мусульман врагами оказываются все носители христианской культуры, ибо они привнесли модель «хозяин-раб» в мир. А поскольку Россия страна с православными христианскими ценностями, все русские автоматически попадают в разряд врагов. Для одних мы — варвары, для других — ленивые хозяева, и эту ситуацию возможно изменить лишь разрушив империю Капитала. Когда каждый народ будет счастливо жить на своей

земле, и не лезть в чужие земли. Конфликт культур сойдет на нет, когда враждующие стороны разойдутся по домам. Исламу вольно дышится в жарких песках пустынь, в тишине кавказских гор, в бескрайних степях Средней Азии, но не в дремучих лесах Карелии и Подмосковья. Терпимость разных культур друг к другу возможна тогда, когда ни одной из них ничего не угрожает, когда им не приходится сражаться за свое существование и право быть первой на той земле, на которой она зрела и складывалась веками.

Неужели непонятно, что государство, ориентированное на мигрантов, узаконивает рабовладельческую модель. Приехавший на заработки чужак не имеет права голоса, у него отсутствуют избирательные права, с ним можно сделать все, что угодно (закрыть в ментовке, кинуть на деньги и т.д.). Он работает за кров и еду для себя и своей далекой семьи, и должен благодарить господ за то, что не дали ему умереть с голоду. Примечательно, что на мигрантов ориентирована политика только демократических государств. И опыт истории ничему не учит: рабы рано или поздно поднимут восстание против своих господ, зальют кровью улицы городов и будут пировать в домах свергнутых господ, за их столами. Самое страшное в этом, — они будут правы с точки зрения рабовладельческих отношений.

Демократическая или капиталистическая модель построения мира (что по сути одно и то же) не предполагает иного выхода. В Советском Союзе таких проблем не стояло как раз потому, что отношения хозяин — раб пресекались и выкорчевывались. Объединение людей проходило по принципу равенства и братства народов, как бы пафосно это сейчас не звучало. Конечно, номенклатура жила по другим законам, но в масштабе страны эти принципы работали. Стоило им рухнуть во время горбачевской перестройки, как тут же обострились национальные противоречия: азербайджанцы резали армян, таджики резали узбеков, русских резали вообще все кому не лень. В отсутствии интернациональных скреп вопросы языка, этнической принадлежности и территории обостряются до предела.

Когда-нибудь человечество достигнет равенства. У таджика будет работа в Таджикистане, и в Россию он будет приезжать исключительно как турист. Я думаю, что не доживу до этих дней, но сама мысль о том, что они настанут, греет мое сердце, наполняет его спокойствием и уверенностью в собственных силах. Потому что, когда воюешь за правое дело — победа неизбежна. Это только вопрос времени.

Предчувствие последней войны

Слава сидела напротив, помешивала ложечкой чай и смотрела на меня. Взгляд ее был ровным, спокойным, — тем самым пустым спокойствием, которое изымает душу, от которого становится страшно и стыдно.

— Это я виноват, — сказал я.

— Да, это ты виноват. Но сейчас-то какая разница?

— Слава, прости меня. Мы еще можем все начать сначала.

— Андрей, ты чего? — она посмотрела на меня удивленно. — Я не держу на тебя зла. Я просто не люблю тебя больше.

Она произнесла это вслух, а мир не разрушился, и даже не задрожал. Продолжали стучать секундной стрелкой круглые настенные часы, дребезжала ложечка о стенки чашки, за окном шумел ночной город. И никому не было дела до того, что на одну любовь в этом мире стало меньше.

— Прости, — добавила она.

— Я тебе не верю. Так не бывает.

— Еще как бывает. Я любила тебя, пока ты был равен самому себе, пока надеялась, что однажды ты станешь выше самого себя. А ты оказался мельче, чем я думала. Ты не виноват, никто не виноват. Просто ты такой и другим не будешь, а мне этого мало. Я ведь не требую многого. Все эти работы, квартиры, дачи, деньги — это вообще на последнем месте. Помнишь поговорку: лишь бы человек был хороший? Вот это то самое, что мне надо. Ты думаешь, девушкам нужны деньги, или ум, или сила, или подвиги в постели? Ничего подобного. Нужна надежность. Больше ничего может не быть, но за надежным мужчиной девушка на край света пойдет. Я думала, ты надежный.

— Я не волшебник, я только учусь.

— Не ерничай, я серьезно.

— Извини.

Она отвернулась, на глазах навернулись слезы.

— Ты должен был быть рядом.

Мне нечего было ответить.

Слава встала, подошла к окну, погладила рукой занавеску. Господи, какой прекрасной она была в тот момент... И даже ссадина на разбитой губе не портила светлого образа. Она прислонилась лбом к оконному стеклу, уперлась ладонями и, приподнимаясь на цыпочках, выдохнула теплый пар изо рта. Казалось, Слава хочет подлезть под ночной город, забраться в него с тыла и, нащупав там невидимый рубильник, отменить ночь. На запотевшем стекле она нарисовала решетку, стала играть в крестики-нолики сама с собой. И вдруг наступила гнетущая, нехорошая тишина. Я заморгал, повертел головой — остановились часы на стене. Секундная стрелка продолжала подрагивать, но ход прекратился. Слава тоже это заметила.

— Время остановилось.

— Батарейка... — я не успел договорить.

— Да, остановилось.

И, резко повернувшись ко мне, стала рассказывать:

— Он напал сзади, как только я вышла из подъезда. Зажал рот и прижал лицом к стене. У него были грязные пальцы, грязные и кислые на вкус. Ужас хлынул из затылка к животу, самый настоящий смертный ужас, когда с первой секунды понятно, что шуток не будет, либо жизнь, либо смерть. Я задергалась, забилась, но он держал крепко, еще ударил локтем по скуле, чтобы не дергалась. А потом он повернул меня лицом к себе и приставил к горлу нож.

— Слава...

— Молчи и слушай. Он смотрел мне в глаза и улыбался. Он видел страх в моих глазах, видел ужас, всю его глубину, и ему это нравилось. Нож уплотнил мои легкие, я задышала часто, но мелко, на цыпочки привстала... Казалось, можно спрятаться от этого ножа, привстав на цыпочки, но спрятаться, конечно, не получилось. Мне было не вскрикнуть, не повернуть голову. Он сказал мне: «Молчи, блядь». С ужасным южным акцентом сказал, но меня обрадовал его голос. То есть, мне тогда показалось, что если он о чем-то говорит мне, о чем-то просит, значит не собирается меня убивать... Даже нет, не так... Если он умеет говорить, значит он человек, а не крошечное зло. А с человеком всегда можно договориться, объяснить, убедить... Я ответила ему: «Не надо». Он сразу ударил меня в живот, так что ноги ослабели и подкосились, а воздух пропал, и не хватало сил вздохнуть. Я бы сползла по стеночке, но он цепко взял меня за горло. «Я сказал, заткнись», — еще раз он произнес. А я все не понимала, что договориться невозможно. Одной рукой он продолжал держать нож у горла, а другой стал шарить под юбкой... — Слава скривилась от брызнувших слез. — Сразу было понятно: если я закричу — ему хватит одного движения, чтобы перерезать мне горло — так крепко он прижал нож. Из рта его пахло уксусом, перцем, еще чем-то резким, противным. Глаза... Черные и страшные. Я его глаза никогда не забуду — мне с этим теперь до конца жить. Пока они мне не снятся, но как только проснусь — сразу вижу его глаза. И тошно так становится на душе, привкус страха во рту появляется... Знаешь, если бы не было ножа — я бы все равно закричать не смогла. Губы словно наизнанку вывернули, а в горле — цемент, язык не слушается. А он это знал, читал в моих глазах, но все равно держал нож у горла. И когда он дотронулся... там... я только тяжело заерзала по стене, вжимаясь плотнее, глубже. Еще раз сказала: «Не надо, пожалуйста». Тогда он отошел на шаг и сразу ударил кулаком в лицо, резко и без замаха. Я ударилась затылком о стену, из носа пошла кровь. Он сразу же подступил ко мне и снова схватил за горло. Нож уже не приставлял, только сказал: «Еще раз вякнешь — зарежу». И я поняла, что он не шутит. То есть, он не просто говорит, чтобы напугать. Он и правда зарежет. Это так ясно было в тот момент, что от угроз, от ударов, от ножа — я сдалась.

Слава закрыла лицо ладонями. Я подошел к ней, положил руки на плечи — она сбросила их резким движением. Просто стояла у окна, закрыв ладонями лицо. Молчала. Я не сразу понял, что она рыдает — по дрожанию плеч понял, по тому, как глубоко и трудно она сглатывает накат слез.

— Прости.

Она подняла на меня заплаканное лицо.

— Потом он снял с меня трусы.

— Слава, не надо...

— Нет, ты это до конца дослушаешь. — Голос ее обрел твердость, справляясь с рыданиями. Она утирала слезы кухонным фартуком, размазывая тушь по лицу, но уже не обращая на это никакого внимания.

— Боль была обжигающей, раскаленной, как будто горячий болт в тебя вворачивают. Но дело даже не в боли. То есть, боль можно перетерпеть, но то, что он делал — страшнее боли, бесповоротнее, что ли... Тебе изнутри клеймо ставят, и это уже на всю жизнь. Понимаешь, это не грязь, не пятно, не след — это выжжено внутри тебя, дьявольское тавро. Ты становишься меченой. И будешь меченой до конца своих дней. Это не отмывается, не вырезается. Метка в душе, в сердце, в ... — Слава произнесла мат просто, буднично, первый раз на моей памяти. — Я теперь грязная-грязная. Меня теперь нельзя любить. И я теперь любить не смогу.

И снова она замолчала, пытаясь справиться с потоком слез, с руками, с ломающимися пальцами. Мне стало плохо. Закружилась голова. Я не знаю, зачем ей надо было проговаривать вслух все эти подробности, зачем она выволакивала наружу все до крупницы, каждый жест посекундно. Но она точно делала это не для себя — мне она все рассказывала, для моих ушей произносила вслух похабную боль.

— Он двигался быстро, как животное, кролик или собака. Он и был животным в тот момент: ничего человеческого ни в облике, ни в глазах. Только больно мял мне ягодицы, почти вгрызался пальцами, и двигался, двигался, двигался... Ритмично и неумолимо. Я старалась не думать, отключиться, вырубить мозг — не получалась. Я стала всхлипывать в такт его движениям, закусил губу от боли. И все никак не укладывалось в голове, что это происходит сейчас, вот в эту секунду, происходит со мной, а не с кем-то. И как раньше уже никогда не будет. Еще удивление: за что это мне? Что я такого сделала, что это со мной происходит? Я сейчас говорю тебе подробно, связно, но тогда мысли летели обрывками, сумбурными и случайными. Просто было больно и противно, страшно и невыносимо стыдно.

Я подняла глаза наверх, чтобы не смотреть на его лицо, и вдруг увидела в окне Сову с этим мальчиком... Как его?

— Вельвищев.

— Точно. Она прижала его к стене и целовала, терлась. Окно на третьем этаже — занавесок на окнах нет — все видно в мельчайших подробностях. Потом она резко повернулась в сторону, наверное, кто-то зашел на кухню, а когда этот кто-то ушел — продолжила целовать своего мальчика. Меня у подъезда насиловал какой-то азиат, а тремя этажами выше Сова целовалась со своим мальчиком. Я их видела, а они меня нет. Все это забавно, ты не находишь?

Мечтательная отстраненность появилась в ее фигуре, облике, выражении глаз. Признак болезни или надвигающейся истерики.

— Он кончил бурно и тяжело, зарычал, как огромный пес в конуре начинает рычать, когда приближаешься без ведома, без спроса. Его семя разлилось у меня внутри, жгло ядом, разъедало, как серная кислота. Я боялась на него смотреть. Боялась, что он достанет нож и убьет меня, пырнет в живот или перережет горло. Но он не доставал ножа. Он стоял и улыбался, довольный, как насавшийся крови комар. Вытер свой... о край сарафана. И отпустил меня, отошел на шаг. Я поняла, что все это время он держал меня своим весом, потому что сил не осталось в ногах, я медленно сползла по стене, натягивая трусы на ходу. Я только потом поняла, что сразу надела трусы. Это был рефлекторный жест, что-то из подсознания. Я сидела у стены, всхлипывала, обнимала колени, а он не уходил. Только отошел на пару шагов и, уже не глядя на меня, спокойно закурил. Просто стоял и курил. Понимаешь, он ничего не боялся, не собирался убежать, он не боялся, что я закричу, что выйдут люди, вызовут милицию... Он ничего не боялся в этом городе, в этой стране. Он чувствовал себя хозяином. А я подумала, что он — этот жестокий грязный азиат — и есть хозяин. Он сделал меня своей наложницей. И я подчинилась. И не было никого рядом, чтобы меня спасти. Никогда не будет никого рядом. Поэтому — он хозяин. Другого не будет.

Я хотел прикоснуться к ней, погладить, пожалеть, прижать к себе, как делал не раз до этого, но сейчас не мог этого сделать. Ее рассказ перечеркнул это право, а Слава перестала быть моей. Гряз-

ный азиат отнял ее у меня, отнял затем, чтобы никогда больше не отдавать. Вот зачем Слава все это мне рассказывала. Чтобы я понял, что она перестала быть моей.

Она подошла к плите, включила конфорку и, набрав в чайник воды из-под крана, поставила его на плиту.

— Пить хочется.

— Я пойду.

— Куда ты пойдешь? Ночь на дворе.

— Не знаю, пройдуся. Ночи теплые.

— Оставайся. Я постелю тебе на кресле.

— Хорошо.

— Хочешь есть? Бабушка напекла пирожков с капустой.

Она поставила передо мной тарелку с пирожками.

— Сейчас чайник закипит.

Я начал есть с жадностью, заталкивая в рот жареные пирожки, давясь хрустящим тестом, разбрасывая кусочки капусты по столу, по полу... Мне казалось, что пока я ем, все произнесенное Славой не имеет силы, и стоит остановиться, как слова напитаются смыслом и прорастут в явь. И я ел пирожок за пирожком. В горле заломило от тоски, но я продолжал жевать, шевеля упрямой челюстью, перемалывая куски прожаренных пирожков. Жир тек между пальцев, масляный и липкий, а я все ел. Слава смотрела на меня, долго и внимательно, а потом сделала шаг навстречу и мягко положила руки мне на голову, погладила, расчесывая волосы гребнем своих ладоней. Думаю, она сделала это, потому что продолжала меня любить.

Я сжал в ладони недоеденный пирожок, так что клочки прожаренной капусты полезли сквозь пальцы.

Договорились встретиться в «Евразии» на «Парке Победы». Я приехал первым, сел за столик, заказал холодный чай, закурил. Деньги лежали в кармане, сложенные тугой плотной пачкой, оттопыривали брюки, но не жгли, нет, не жгли. В ресторане работал кондиционер и прохладный воздух обдувал лицо, руки. Прохлада перекинулась на мысли, и я в первый раз подумал о том, как именно буду убивать. Я представил, что стою перед насильником, смотрю ему в глаза... А что дальше? И в этот момент не то чтобы сомнение в задуманном проникло в сердце, но легкая тревога. Я твердо знал, что убью ублюдка. Убью. А что дальше?

Митяй зашел в кафе развальной наглой походкой (так ходят коты по квартире), повертел головой, увидел меня, коротко кивнул. Следом за ним вошел огромный мужик лет сорока. Не здоровый, не накачанный, а именно огромный, с надутым животом, налитой бычьей шеей, короткостриженный. Одет он был в джинсы и обтягивающую футболку, в руках вертел берсетку. Они подошли, присели напротив.

— Это Борюсик, — представил мужика Митяй. Тот протянул мне длинную нагантелленную руку. Пожатие его было вялым и ленивым, и вместе с этим ощутимая звериная сила сковала мою ладонь.

— Андрей.

— Вот и лады, вот и познакомились, — засуетился Митяй.

Глаза у Борюсика маленькие, прозрачно-голубые и опасные. В них не было жизни. Люди с такими глазами все делают без колебаний. Борюсик смотрел на меня прямо, просто и пусто, и эта пустота обволакивала ворсистым коконом. Он проверял на прочность своим взглядом, как проверяет хищный зверь, кто перед ним стоит. Я, верно, не выдержал проверки, потому что Борюсик вдруг расслабился и усмехнулся краем губ.

— Мы голодные, закажи пожрать чего-нибудь, — обратился ко мне Митяй. Нет, не обратился. Приказал.

Я заказал им по «Филадельфии».

— Рассказывай, — произнес Борюсик. Голос низкий, прокуренный, каким и должен быть голос бандита. И только одна насмешка — легко грассирующая «р», как у Охлобыстина.

Я рассказал, как все было, все, что знал. Борюсик слушал, нехотя кивал, а сам смотрел в сторо-

ну. Он держал себя так, будто мой рассказ утомляет его; он, в общем, не имеет ничего против, но и вникать готов не более как в пол уха. В конце рассказа он задал только один вопрос:

— В ментовку обращались?

— Нет.

— И не надо.

— Почему?

Борюсик скривился, коротко посмотрел на Митяя и тот подхватил:

— Не по понятиям. Мы найдем уroda, а потом предьявить могут. Не хорошо. Не надо ментов.

— Как скажешь.

— Бабло принес?

— Да. — Я достал деньги, положил на стол. Митяй торопливым жестом поддел пачку, начал считать. Борюсик продолжал смотреть в сторону, словно его это не касается, и только когда Митяй коротко кивнул, мол, все верно, — открыл берсетку и деньги шлепнулись внутрь, как в бездну. Купюр он руками не коснулся.

Принесли заказ. Педиковатый официант жеманно расставил дощечки с роллами, подставки для соуса, аккуратно положил одноразовые палочки. И в первый раз в глазах Борюсика полыхнул интерес: озорной, с хулиганской искринкой. Официант разложил на столе заказ и повернулся, чтобы уйти, как вдруг Борюсик поднял свою тяжелую руку и припечатал ладонь к тощей заднице официанта, звонко и со шлепком. Тот испуганно обернулся.

— Вы чего?

— На чай.

— Я охрану позову... — проямлил парень.

— Топай отсюда, Манька!

Официант впитал звериную взвесь в глазах Борюсика, и эта взвесь сковала ему язык, сломала чувство собственного достоинства. Он развернулся и засеменил к барной стойке.

— Развелось пидоров, — сказал Борюсик. — Да, Андрюха?

— Да, — ответил я.

— Мочить их надо. Как считаешь?

— Пожалуй.

— А чего ты так неуверенно?

— Мне все равно.

— А ты сам, случаем, не пидорок?

Он намеренно оскорблял, провоцировал. Ему нравилось ломать людей. Повисла тяжелая пауза. Но ситуацию спас Митяй.

— Не надо, Борюсик. Он не пидор, отвечаю.

— Да ладно, расслабься. — Он положил руки на стол. — Я вижу, что ты не пидор. Я эту петушарню за версту чую. — Борюсик шумно втянул воздух ноздрями. — Знаешь, чем они пахнут?

— Чем?

— Сладким страхом. Все люди боятся, все пахнут страхом, но у нормальных людей страх кислый, а у этих — приторный такой, слащавый.

Я покивал головой, мол, хорошо, понимаю.

— Ты ведь тоже меня боишься.

— Опасаюсь, — ответил я.

— Боря, завязывай, — встрял Митяй.

— Да подожди, я же просто разговариваю с человеком... Ты не бойся, я тебя не укушу. Хочешь, скажу, о чем ты сейчас думаешь?

— Скажи.

— Думаешь, чего это он до меня доколебался. Думаешь, что я кинуть тебя хочу.

— Я так не думаю.

Борюсик угадал. Именно так я и думал. Именно такими словами.

— Думаешь, думаешь. Это нормально. Не ссы, не кину. Не потому что ты такой отличный парень. Просто репутация дороже.

Слово «репутация» прозвучало странно, случайно слетев с языка: чужое, непривычное, из другого лексикона и мира.

— Когда? Какие сроки?

— Вот это другой разговор. — Борюсик разорвал бумажную упаковку палочек для еды, ловко зажал их в правой руке. — Может пара дней, может неделя. Если совсем трудно — две недели. Это предел. Но найдем по любому.

Ели они с Митяем одинаково: жадно и размеренно, закидывая в рот прямоугольники роллов и резво перемалывая их крепкими челюстями. Даже кадыки ходили в такт. Было в этом зрелище что-то завораживающее. Так дети в зоопарке с восторгом и страхом смотрят, как едят медведи или львы. Передо мной сидели два зверя, два первобытных человека, никогда не знавшие, что такое совесть и мораль. Самое страшное, что они жили счастливо без этого знания.

Таких людей много. Мы каждый день проходим мимо них, задеваем краями одежды в метро. Зверь внутри них не явен, дремлет, чуть прикрыв веки, но готов проснуться в любой момент. Это плохие и сильные люди. Из них получаются хорошие бандиты и офицеры. Наверное, они зачем-то нужны Богу. Ну, например, затем, чтобы находить насильников. Или воевать, убивать врага. У каждого свое предназначение. Нужно только понять его, а поняв — следовать не сворачивая. Вот Борюсик понял свое предназначение, и свято следует ему. Блаженны нищие духом — это про него, про таких, как он. Но если его есть Царствие небесное, то к черту такое Царствие.

— Я всех этих черножопых тоже не люблю.

Он закончил есть, вытер губы влажным полотенцем.

— Но они сильные, — продолжил Борюсик, — и они победят. Тебя, меня — всех сожрут, всех на ножи поставят. Не скоро, конечно, не сейчас, но так будет. Главное, не проспять вспышку и вовремя свалить. А оно начнется. Лет пять-семь еще — и начнется. Как считаешь? Вот ты умный, институты кончал, так скажи.

— Не начнется.

— Ну-ну.

— Не начнется. Мы сильнее. И они знают это.

— Кто это — мы? Кто такие — мы?

— Русские.

— А ты — русский?

— Я — русский.

— Хер тебе. Кончились русские. Одни россияне остались, понимаешь... Я тоже русский, без всяких, типа там, татар, жидов. Чистокровный, короче. Мой дед еще чеченов в Казахстан провожал. Так что родословная, там, все дела, — чики пуки. И я тебе, как русский русскому говорю: мы кончились, нет больше такого народа. Ты мне можешь туда-сюда, там, всякие, типа доводы. Но это пурга. А ты в окно вечером посмотри: хачи девку тискают, та, типа, на измене вся, орет, и хоть бы одна сука вышла и помогла. Ты не выйдешь, я не выйду, никто не выйдет. Вот твою бабу приходовали — и никто не вышел. Ни один, сука, русский, жопу не оторвал. Ты сейчас, типа, народный мститель такой, Рэмбо, первая кровь. А ты мочканешь чурку, а тебя же и закроют в мусарне. Сечешь? Потому что русский русскому — волк. Нет больше такого народа. Нет нас. Каждый сам за себя. Запомни это.

Он тяжело поднялся, вытер руки о штанины.

— Все, бывай. Митяй тебе позвонит.

Митяй тоже поднялся, тоже степенно, имитируя важность.

— Будь на связи, — вставил он свою фразу.

— Пока, Манька. Я еще приду, — прокричал Борюсик в конец зала, помахал официанту рукой. И, обернувшись ко мне, вдруг провел ладонью по моей щеке. Жест этот был внезапным, угрюмым и неприятным. Как будто наждачкой по коже. Я так и не понял, что он хотел сказать этим жестом. Что я проиграю? Меня зарежут? Он прав? Что он хотел сказать?

— Подумай, там, на досуге.

И вышел вон. Через несколько минут официант принес счет, небрежно бросил его на край стола, посмотрел на меня, презрительно так и со значением.

Жара ушла внезапно. С залива потянуло свежестью, и город, взмокший от бессилия, облегченно выдохнул, перетерпев невыносимую духоту. Дразнящий вкус надежды наполнил рот радостной слюной, и оттого что дышалось полной грудью, оттого что легкие наполнились солоноватой прохладой, — жизнь обрела подобие смысла, утраченную было легкость и простоту.

Автобус, набитый до отказа дачниками, котомками, рюкзаками, саженцами, трясся с какой-то жеребьячьей бодростью. Из открытых форточек дул в лицо втер, путал волосы и мысли, гул дороги казался родным, звучал трепетной прамузкой из древних времен. Я ехал к деду. За окном ожили деревни, работали бабы на огородах, мужики ковырялись в своих стареньких автомобилях, облаивали шоссе дворовые собаки. Картины нехитрого быта проносились перед глазами, как кадры из немого кино. И не было ни одного человека на планете, кто смог бы мне объяснить: отчего так спокойно стало на душе?

Пассажиры ехали молча, редко перекидываясь друг с другом ничего не значащими фразами. Простые натруженные лица, усталые, желтоватые, грубые. И такие настоящие, что сердце мое наполнилось радостью правильной компании. Это когда ты никого не знаешь, но по глазам угадываешь невысказанное вслух единение, такую простую пшеничную теплоту, для которой и слов не требуется.

Автобус притормаживал на каждой разбитой и потрепанной остановке, вываливались люди, пропуская выходящих, принимая у них рюкзаки, тележки, подавая руку дряхлым старушкам, которые до самой смерти будут ездить в свои деревни, ковыряться в грядках, ругать правительство и верно за него же голосовать. И все это было естественно, без противоречий. В жестах не было фальши или надрыва. Просто мир наполнялся правильным и прозрачным содержанием. В таком мире хотелось жить всегда, дополняя его собой, становясь единым целым со страной, с народом, со всем тем, что дорого сердцу и за что жизнь свою не жалко отдать.

Деревня цвела зеленью, дорожная пыль оседала на обуви, солнце било прямо в глаза. Все было таким же, как и вчера, как год назад, каким было еще до моего рождения. И это постоянство давало точку опоры, незримую твердость хода истории, которая сквозь развалы государств, бунты и революции упрямо движется к своей цели. В большом городе это чувство утрачивается, и только на селе понимаешь со всей отчетливостью: у человечества есть цель, и цель эта — достичь рая на земле, и не может быть у людей другой цели.

Подходя к дому, я услышал собачий лай. Динка заливалась, тревожно и злобно, этот лай рвался с цепи, был пронзительным и щемящим. Я ускорил шаг. Неприятное чувство закралось в сердце.

Свернув на свою улицу, я увидел деда. Он стоял у ограды, над ним нависали два здоровых мужика лет за сорок. Один толстый, мясистый, похожий на откормленного борова. Второй худой и длинный. Громко жестикулировали, трясли кулаками у самого лица. А дед стоял, оперев руки в бока, прямой и гордый, и что-то резко отвечал им. Слов было не разобрать — собачий лай заполнял собой все пространство.

Внезапно толстый и красномордый нагнулся, поднял обломок кирпича с дороги и с силой запустил в собаку. Дина завизжала, заскулила от боли, и тут же, секунда в секунду, дед выбросил вперед руку и плотно, цепко схватил мордатого за кадык, пригибая к земле, что-то яростно крича ему в лицо, вколачивая слова в мясистый нос, хомячьи щеки. Длинный навалился на деда сзади, повалил его на землю... И я рванулся вперед. На ходу слетала шелуха цивилизации, с каждым шагом глаза наполнялись яростью и восторгом.

Я слету ударил мясистого прямой ногой в живот. Тот согнулся пополам, ойкнул в сторону. Растерянно поднялся длинный. Не давая ему опомниться, я засадил ему кулаком в челюсть, со всей пролетарской злостью. Он сделал шаг назад, кулак прошел мимо и я на мгновение потерял равновесие. Этой доли секунды ему хватило, чтобы ударить меня локтем по затылку, снизу вверх. Голова взорвалась. Я ткнулся лицом в забор, не успевая выставить вперед руки. Но уже дед поднялся и рванул его за шиворот на себя, заваливая на землю. И сразу стал топтать ногами. Я мгновенно вскочил, преодолевая звон в голове, обернулся к мясистому.

Тот стоял в трех шагах, дрожал всем телом и сипло дышал с присвистом. Смотрел на меня зло и затравленно. Но уже не вмешивался. Я оттащил деда.

— Хорош, хорош...

— Суки, фраера дешевые!

Дед раскраснелся, трудно дышал.

— Все, Касатонич, все... Погорячились... — произнес мясистый, выставляя вперед руки. Длинный тяжело поднимался, держась рукой за голову. Из рассеченного лба капала кровь.

— Кадыки повырываю, падлы!

— Все, все, непонятка вышла...

Мужики уходили, пятась спиной.

— Только суньтесь, паскуды — зарублю!

И мне, и мужикам стало понятно, что зарубит, не дрогнет рука.

— Все, все...

Мужики нырнули в соседнюю калитку, скрылись в глубине двора.

— Соседи? — спросил я.

— Ну. Чушки двуногие. — Потом обернулся ко мне, прищурился: — Это ты вовремя. Я бы один не сдюжил. Старый уже. Лет двадцать назад они бы у меня кровью харкали.

— Ничего, теперь я есть.

Мы весело засмеялись.

— Ну, пойдём в дом.

Дед налил из бака воды в чайник, поставил его на плиту.

— Суд-то я выиграл, — начал дед, приводя в порядок дыхание. — Эти гады не явились, да и черт с ними, решение суда уже есть, у меня в кармане. Так они такую вонь подняли, всю деревню против меня настроить хотели. Мол, это я у них землю захватываю. Понимаешь? Но народ не обманешь. Все видели, люди не дураки. Большинство на моей стороне. Сроку им дал неделю. Чтобы баню разобрали, сарай свой снесли. Не то сожгу, сказал. Они чуть в штаны не наложили от злости. А против государства не попрешь... Вот, пришли права качать.

— Позвонил бы мне, я бы подъехал.

— А ты и так подъехал.

— Поздравляю, дед.

— Землю нельзя бросать. За землю биться надо.

— Ты молодец.

— Учись, пока я жив... А ты чего один? Где зазноба твоя?

— Дома.

Что-то не понравилось ему в моем голосе.

— Случилось что?

— Случилось.

— Давай, рассказывай.

И я опять начал рассказывать, с удивлением отмечая, как от частого повторения притупляется боль. Добавилось новое чувство: горячее онемение. Так ноет зуб после новокаина. Надо бы его удалить, а ты все латаешь, ставишь пломбу на пломбе, все держишься за него, как за молодость. И боль становится частью этого зуба, сверлит от холодного и горячего, но никогда не уходит совсем. Еще возникло чувство гадливости к самому себе: раскрывая чужую тайну, я каждый раз раздевал Славу; а у нее руки за спиной связаны, она не может прикрыть свой стыд.

Когда я рассказал главное, дед встал, подошел к окну и все остальное слушал спиной. Только кулаки сжимались и разжимались, а шея налилась багровым. Он смотрел сквозь окно — сквозь забор — сквозь дорогу — на кусок земли в пять соток, который отвоевал, отбил, вернул во владение. И затылок его наливался яростью.

Я закончил рассказывать. Повисла пауза, и он спросил, не оборачиваясь:

— Что делать будешь?

— Дед, мне помощь нужна, — ответил я.

— Я спрашиваю: что ты будешь делать?

— Послушай, есть люди... Они не очень хорошие, бандиты, короче. Они могут найти...

— Что ты задумал?

— Мне ружьё нужно, — выпалил я.

Упала тишина. Дед обернулся и посмотрел на меня долгим взглядом узнавания, выцарапывания из прошлого, из детства. Он не проверял на прочность мою решимость, ни о чем не спрашивал сво-

им взглядом, не возмущался. Просто долго смотрел мне в глаза. Так долго, что тишина загустела и стала выдавливать меня из дома. Наконец, он сказал:

— Убьешь?

— Убью.

— А дальше?

— Не знаю, видно будет.

— Как жить с этим будешь?

— Мразь должна быть наказана. Легко буду жить. С чистой совестью.

Мы помолчали.

— Скажи, дед, — начал я, — а ты убивал?

— Бог миловал. Крови на мне нет.

— Что бы ты сделал на моем месте?

— Не знаю, не знаю...

— Ты сам говорил, что землю защищать надо. Так вот, Слава — моя земля, моя Родина, мое небо и мои березки. Если я откажусь от этого, кто я буду?..

— Вот и надо было защищать березки, а не ханку жрать.

— Дед, дай ружье.

— Не проси. Хочешь самосуд вершить — дело твое. Раньше надо было думать. А теперь все, дело сделано, беда пришла, ее не исправишь. А от крови не отмоешься.

— Дед.

— Не проси, сказал.

И вдруг тяжелый ком подкатил к горлу. Дед — он упрямый. Если чего решил, не перешибить. Но ком от другого, от невысказанного. Если бьешься за правду и не побеждаешь? Что тогда? Может, ты и не за правду сражался? Кислое чувство предательства наполняло этот тяжелый ком. И еще: казалось, не дед, а Бог от меня отворачивался.

— Я все понял. Спасибо тебе.

— Андрюха...

— Поеду я.

Я встал, закинул рюкзак на плечо... И в этот момент Бог обратил на меня свой взор, прищурился, как он умеет, и властной дедовской рукой остановил.

— В кого ты такой? — спросил Бог.

— В мать.

Я знал, что он меня любит, как своего Сына, взмолившегося о милости в Гефсиманском саду.

— Будет тебе ружье.

Я уехал тем же днем, на последнем автобусе. Перед этим дед сделал из ружья обрез. Мы спустились в мастерскую, дед зажал ствол в огромных тисках, вмонтированных в металлический верстак, достал ножовку.

— Болгаркой нельзя, — сказал дед. — Рука дрогнет — все вкривь пойдет. Ножевочкой, не спеши...

Он начал пилить. От патронника отступил сантиметров пятнадцать — двадцать, на глаз.

— Может, ближе?

— Отдача сильнее будет, разок шмальнешь — кисть вывихнешь.

— Ясно.

Запахло металлической стружкой. Пилил дед долго, размеренно и настойчиво, инструмент стал продолжением его красной, твердой, со вздувшимися венами руки. Так рождался с инструментом мастера, титаны, люди из особого сплава воли, железа и нравственности. Сейчас мало таких людей, источилась порода.

Минут через двадцать лопнула горячая пила. Дед сплюнул.

— Пилы — говно. Разучились делать.

— Запасная есть?

— У меня все есть, — он ласково улыбнулся.

Заменял пилу, протянул мне.

— Давай-ка, поработай.

Я начал пилить, придерживая левой рукой гладкий, черно-коричневый ствол. В мастерской было прохладно, но от оружия вдруг повеяло жаром, ладонь почти обжигала вороненая сталь.

— Ровнее пилу держи.

— Хорошо...

Энергия дела, рабочего инструмента и прорастающей правоты накачала руки силой: я не чувствовал усталости, хотя пилил напряженно и долго. На лбу выступили капли пота, сердце застучало быстро и мощно, выходя на новый уровень перекачки крови. Наконец, ствол начал гнуться от собственного веса.

— Сейчас аккуратно, не ломай, — предупредил дед. — Поддерживай рукой, а пили легонько, осторожно, до конца.

Я так и сделал. Еще десяток-другой осторожных движений, и ствол отпал от ружья, как хвост змеи.

— Дед, откуда ты все знаешь?

— Учителя были. Хорошие.

Он взвесил оружие в руках, любовно погладил приклад.

— Пристрелять надо. Видишь заусенцы?

— Ну.

— Пуля кувыряться будет, может в сторону уйти. Один залп надо сделать заранее.

— Я понял.

— Сам уже...

— Да-да.

Дед помолчал, а потом протянул мне обрез и сказал:

— Сохрани. Пригодится еще.

— Зачем?

— Война скоро начнется.

— Какая война?

— Последняя.

— С Америкой, что ли?

— Со всеми. Все со всеми воевать будут. Белый с негром, эскимос с арабом, русский с хохлом. Брат брата убивать начнет. Люди скурвились, землю распатали — так не может долго продолжаться. Бог не фраер, вечно терпеть не будет.

— И что тогда? Обрез спасет?

— А это — смотря, что спасать будешь.

— Ты бы что спасал?

— Любовь.

Так странно было от него слышать это слово, что я невольно вздрогнул.

Он провожал меня у калитки, вдруг состарившийся разом, согнувшийся и опавший. Летний ветер трепал его короткие седые волосы. Запотели глаза.

— Андрюха, — вдруг рванулся он.

Я подбежал к нему, обнял.

— Да, дед! Да!

Он крепко сжал мои плечи, до боли вьелся узловатыми пальцами, до синяков, силясь прорасти в меня, стать одним целым.

— Задай им копати! — прохрипел, затряс. — Чтоб долго помнили кровь касатоновскую!

— Сделаем.

— Вот это разговор, вот это по-нашему.

Он потрепал меня по голове на прощание.

— Иди, давай...

Я еще не знал, что вижу деда в последний раз.

Проза

Евгений Журавли

Евгений Журавли родился в 1979 в городе Ярцево Смоленской области.

Образование — педагогический факультет КГУ (ныне БФУ им. Канта). Живёт и работает в Калининграде. Сфера деятельности — малый бизнес.

Увлекается историей, экспериментальной поэзией и частной публицистикой.

В рамках сотрудничества с общественно-политическими и гуманитарными организациями, как исследователь и журналист, совершил множество поездок по странам бывшего СССР, Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии. В том числе — в Афганистан, Иран, Косово и воюющий Донбасс. Писать стал в возрасте 30 лет. С 2015-го появились и публикации: в калининградском литературном журнале «Берега» (2015), венгерском журнале Szozat («Зов», 2016), а также на сетевых страницах различных журналов («Вокруг Света», «Русский Репортёр», альманах «Искусство войны» и др.). Победитель международного литературного конкурса «Большой финал-2015/16», всероссийского литературного конкурса «Хрустальный родник-2016».

Озеро Забвений

Говорят, что где-то далеко, там, где находится колыбель моего народа, в седой древней старине под синим небом, в краю, опутанном легендами и преданиями, тысячи лет покоится тихое безмолвное озеро. Посмотрев в него, человек не видит своего отображения, но в красочных бликах возникшей ряби можно увидеть то, что желаешь больше всего — собственное будущее. Но самое главное — говорят, что если бросить в озеро камень — человек избавляется от своего прошлого...

Я искал его. Может, с тех самых пор, как тучный локомотив поезда в своём терпеливом ожидании заставлял вибрировать морозный воздух перрона... А может с того момента, когда в ясном летнем небе моего подсознания прогремела раскалывающая жизнь на «до» и «после» ослепительная молния неизбежности... Может, с обжигающего стыда трусости, овладевшего однажды моим сердцем. Но может, и наоборот, с чего-то свершённого, право на что имели лишь только боги. Так или иначе, я уже давно искал озеро Забвений... Легенда говорит, что найти его не так уж и трудно — все великие завоеватели человечества искали его. Но неизвестно, достиг ли хоть кто-то. Над озером царит тотальная тишина, и над ним не пролетают птицы.

Всё было решено. Камень, который я носил за душой, давно уже тёр своими острыми гранями моё сердце. Я сидел на полу, глядя во тьму, потягивая из кружки крепкий черный чай, пребывая в полном спокойствии. В ночной тиши квартиры спокойно ожидала своей судьбы груда типичного туристического инвентаря — два рюкзака, спальные мешки, пара незаменимых инструментов, кое-какие консервы, теплые вещи. На полу лежали заграничники с вложенными распечатками авиабилетов и несколько изрисованных листков — памятки, карты, стандартные разговорные фразы на фарси... На моём лице, подобно мерцанию костра в тёмных пещерах моих неолитовых предков, отражалось синее свечение монитора. В соседней комнате тихо посапывал 10-летний сын... Выпущенной стреле нет необходимости сетовать на ветер.

Озеро Забвений... Где оно? Македонский, Чингисхан, Тимур. Перелётные птицы. Заратустра, Иисус, Моххамед, Митра и Будда. Неизвестные народы. Голубоглазые памирцы. Архаические языки. Арии. Асы. Там ли мои истоки? Что мы вообще знаем об истории? А что об истине?

Сашка. Он подъехал как всегда на десяток минут позже, без звонка и стука распахнул дверь,

осветив раскосой улыбкой прихожую, и грозно предъявил: «Ну что? Всё готово? Вошкаетесь, блин. Может, чайку предложите? Гость в дом — бог в дом. А вы хмурые... Никуда не денется ваш самолёт, успеем.»

Сашку я знаю уже ровно пол-жизни, 16 лет из 32-х. Впервые увидев его, поднимающегося по переходу лестницы студенческого общежития, я поразился, насколько было суровым его чуть раскосое лицо. «Наверное, страшный человек» — подумал я. Этот факт теперь навсегда является для меня доказательством обманчивости первого впечатления. «Страшный человек» ещё с двумя второкурсниками поднимался по лестнице, держа под мышкой 3 литровые бутылки водки «Асланов». Спутники его громко и радостно обсуждали удачную разгрузку фуры, где им неплохо заплатили и прибавили каждому в награду по 2 литра на нос. Поравнявшись, Саня абсолютно без эмоций посмотрел на меня, зеленого. И безмолвно пошёл дальше... Поэтому следующая наша встреча была тем более незабываемой... Я, первокурсник, в пьяном угаре лежал на койке, окружённый тазиками и причитаниями своей подруги, и тошнил. Распахнулась дверь, и мой друг Данила, с которым я и перебрал так в этот вечер, указывая на меня воскликнул: «вот он! Ему плохо! Играйте, пацаны, играйте!» Пацаны, одним из которых был суровый Саня, а другим — здоровенный второкурсник Колян, покорно присели на табуретки предо мной и... стали играть. Это была баллада «Скорпионз», «Holiday», без слов в 2 гитары. Я и не очень-то понимал, что происходит. Но это было красиво... Трогательно. И очень по-русски. «Умирать, так с музыкой» — это лучшее, что смог придумать мой нетрезвый товарищ.

Судьба всегда являет нам свои решения оттуда, откуда мы их не ожидаем. Это первый урок и аксиома. Но мы всё же часто вопреки её воле тщетно ждём чего-то, не замечая уже свершившегося факта. Саня оказался в моей жизни. Стал частью моей судьбы. Скромный, стеснительный, умный. Он обучил меня всему тому, что умел сам, и уже ч-з 2 месяца мы сколотили музыкальную группу, репертуаром которой портили многочисленные университетские вечера. Конечно, мы собирались стать великими и создать новую музыку, но тайком мы, конечно, мечтали только о девчонках. Хотя, главное и не это... Мы сочиняли, писали, играли и читали. Так рифма, ритм, математичность, смысл, мелодия, структура и форма, своей неисчерпаемостью, но и закономерностью, проникли в наши души. Познание, как и творчество, сами по себе обусловленные рамками, оказались безграничны. Это меняет всё. Сущность не являлась больше конечной субстанцией.

Мы едем. «Ну как дела с Маришкой то?» — спрашиваю я Санька по дороге в аэропорт. У Сани с Маришкой не очень. Всё к чему стремились — приобрели: квартира, карьера, новая машина... И, как часто бывает, дальше — ничего. Ни детей, ни любви, ни общих мечтаний. «Помнишь, ты говорил, что мечты должны быть завышены, недостижимы?» — спрашивает Саня, — «вот как-то так... жаль только жизнь второй раз не даётся»

«Конфетки?» — предлагают сосучки стюарды. Сын, смущённо улыбнувшись, набирает неожиданно свалившийся подарок судьбы. Пусть набирает. Это аванс. Лишь потом, спустя много лет, когда-нибудь он осознает, что чтобы что-то получить — нужно что-то отдать. Однажды ему придётся платить. Какой путь выберет он — тяжёлых болезненных редких выплат или пожизненного рабства небольших довлеющих обязательств — решать ему. А сейчас — детская безмятежность, наверняка полная проблем в своей внутренней оболочке, но, как оказывается потом — счастливая, кипит и возится на соседнем сиденье, снискивая наши улыбки...

Я помню, как увидел его впервые... Наступал новый, 2002 год, я стоял перед дверью палаты для новорожденных, слышно было, как в ординаторской по телевизору избранный президент поздравляет с праздником население моей страны, медсестры разливали шампанское и куранты отбивают наступление нового года по московскому времени. Подошедшая медсестра накинула на меня халат и открыла дверь. В палате стояло не более десятка люлек с новорожденными, но я сразу узнал своего. Именно узнал... Пройдя по палате к окну, у крайней кровати, я заглянул в лицо безмятежно спящего нового человеческого существа. В темноте окна бесшумно падал белый снег. Какие мысли посетили меня тогда? Я вдруг увидел, что это пофыркивающее, не осознающее ещё себя существо — вовсе не моя собственность, игрушка, или ребёночек. Родилась новая жизнь. Личность. Человек. С характером, внешностью, самобытностью, с будущими взлетами и падениями. Со своей судьбой. И уже сейчас, ничего не подозревающий, он уже обременён предъявленным ему происхождением, именем, гражданством, социальными обязательствами, местом и временем. Своим набором неизбежности.

Закончилась посадка, уселись пассажиры. Тимур, со своей детской вездесущей любознательностью уже открыл и закрыл, проверив, все устройства и приспособления тесного пассажирского места. Проверил инструкцию. Прогудели турбины и самолёт тронулся. «Пап, а какая сейчас скорость?» «..Км 300, наверное» «А есть машины, которые разгоняются до такой же скорости?» «Конечно есть, спортивные могут и 400 набрать» «Так почему они не взлетают?» «Потому что нет крыльев... Чтобы взлететь — нужны крылья». Запомни, мой сын. Запомни навсегда. Это очень важно.

Простираясь до горизонта, облака создают огромное белоснежное пространство, выглядящее как настоящие снежные шапки гор, и мои караваны воспоминаний неспешно отправляются в далёкие 80-е, в жаркий и щедрый, в богатый и мирный тогда, Кавказ. Там, в маленьком городке, где покоятся могилы моих дедов, над Терекком возвышается высокий холм. Под холмом — руины древнего города Джулат, который рискнул не покориться Великому Тимуру. История эта почти всем известна — после взятия города Тимур приказал каждому воину бросить горсть земли на пепелище. Так над руинами вырос огромный холм. Над холмом — поселилось безмятежное синее небо. Над небом, как говорят, в вечности седой Господь... И ровно ч-з 700 лет после этих драматических событий, на огрызке башни, торчащей из холма, восседал в одинокой задумчивости худошавый одинокий я. И более всего мне тогда хотелось быть причастным к чему-то великому. «Почему я не Тимур?» — думалось мне тогда. Что значат годы? Тысячелетия и время? Случай, шанс? Существует ли судьба? Как у каждого подростка, мысли мои были в то время глобальны. И, хотя я не открыл тогда рецепт процветания для всего человечества, но уже точно знал, что у меня будет сын, и звать его будут «Тимур». И что я привезу когда-нибудь его, родившегося уже наверняка где-то в других климатических и временных поясах, сюда, в это место, посажу рядом и расскажу эту историю. И его юная впечатлительная душа наверняка поймёт, что где-то здесь её корни. Потому что корни нужны всему живому. Без них содержимое становится сухим.

Самолёт мягко рассекает разреженное пространство над облаками. «Пап, а здесь всегда так светло?» «Да. Потому что мы над облаками и здесь всегда светит солнце. А если мы поднимемся ещё выше, то одновременно сможем видеть и звёзды» «Пап, а есть такая звезда, которую с земли видно даже днём?» «Нет, сын, нету. Утром, одновременно с солнцем, правда, можно видеть сияющую точку — но это не звезда, а планета Марс или Венера.» «Ага! Но я знаю такую звезду. Это Солнце!» Ммм... Молодец, сын, а я и не подумал. Солнце. Это то, что светит всегда и везде, за любой тьмой и мглой. Всегда где-то рядом. Просто иногда в это трудно поверить...

Где-то там, под облаками, многострадальная земля, шумные города и молчаливое Озеро Забвений. Существует ли оно вообще? Куда я тащу сына? Зачем ему это нужно? Не рано ли ему встретить свою судьбу, а мне — избавиться от настойчивого прошлого? «Вот, Тимур, послушай, всё это пространство от снегов Урала до пустынь Белуджистана, от Каспийского моря до монгольских степей, называют Центральной Азией. Это — сердце Евразии. Это место возникновения крупнейших древних культур и исторических народов, хотя сегодня оно пребывает нищете и разделено между множеством стран. Может оно всегда так и было? Однако история говорит, что именно отсюда мы, европейцы, переняли туалетную бумагу, сахар, алгебраический метод исчисления, современную форму одежды, карту звёздного неба, цифры, струнные музыкальные инструменты, поэтическую рифму, курьерскую службу, женский бюстгальтер, монету, и многое-многое другое. Кроме того, отсюда на историческую арену выкатились крупнейшие исторические народы — белокурые арии, потом сарматы, гунны и тюрки, и, наконец, монголы Чингисхана. Почти весь набор хромосом из того, что болтается по твоим клеткам. И завтра ты увидишь бывшие когда-то богатейшими города, возраст которых настолько велик, что установить его невозможно. Понял?» «Ага. А что-нибудь здесь осталось сейчас?»

Детская непосредственность зачастую более точно формулирует вопросы... Без оттенков и полумнений. Ибо истина не обладает многомерностью суждения. Истина — она пряма и проста в применении, а именно потому, что обязана являться как бы структурной, геометрической основой для фактов, событий и действительности. Единственный вопрос — существует ли она.

Центральная Азия... Осталось ли что либо здесь сейчас? Нечто великое? Что увидит мой сын? Я знал, что осталось. Может он и рассмотрит за внешним упадком то самое великое, что можно увидеть на нашей планете. То, что выше самых высоких небоскрёбов, древнее самых древних пирамид и сильнее самых сильных механизмов... Да. Неумолимая воля к жизни — вот, что сильнее всего на свете. То, что в самых невыносимых условиях пробьёт себе дорогу, прорастёт и выживет. То, что

разрушит все небоскрёбы, а потом возведёт их вновь. Что шире любого моря, да и, наверное, целой Вселенной. И непонятно, что здесь является причиной, а что следствием... Двигаться, преодолевать и жить. Без шансов, без плана на будущее. Что бы не происходило. Всегда.

Это — сердце Евразии. И это сердце — оно такое же, как человеческое. Хрупкое, ранимое, чуткое. И, не в пример молодой Европе, более древнее и умное. Только здесь — последнее пространство на планете, где слова «гость», «честность», «друг», «дом» и «бог» имеют совершенно недвойкий смысл. Смысл, который не бывает искажён временными обстоятельствами и финансовым положением.

«Люди, Тимур... Люди. Вот, что скорее всего, запомнится тебе здесь... Помнишь, как мы начали это путешествие? Помнишь ли эти суровые места Кавказа, Ирана, Урала и Балкан — какие воспоминания остались у тебя? Что самое красивое мы видели там, если не самих жителей? Помнишь, как в провинции Керман, в Мэйманде, куда мы так долго добирались, в этом наверняка беднейшем селении планеты, где люди живут в пещерах с наскальными рисунками, а кроме еды не имеют ничего, кроме сушёных орехов и грубых семян — помнишь, как нам предлагали гостеприимство и ночлег? Так же как и во всех предельных местах наших дорог... Как каждый с интересом и улыбкой звал к себе нас — странных высоких белых людей. Бесплатно. Вот так-то. Там, где люди близко к земле, никто никогда не думает о сиюминутной выгоде. Здесь люди ничего никогда не получали «просто так» и знают истинную цену вещей. И, думаю, что для них имеет ценность только то, что они могут забрать с собой, когда отправляются к своему Богу».

«Мне там понравилось» — говорит Тимур...

Чем суровее и ограниченнее условия существования, тем более высокий моральный кодекс формирует находящееся в этих условиях общество. А где люди не оторваны от земли, нет искусственных умозрительных целей. Без них нет и мелочности. Это редкость, которую всё ещё можно встретить. Там, где люди окружены настоящим — нет ничего искусственного. Чувств, слов, переживаний. Получается, и люди там — настоящие?

Но как же нам сейчас, в этом перенасыщенном пространстве бурлящего современного мира, отделять здоровое от яда, настоящее от подмены, а истину от лести или лжи? Может быть, сделать себя неинтересным всему искусственному? Вывести свою душу с линии фронта извечной борьбы. Может переформатировать своё сознание и тело на потребление того, что не сможет сделать тебя зависимым? Наверное, есть смысл выбрать нечто большее, чем ты сам, а про остальное забыть...

«Эээ! Прямо смотри! Куда пошёл! Ты что, напился что-ли?» В аэропорту северной столицы идёт посадка на узбекский рейс. Бесправные, счастливые и несчастные, разбогатевшие и бедные, поддатые и набожные — тёмная толпа узбеков-гастарбайтеров проходит таможенный контроль. Мы, ожидая пересадки, наблюдаем. В памяти возникают лишь аналогии с военными фильмами, где немецкие солдаты беспощадно и плотно грузят пленных в вагоны поездов. Бедные работяги. Бесправные и гонимые здесь, такие же бесправные и обираемые на родине...

Мы все слабы, человек — слаб. Но человек слаб не тем, что делает ошибки. Эта мысль так важна, что необходимо повторить: он слаб не тем, что делает ошибки, он слаб не тем, что делает ошибки, он слаб не тем, что делает ошибки... А тем, что СЛИШКОМ ЦЕНИТ СЕБЯ, ЧТОБ ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТОГО ВЫВОДЫ. От этого — все беды на планете, от плохого обслуживания в ресторане, до войн. Упорное повторение этого алгоритма создаёт наше вселенское зло. И при чём тут Бог?

Есть только один шанс — понять свою ничтожность, понять несовершенство. И тогда уже со смирением приходит сила. Становится смешным прежнее трепетное отношение к «тому, что обо мне подумают» и всяким беспонтовым движнякам собственного «я».

Самый простой путь к этому — личная душевная катастрофа, обесценивание всех прежних ценностей. А здесь уже и до Бога недалеко.

«Вначале был Логос. И Логос был с Богом. И Логосом был Бог» — слышу из глубин памяти слова ксендза Ежи, зачитывающего мне, атеисту, первые слова Евангелия от Иоанна. «Пан Ежи!» — поправил я, — «...а «логос» — разве это не значит «слово»?» Ежи задумчиво посмотрел на меня: «Во-все нет. Хоть по-гречески, хоть по-арамейски...» — и помолчал, добавил — «...Всё гораздо глубже. Глубже. Подумай об этом как-нибудь...»

Здравствуй, Узбекистан. Влекомые толпой, мы входим в здание аэровокзала. На посту таможенного оформления огромная толпа. Оставив Тимура получать багаж, я ищу где бы выкурить сигарету и, в конце концов, останавливаюсь в туалете. 3 часа ночи... Спешить некуда, потому что некуда. Никаких броней и договорённостей... Следом набивается десяток местных. «Турист или к родственникам? А, турист... Вот ты думаешь, может быть, что здесь так же к вам будут относиться, как в России к узбекам? Нет, не так, однако! Здесь хорошо встречают гостей! Так что ты здесь в такой безопасности, как у себя дома, а может, и больше...» «Ага, конечно...»

«Пап, ты вообще, знаешь куда идёшь?» — интересуется Тимур. «Когда GPS не знает, знает Алла», — отвечаю я. Когда не знаешь, что делать, просто иди вперёд... Высадившись в аэропорту Самарканда и пройдя необременительный таможенный контроль, мы с Тимуром пробираемся через толпу наседающих орущих менял и таксистов. 4 часа утра. Всегда в какой-то момент нужно делать выбор. Это неизбежно. Человек восточной внешности немногим старше меня, стоит чуть справа и напротив. Он отличается от наседающих со всех сторон просто тем, что не орёт. «Едем?» — глянув в глаза, мысленно спрашиваю у него я. «Едем» — так же без слов, кивнув головой, отвечает он. Я меняю 50 долларов у навязчивых менял, мы грузим рюкзаки и садимся в автомобиль. «Зря ты разменял у них деньги. Тебя только что обманули». Так мы встретили Искандера.

Утро. Женщина в платке и ярком халате убирает посуду со стола внутреннего дворика нашего маленького частного отеля, приговаривая себе под нос свои женские размышления и замечания. У неё явно хорошее настроение. В просвете неба над нами синее величественный купол комплекса Гур-Эмир, находящего буквально за углом... Но и не важно, где ты... Жизнь — создана по кальке. Здесь, в этих закоулках восточного древнего города, в небоскрёбах Нью-Йорка, в джунглях Амазонии, в виллах Лазурного берега — мы все вынуждены оценить один и тот же набор чувственных переживаний и душевных стремлений. На голых ветвях щебечет маленькая птица. Яркое и тёплое весеннее солнце искрится на белоснежных пятнах запоздалого мартовского снега. У всех людей одни и те же проблемы, равно соответствующие масштабу личности. Я, ты, Пэрис Хилтон и Саддам. Различны только декорации. Мы все живём одинаковую по внутреннему содержанию жизнь.

На поднятую руку сразу же останавливается автомобиль. «А! Первый раз в Самарканде? Показать вам город?» Пара фраз, и мы садимся. «Ну что, рассказать вам что-нибудь?» И, не спеша, таксист начинает свои воспоминания: «Ну, расскажу историю... Был тут человек один. Я сразу его заметил, а среди всех таксистов он почему-то выбрал меня... Совсем уже немцем стал, но видно, что наш, что жил здесь когда-то. Так вот. Он рассказал, что, уезжая на ПМЖ в Германию, отколол кусочек мозаики на Шах-и-Зинда. На память. И 6 лет, шесть лет(!), его теперь преследуют несчастья. И постоянно снится мавзолей. Так вот, все несчастья свои он связывал с этим кусочком мозаики. И что? Сразу из аэропорта мы поехали туда, у него даже клей с собой был, и приклеили несчастливый кусочек плитки. Не знаю уж, в то же самое место, или как получилось. Прошло лет 5, наверное. И вот приезжал он в прошлом году. Наладилось всё, говорит. Прошли несчастья. Так и есть. Самарканд своего никому не отдаёт, это все знают... Ну что, поехали?»

Пророчества. Эта земля полна ими. Что это? Потусторонние силы, божественное провидение, материальность мысли или вовсе случайность? В пользу последнего свидетельствует тот простой факт, что предсказания вообще-то сбываются крайне редко. Но при этом многие события самими людьми принято обосновывать как исполнение пророчеств. В силу этого предсказание, которое выглядит истинным, но на самом деле таковым не является, может в значительной мере влиять на ход событий. Это многое объясняет. Но также неоспоримо и то, что во все века и времена люди хотят быть причастными к тайне... И чем более втайне считает себя человек неполноценным, тем это чувство сильнее.

С личностью и гробницей Тимура связано одно из известнейших пророчеств, известное как «проклятие Тамерлана». 16 июня 1941 г. группой советских учёных начались раскопки гробницы с целью идентификации содержимого, что могло стать (и потом стало) громкой научной сенсацией.

В какой-то день во время рабочего перерыва к члену экспедиции Малику Каюмову подошли три старика и спросили, участвует ли он в раскопках Тимура. Малик, тогда пошутил, сказав, что он в этом деле главный и без него ничего не могут сделать. Тогда они сказали: «Вы еще не открыли ее? Гробницу нельзя трогать». Каюмов удивился. «Если ее открыть — начнется война. Так в книге написано», — пояснили они и показали на старинную книгу. В школе Малик учил арабский и попросил дать книгу, чтобы самому убедиться. Действительно там так было написано: «Если открыть гробницу — начнется страшная война». Тогда он спустился к академику Семенову и писателю Садриддину Айни и пригласил их поговорить со стариками. Айни обиделся на стариков и прогнал их палками. Малик Каюмов говорил потом: «Я был молод, и у меня не хватило ни ума, ни опыта для того, чтобы снять этих стариков на пленку». Семенов же махнул на них рукой: «Ерунда!» После перерыва гробницу Тамерлана открыли. Останки (по характерным признакам) без сомнения принадлежали Великому эмиру. Ученые были рады. Об этой сенсации заговорил весь мир. Малик рассказывает, как на следующий день в гостинице они включили радио и слушали новости о своей экспедиции. Говорили на всех языках — на немецком, на французском, на испанском. Один из операторов немного знал английский. Он вдруг побледнел, и когда его спросили: «Что случилось?» Он сказал: «Началась война. Гитлер напал на Советский Союз...

То, что случилось потом, всем известно: Айни, Герасимов и Семёнов потратили немалые усилия, чтобы о проклятии стало известно товарищу Сталину. Хотя в те времена сама такая постановка вопроса была немалым риском для жизни. Каюмов, глубоко переживая и чувствуя свою вину за произошедшее, в июле записался добровольцем на фронт. Неизвестно почему, но Сталин поверил пророчеству. Облетев по периметру всю тогдашнюю линию фронта, останки Тимура Великого с высшими военными почестями были торжественно захоронены в Гур-Эмир, на прежнем месте. Было начало декабря 1941г. Наступление немцев захлебнулось... Началась долгая битва за Москву.

«Многие перестали Бога бояться, от этого много плохого» — говорит Искандер, — «Бог справедливый. Справедливость ведь, это главное в мире. То, на чём держится мир...» Его искренние убеждения, основывающиеся на ясном и простом фундаменте, вызывают у меня уважение. Простота и краткость — почти всегда равны истинности. И уж точно, всегда равны силе производимого действия. Поэтому я никогда не поверю в изящные логичные умственные построения, которые многие люди считают своими жизненными правилами. Заповедями. Кодексом. Их не может быть много. Стол лучше стоит на 3-х ногах, чем на 4-х.

Совсем скоро мы поймём, что стали друзьями. Случайны ли в таком случае эти случайные встречи? Разве не бывало такого, что в безликой толпе ты вдруг «узнаёшь» человека, безошибочно определяя, что с ним будет связана твоя последующая жизнь? Но и есть ли вообще тогда что-то, что мы получили неслучайно? Дружба... Когда-то давно мы с другом Андреем спорили, разговаривали и искали определения этому явлению весь вечер, когда старый наш университетский товарищ, Лео, вызванный нами на сей диспут, войдя в квартиру с двумя бутылками коньяка, удивился: «А что спорить-то? Дружба — это когда любишь человека. Не ища взаимности, и не за что-то... Просто любишь это создание и всё...»

Местная мудрость гласит: «кто не путает других, тот путается сам». Томный тёплый вечер. Мы сидим в шумном ночном баре и пьём водку. Искандер удовлетворённо улыбается рядом. По какой-то причине ко мне в баре относятся как к царю. Периодически к нам подсаживаются или приглашают в свои компании. «Что происходит?» — спрашиваю я. «Да пока курил, вон тот мордатый меня подколот — типа уж не зарабатываю ли я деньги досугом с бедными европейскими скитальцами. Так вот, я сказал, что с тобой только ради денег. И что ты вчера на дискотеке без проблем спустил 3 тысячи баксов. И что платишь очень хорошо. Теперь весь бар так думает, и об этом только и шепчется. Пусть облезут от зависти. Для них же деньги — это всё. Даже если он подгонит сейчас к крыльцу свой Лексус и наденет всё золото сразу, я знаю, что у тебя челюсть не отпадёт. Потому что тебе похеру. Пусть обосрётся. А потратить 3000 зелёных для него — вообще смерть. Даже на женщину. Облезет весь, но не сможет. Деньги для него — это слишком много». Я смеюсь. Вот же

лис. По всем лекалам Сунь-цзы мы владеем пространством, лишь только поменяв правила игры. Задав направление мыслей противника, таким образом, предугадываем их ход. И этим формируем ход событий. «Война — это путь обмана». О, подсел приезжий олигарх из Казахстана... В замкнутых человеческих сообществах, как и в живом мире дикой природы, внешние признаки статуса имеют огромное значение. В тему вспоминается расхожая русская пословица: «казах без понтов — беспонтовый казах». Хе-хе.

Сознание постепенно туманится. Окружающий шум клокочет и булькает, сливаясь в единую симфонию... Закрыв глаза, мне представилась вдруг забавная и страшная картина: теряя тапки и регалии, в мою сторону со всех ног бегут Вишну, Индра и ещё сонм каких-то других индусских небожителей. За ними, разинув пасть от земли до неба, на полном ходу несётся огромное чудище. Мада. Опынение.

Слово «мяда» значило в санскрите то же самое, что и название нашего славянского древнейшего алкогольного напитка — «мёд», т.е. опынение. Говорят, что мудрец Чьяванта, который и создал Маду, решив таким образом покарать богов, в результате обнаружил небесное царство совсем опустевшим. Тогда, сжалившись, он разделил своё чудовищное творение на 4 части и поместил их поровну — в хмельной напиток, в женщину, в азартную игру и в охоту. По-моему, очень мудрое решение... Теперь только те, которые попадают под власть всех четырёх соблазнов, погибают, сражённые Мадой. Так гласит легенда.

Утро. В голых ветвях деревьев уже всю поют птицы. На кромке асфальта греются в лучах яркого солнца продрогшие за ночь нахохленные воробьи. В переулке мальчишки играют в чилак. Седая древность камней, окружающая их, уже 3000 лет слышит эти же звуки. Кто обладает прошлым, тот обладает будущим... Самое время идти к Тамерлану.

Тамерлан похоронен в ногах своих учителей. От Гур-Эмир прямой линией цепь мавзолеев проходит ч-з весь Самарканд. Это великие суфийские шейхи Шамсаддин Кулял, Абу Бакр Тайбади, Бурхауддин Сагарджи и Шамсуддин Фахури. Краем этой линии является последнее прибежище великого Аль-Бухари в 12 км от города. Человек, посетивший эту линию в течении одного дня для ислама считаются совершившим хадж. В самом мавзолее возле Тамерлана покоится и некий суфий Саид Умар. Кто были эти люди? Каковы были их знания? Их непосредственный учитель, величайший известный суфий Бахауддин Накшбанди, определил однозначно: «Существует много учёных, не являющихся в действительности таковыми. Но в силу недостатка полноты знания, их принято считать учёными. Так в странах, где нет лошадей, лошадьми называют ослов...» Самарканд — столица суфизма. Здесь преподавали Накшбанди, Джамии и Руми. Таковым Самарканд был всегда, остаётся и поныне. Так мы с сыном совершили свой хадж.

Известно, что внук Тимура, Улугбек, обогатил мировую математику и астрономию. А что знал сам Тамерлан? «Книга суфия — это не чернота букв, а белизна души» — учил на этой земле великий Руми. Суфизм это «тарикат» — путь. Семь ступеней этого пути ведут к «хакикат» — подлинная реальность. Что мы знаем о подлинной реальности? Только глупец обладает счастьем уверенности в полноте собственного знания. Это заставляет задуматься.

«Справедливость» — без раздумий говорит Искандер. Современный ислам опирается на императив «справедливость». Это ключевое его понятие. И каждый, впервые произнёсший шахаду, уповает и рассчитывает именно на это. Однако, не так далеко на север отсюда, на значительной территории Евразии, всё ещё борется за право на существование такой же основополагающий и равнозначный принцип — всепрощения и раскаяния. А точнее — всепрощающей Любви. «Бог всё простит». В этой фразе слишком много всего — Любви, созерцательного отношения к миру, доброты и чувства причастности, чтобы это мироощущение так просто кануло в лету. Прощение, как неправомочность земного суда.

Тарикат суфия включает как терпение, так и любовь. Это мне ближе. «Всепрощающая любовь» —

говорю я. «Прекрасно, когда человек способен открыть в себе любовь к добрым людям...» — вторит мне из глубин древности седой Накшбанди — «...но он уже у цели, если смог полюбить даже ничтожных».

«Молодой человек, а вы знаете, что в традиции суфизма признавалось чудом?» — вопрошает меня старый служащий музея. «Это 3 вещи: Шестое чувство. Способность к перемещению физического тела любой массы. Реальное и мгновенное восприятие действительности». Ого! Последнее в списке действительно является чудом. Хотя мы и редко это понимаем... Всего остального наука уже добилась... Я сижу на холодной ступени в шаркающей тишине усыпальницы великого завоевателя. Могу ли его о чём-либо спросить? Конечно, могу. Мёртвые говорят, и ещё как. Казалось бы нет. А почему? Потому что мертвы? А чем мы говорим? Языком, словом? О! Ведь говорят только дела, всё остальное — звуки. В мраке подсознания узловатой каллиграфической вязью проявляются слова великого суфия: «Тот, кто нуждается в мудрости, часто считает, что нуждается в информации, тот, кто обладает информацией, часто полагает, что обладает мудростью, тот же, кто обладает мудростью, становится свободным от необходимости в информации». Гулкая тишина подсознания. Ощущение капли, упавшей в вечность. Полёт частицы над бездной. Я всё понял. Озарение — это место + время + понимание...

Мы стоим возле мечети Ходжа Зиёмурод. «Тимур, иди загадай желание, и если желаешь его сильно-сильно, оно обязательно сбудется!» — кричу я. Я и без всяких чудес знаю, что если ты до бессилия желаешь чего-либо, думаешь об этом — судьба обязательно пошлёт тебе решение. Помню, как несколько лет назад, сидящий в моей кухне друг Данила возбуждённо объяснял:

«Ну это вообще чудо! Как религия какая-то! Реально сбывается! Понимаешь, несколько месяцев думал над этим, но ничего не решил. Накануне доставки ожидание стало невыносимым. Решения нет. Стою с Сашей перед цехом и думаю о неизбежности конца. Окликнул некий человек. Оказывается, Сашин знакомый, заехал на озеро карпов покормить, тут нас увидел, «как дела там... о том, о чём.. а чего грустим? А? Ну ладно, хочешь, я завтра приеду, порешаю». Женя, я не поверил, но на следующий день приехал этот чувак, привёз всё что надо и уехал. И как это, Женя, называется? Да разве у тебя такого не бывало? Вспомни! А как ты сам первый бус привёз, ты хоть сам помнишь? Кто тебе тогда всё сделал, если только не Бог? А как ты без солярки по Германии 600 км протянул? Помнишь? А ещё не замечал, что если очень боишься, что гаишник остановит, он остановит обязательно? Ну, Женя! Вдумайся! МЫСЛЬ МАТЕРИАЛЬНА. В этом и есть сущность молитвы»

Ходжа Зиёмурод... Говорят, Тамерлан перенёс сюда мощи Джирджис — христианского святого Георгия, и захоронил их возле мечети. В советское время предполагаемое место захоронения святого снесли. Согласно поверию, молитва в мечети приводит к быстрому исполнению благих желаний. Отсюда и её название, означающее в переводе «быстрое исполнение желаний». Тимур увлечённо пинает гальку, с радостью отскакивая от возникающих столбцов пыли... Я же загадал наибольшее, что позволено человеку за жизнь. «Найти».

«Жень, тут ходжа говорит, что ты что-то загадал, и он мог бы тебе помочь» — говорит Искандер. В арке прохода мечети за его спиной стоял старик в огромном тюрбане...

«Помощь является помощью, пока бескорыстна» — туманно отвечаю я.

«Старик говорит, не в этом вопрос... Ему интересно, что у тебя в руках... Можешь ли объяснить?» — спрашивает Искандер, имея ввиду шерстяной клубок, который я перебрасываю в руках, сидя на деревянной лавке напротив молельни.

«Что тут объяснять? Просто шерсть. Моток пряжи, который имеет значение только для меня. Мне его подарили. Теперь сопровождает в путешествиях. Будто по своей воле, превращаясь иногда в нечто другое. Что-то вроде личной приметы. Я давно уже отношусь к нему как к талисману. Это как в русских сказках: «..бросил клубок Иванушка, и повёл его клубок в тридевятое царство...» Слыхал, наверное?»

«Нуу... Забавно.. Аксакал-ака говорит, что видимо ты болтаешься по миру в поисках мудрости престарелых суфиев, но если посмотреть на слова, то уже держишь в руках суфи — это дословно и

значит «шерсть», но не знаешь как его применить, поэтому и сидишь перед масжиди... Но, с другой стороны, само слово «аль-суфи» и означает процесс постижения суфи как «человека, сидящего на лавке». И хотя на лавке ты уже сидишь, не понимая правда, чем обладаешь, чтоб понять, тебе нужно найти свой тарикат, т.е. путь. При этом ты пришёл издалека, а значит уже находишься в пути, потому что любой путь — это всё таки путь. Однако тебе не хватает мудрости, чтоб увидеть его. А мудрость, он говорит, у вас, христиан, называлась «софия», а здесь, на Востоке, звучит как «суфи», потому что это оно и есть. Всё это есть одно, он говорит, просто сразу этого не видно... Такая вот математика. Тут уж сам разбирайся, хаха...»

«Ака говорит, чтоб ты не расстраивался от того, что у тебя ничего нет, при том что есть всё. Говорит, что всё равно это одно и то же. Он говорит, «всё» это и есть «ничто». Наверное, это нужно понять...»

«Это слишком сложно для меня. Наверяд ли мне эта информация может помочь» — заключаю я. «Но этот моток я без сожаления могу пожертвовать ему...»

Шерсть. Путь. Слепота. Мудрость. Сидящий на скамье человек... Ничто.

Чистота. Пустота. Ничто... Не этим ли манит меня моё Озеро? Где оно? Сброшу ли я когда-нибудь свой камень? Так ли уж оно необходимо? Что я в нём найду? Что даёт нам избавление от прошлого? Ведь без осознания всех своих ошибок лишаешься не только жёсткого панциря своего жизненного опыта, но уверенности в правоте поступков. А сомнение стоит очень дорого... Но и в прошлом много прекрасного... Я смотрю на Тимура. Счастливая беспечность. Вот уж точно как книга суфия — белизна души. Чистый лист. Табула раса. Никаких горьких правил, но и в силу этого — никаких ограничений на полёт фантазии. Он ведь может мечтать вообще о чём угодно! Никаких ограничений. Отсутствие опыта делает возможным и отсутствие рамок. В этом определённо есть мечта — стать как чистый лист и начертать на нём недозволенное разуму... Да.

«Спасибо, говорит, но тебе не нужна информация, а свою шерсть подаришь другому... Догадывается, наверное, что с тебя состричь нечего, ахаха! В общем, говорит, чтоб мы спросили у святого Даниила, там тебе послание... Только ты сильно не мечтай, может, он так имеет ввиду, что разговор закончен. С этими святыми людьми непонятно — слово скажет, то ли похвалил, то ли обидел...»

Большинство людей когда-либо прекращают мечтать. Наверное, этого момента и наступает старение человека. Движение в рамках условно очерченных границ, стимулируемое лишь необходимостью. Без попыток превозмочь.

Ходжа Данияр — мавзолеем пророка Даниила. Пятикупольное здание в красивом месте на окраине Самарканда, с длиннющим, почти 20-метровым надгробием. Считается, что мощи библейского святого растут, поэтому надгробие со средневековых времён постепенно увеличивают. Их поместил здесь Тамерлан, перенеся из Ближнего Востока в 14-м веке, оставив часть их и в первичном захоронении. Видимо, тогда, когда и возникли споры — какое из захоронений является более священным, правитель постановил увеличивать размер гробницы, внедрив легенду о росте мощей. Так мазар стал неоспоримым.

«Аксакал сказал, что надо посетить это место. Вы ж христиане. Без них твой хадж будет неполным» — говорит Искандер. «Может что-нибудь у него попросить? Наверяд ли пророк откажет. Христиане здесь не каждый день. Вот видишь эту акацию? Говорят, ей лет семьсот. Так вот, пять лет назад сюда приезжал ваш русский главный имам, Алексей II, молился здесь, и акация зацвела. Святое место».

Кроме нас из посетителей присутствуют одна узбекская семья и явно русский бородач с молодым сопровождающим.

«Здравствуйте! Туристы?» — здороваюсь я с ними.

«Все мы странники божьи. И вам здоровья» — ответил человек.

«Вы наверное, священник. Простите, если помешал» — догадываюсь я.

«Нет, что вы, не помешали. Я действительно настоятель. Мы из Ташкента. Просто люблю это место. Все мы у одного водопоя, все здесь равны. Но кто-то уже напился, а вы выглядите жаждущим. Ищите ответы на вечные вопросы?»

«Вечные вопросы на то и вечные...» — мягко отвечаю я. «Но мудрость никогда не помешает».

«Ах, молодой человек... Многие ищут мудрости, полагая её за ум. Но мудрость человеку могут открыть только 3 сестры — Вера, Любовь, Надежда. Они как три проявления своей матери, Софии... Тот, кто их не познал, не увидит и мудрости. Никогда».

Неожиданный подход. Поверить ли настоятелю? Или есть другой путь? Люблю ли я? Надеюсь ли? Верю? Острые вопросы зашевелились в душе...

«Спасибо, отец».

«Бог в помощь» — улыбнулся отец Григорий.

На древней акации совсем мало ленточек, которые принято по всей Азии повязывать на перевалах и в священных местах. Древний обычай, символизирующий жертву — дань в виде кусочка одежды, оставляемую богам. Среди нескольких ленточек трепещет на ветру и маленький скомканный кусочек бумаги, застрявший в ветвях.

Беру его в руки и усмехаюсь... Надо же... На одной стороне крупным шрифтом написано ОЗЕРО. Явно заглавие статьи, продолженное уже не читаемой палочкой — это может быть любая из букв типа Н, П, Ю, Р или других... На обратной стороне — вовсе абракадабра: « — Кхоламан, Камбар, Хайбат, Пудина, Панир, Зульфикар». Дальше строка обрывается.

Верхняя часть страницы, гляцевая бумага — явно какой-то популярный журнал на русском языке, типа «Вокруг Света». Какие-то географические названия? Мусульманские термины?

«Можешь понять, про что здесь написано?» — спрашиваю Искандера.

«Непонятно. Похоже на имена... Но если ты считаешь, что этот обрывок к тебе попал не просто так, ты должен всё выяснить».

«Ха! Должен? Да это ж просто ничто! Какое это послание? Несколько букв на кириллице! Даже совпадением нельзя назвать»

«Зря ты так. Священное место. Именно должен»

На всякий случай я разворачиваю обрывок и кладу между купюр в кошелек...

Там, откуда я приехал, где серые башни городов упираются в серое небо, сейчас кипит и движется в водовороте автомобильных гудков жизнь. Она кипит всегда. Уникальная форма биологического и материального существования, разделённая на тысячи отдельных жизней. В каждой из которых некто абсолютно одинок... И в этом котле бежит и барахтается некий самоосознаваемый одинокий «я», пытаюсь получить то, без чего существование в этом ареале невыносимо. Пытаюсь иметь доход, статус, работу, жильё. Пытаюсь иметь будущее.

«Смотри...» — говорю я Тимуру — «...Ты видишь этих людей? Их тысячи. Видишь, они едут в машинах, садятся в маршрутки, спешат по своим делам, пытаюсь устроить свою жизнь... Видишь? А сейчас пойми, Тимур, пойми навсегда — почти никто из них не является хозяином собственной жизни. Почти никто. Либо им СКАЗАЛИ что делать, либо им НАДО. Т.е. они либо ВЫНУЖДЕННЫ, либо ДОЛЖНЫ. Это нужно понять. Учись выбирать сам что именно тебе делать. Именно ты»

Иметь доход, статус, работу, жильё. Иметь собственное будущее. Иметь жизнь... Но жизнь имеет тебя.

«Ты движешься туда, куда стремился Искандер?» — спрашивает Искандер. Он имеет в виду, конечно, Македонского. «Именно. И не только» — отвечаю я. Этот путь начался не вчера. Мне необходимо найти то, к чему стремились все великие завоеватели. Неужели только к власти? Не могу в это поверить... Совсем недавно, далеко в глубине Ирана, попиная камни на грандиозных руинах древнего Персеполя, мы сидели на ступенях мавзолея другого великого воителя — Кира. Того, который создал огромную Персидскую Империю, того, которого почитают евреи за то, что он освободил их предков из вавилонского плена. Кроме Александра Македонского позже здесь зачем-

то мечтали побывать Наполеон и Гитлер. Но, к счастью, не дошли. «Присядь» — попросил я. Тимур сел, и я рассказал ему, как точно таким же солнечным январским днём 2342 года назад здесь сидел в задумчивости великий Александр. И размышлял Александр только об одном — сравнился ли он в славе с Киrom Великим... Именно это и было его действительной целью, его смыслом жизни. Александр был слишком ревнив к славе... «Пап, а почему он разрушил Персеполь? Ведь ты говоришь, что он сделал его своей столицей...» «Из зависти, сын. Из зависти к величию, созданному другими. К тому, что было для него слишком недоступным»

Мы не можем обладать статусом. Статус обладает тобой.

Где моё Озеро Забвений? Далеко ли? Хватит ли жизни и воли мне, земному и маленькому, до него дойти..? «Не, Жень, был ли ты дальше? Ты был у самого края, до которого смог дойти Александр?» — снова спрашивает Искандер. «Здесь недалеко древняя Александрия Бактрийская. А рядом с ней Искандеркуль — озеро Александра»

Большой путь всегда начинается с первого шага. Мы выходим на шоссе и я поднимаю руку... Воспоминания уносят меня далеко в 94й-96й, когда я только закончил «восемилетку» и перевёлся в другую школу в соседнем колхозе, до неё от моего дома было ровно 10 км, о чём говорили километровые столбы. Так вот, после окончания уроков было обычно 2.5 часа до автобуса, и поэтому, я с одноклассником выходил на асфальт за посёлок и поднимал руку. Так было день за днём, но вот, однажды, остановившийся человек, видя, как я наскрёб в кулачок монет, ухмыльнулся: «только не надо денег, я не потому тебя подвёз, но могу рассказать, почему...» И начал рассказ: «...да, было очень досадно, что тормозят далеко не все. Времена были небогатые и обычно мы оставляли водителю стоимость проезда по тарифу автобуса... Как и ты сейчас... Но знаешь, очень много людей улыбались и отказывались. Хотя мы все были тогда очень бедны. И я тогда пообещал себе: когда-нибудь у меня будет своя машина, и я буду подвозить таких школьников. И только бесплатно. А машина — это было нечто несбыточное. У моего отца, например, не было. Такие вот дела, парень. Так что заberi свои монеты. И — можешь мечтать. О чём хочешь, всё сбывается...»

Я тогда задумался... Только это ещё и не вся история... Однажды одноклассника не было рядом, т.к. он всё чаще предпочитал ждать автобуса, я вышел один на пустой асфальт и подумал: «почему я должен просить?». Развернулся, постоял, и ... побежал. Не спеша, монотонно. К дому я добрался почти одновременно с автобусом, но навсегда в душу запал какой-то особенный кайф. Монотонность. Движение к цели. Анабиоз, в котором ты оказываешься наедине со своими мыслями. Всё мироздание в бездне подсознания неспешно вело со мной беседу. День за днём. Шаг за шагом. И в последующие дни я уже выходил со школы, снимал свитер, укладывал плотнее портфель (это сейчас у вас рюкзаки), шнуровался поплотнее... И бежал... Только спустя годы я понял, что это было. Да, я пробежал эти 10 км ровно за 40 мин, что потом сослужило мне службу в университете. Да, ничего больше не ждал и никогда не просил. Но главное не это. Я бежал к себе... Да, к себе... Всё, что нам дано в этой жизни мы оцениваем не слишком объективно. Есть различные причины, законы и следствия. Есть обстоятельства, возможности и время. Но на самом деле можно сделать так, что всё это перестаёт иметь значение. Можно стать над судьбой. Но чтобы достичь этого, стать выше возможностей и закономерностей, не принимать больше в расчёт обстоятельства, ты должен понять: большинству людей не хватает только одного — ВСЕГДА ИДТИ ДО КОНЦА.

Или обстоятельства имеют тебя...

«...хода зият куунат...ээээ... навруз мубарак дустони азиз!» — торжественно закончил свою речь Великое Солнце Товарищ Господин Президент, и в ДИНАМИКИ ПОДАЛИ ШУМ аплодисментов, которые тотчас с овациями подхватила многотысячная толпа стадиона.

«Ага... Буса кун маро, дуст», — подумал я, — «Сталину-то, руку приходилось поднимать, чтоб притормаживать овации, а тут у тебя обмельчал народ, под фонограмму только...»

«Зан, сабака» — мысленно отшил меня Господин Президент...

Что тут можно сказать? Март, местный Новый год, Навруз то есть. Таджикистан, Душанбе. Мы только что протиснулись сквозь милицейский кордон, где нас тормознули: «Билет! Пригласительный билет? Ооо, Россия!? Ээээ, гости, заходи так, откуда у гостя билет..» На трибуне — дорогие гости — президент Афганистана, президент Пакистана, и сам Великое Солнце Товарищ Господин Президент Эмомали Рахмон, который вот и закончил поздравительной речью. Народ аплодирует, и если спросить любого «как тебе живётся, дуст?», то мы услышим длинную череду прилагательных, которые искренне подведут черту «тяжеловато, но хорошо, потому что такой хороший президент». Над столицей реет огромный флаг республики — 165м. И был бы самый высокий в мире, ведь переплюнули Баку — 160м, да вот подлец Бердымухамедов в Ашхабаде вонзил в этом году 170. Ветра нет. «Не стоит» — философски замечает милиционер. Ага.

Чужое мнение имеет тебя...

Что интересно, здесь, в Средней Азии, я ни разу не услышал от кого-либо сетований на то, что местный лидер, пользующийся абсолютной властью, может занимать свой высший пост 15, 20 лет, а то и до гробовой доски. «А что? А зачем менять? Если каждые 5 лет власть менять будут, то только плохо будет. Этот не построит, другой заново что-то строить начнёт и опять не построит...» Для нас это звучит несколько странно.

Во все времена мы, люди, любим порассуждать о свободе, не задумываясь, однако, о глубине этого понятия. Обычно мы понимаем этот термин в крайне вульгарном восприятии — т.е. «делать, что хочу». И редко кто из нас задумывался о том, что этот аспект — свобода действия, свобода воли — прямо пропорционально сопряжён с большей ответственностью. Чем больше волен, тем глубже отвечаешь за свои действия. А бремя это тяжело. Также редко мы задумываемся — насколько это коррелирует с счастьем. А счастлив человек — лишь когда он беспечен, когда ни за что не отвечает. Таким образом, чтоб стать счастливым, человек часто стремится добровольно подчинить свою волю чему-то более высокому. И этим самым — делегировать ответственность. Так вот. Счастье человека — в полной свободе от ответственности. Да, ещё раз задумаемся, счастье — в полной свободе от ответственности! И вдруг мы понимаем: счастье — возможно только в рабстве. Религия — как пример добровольного подчинения своей воли и делегирования последствий — наивысший тому пример.

Всё, чем ты обладаешь, обладает тобой.

Что можно сказать о тебе, Таджикистан? Край щедрый и бедный, красивый и убогий одновременно. Древний. И так: по-русски говорят все/ принимают хорошо/ живут в полной жопе/ инфраструктура, однако, присутствует/ абсолютно безопасно/ общественное устройство — тотальная диктатура/ девушки — действительно в сарафанах/ всё свежее и вкусное/ недорогое/ совковые приколы процветают/ с Узбекистаном в состоянии холодной войны/ столица красуется, всё остальное — во тьме/ дорог нет/ в России на заработках вовсе не половина населения, как говорят злые языки, а 3 млн из 7/ общественного транспорта нет/ водку пьют много и охотно/ все нищие, 5% — богачи/ никакого исламизма/ торговаться не любят, и не жмоты/ дурь вовсе не на каждом шагу/ мужики — хорошие мужики/ люди отзывчивы-гостеприимны-бескорыстны/ женская половина — так-сяк, но попадаются тААКие красавицы оо/ ..конечно можно знакомиться, кто это вообще спросил..?

Мы стоим на берегу исключительно красивого озера. Искандеркуль — «озеро Александра». Не очень большое, многоцветное, стиснутое обрывистыми скалами, с густым перелеском с нашей стороны, и абсолютно обнажённое с противоположной. На правом краю озера ворошится большая колония каких-то птиц... «Уходим» — даже не подойдя к воде, говорю я Тимуру. Красиво, конечно, но это не моё озеро. Нам ещё искать и искать. Видимо, книга моей жизни пишется шагами.

Путь определяет тебя.

Воспоминания уносят меня далеко в прошлое...

Я бежал. Бежал изо всех сил, забывая иногда о том, что нужно дышать и, снова спохватываясь, продолжал свой бег. Это была опасность. Ужас и страх овладели тогда моим сердцем и вселили силу в мои ноги. Я бежал. Время перестало иметь значение и разделилось на 2 или 3 реальности, сосуществовавшие одновременно. И в одной из этих реальностей я, будто в замедленном кино, взмахивая плечами, вворачивал в тёмный переулок улицы Хмельницкого родного города, преследуемый тремя спортивного вида молодчиками. В то же время в моём сознании безмятежно всплывали и исчезали мельчайшие подробности мельчайших событий моей жизни. Ничего не значащие факты вдруг возникали в моём воображении, а иногда и задерживались, будто настаивая, чтоб я получше их рассмотрел... Мерный топот шагов нарушался лишь глубоким и мягким ударом собственного сердца. В это же время каждой клеткой своего тела я ощущал страх. Ребята, гнавшие за мной, были очень сильны. Только что я понял это — по повороту плеч, по осанке, по их скрученным борцовским ушам. Но самое главное — по их деловитой готовности убрать меня, как только они поняли, что я в этом мире лишний для них. Ужас, близкий к раболепию, кинжалом вонзился мне в сердце. Оцепенение. Паника. Предательское безволие. Попытка собраться мыслями. Вспышка. Бег.

Страх, и только страх, может заставить нас действовать по-настоящему. И ничего больше. И никак иначе. Только пронзительная молния страха избавляет нас от всех оков.

«...Не знаю, как у вас, христиан, Бог-то вроде един, но как будто вас там Святой Пётр у ворот рая, а у нас после смерти для того чтобы определиться кого — в рай, кого — в ад, я попаду прямоком на встречу с Богом» — говорит Искандер. «И Бог задаст мне всего лишь 2 вопроса... Первый будет звучать так: был ли ты счастлив, сын мой?

И я расскажу ему о своих моментах, за которые боролся и к которым дошёл, а которые были мне и вовсе подарены Им просто так.

Я расскажу... И лишь после этого Господь спросит: а что было людям от твоего счастья?

И тогда Ему станет всё ясно...»

Счастье. Что это и есть ли оно вообще? Тысячи людей сейчас сходу могут дать определение этому явлению. Но все эти определения будут различны. Суть же счастья в том, что оно невозможно какое бы то ни было продолжительное время. В этом драма человеческой личности. И это не связано с различным восприятием людьми самого этого понятия. Это связано лишь с тем, что людям всегда мало. Чего-то достигнув, человек тут же начинает желать большего.

Желание большего обладает тобой целиком...

Молодой водитель, Хабиб, везёт нас на старом «Жигуле» из Пянджикента — древней Александрии Бактрийской. Остановившись у придорожного ларька, он удаляется внутрь. Возвращается уже не один, а с мужчиной, несущим ведро бензина и несколько пластиковых бутылок. Вставляет воронку, рассчитывается, и нас заправляют. Такой здесь сервис. «Я вот верю, что надо мной Аллах...» — бросив глаза к синему небу, начинает разговор Хабиб, и, не услышав нашего ответа, ненадолго замолкает... «И астероид Гектор» — с улыбкой думаю я. Астероид Гектор — космическое тело в кольце астероидов, отличающееся аномальным изменением альбедо — коэффициента отражающей способности. Учёные случайно установили, что Гектор меняет свой блеск с идеальной периодичностью в семь часов. Для объяснения этого явления была просчитана возможная форма астероида. Оказалось, что такая периодичность возможна только для тела имеющего форму цилиндра длиной 110 километров и диаметром 20 километров. Искусственный он или чудо природы? Загадка... Знает ли об этом Хабиб? Тем не менее, Хабиб продолжает: «...Сначала они помогали. Жену привели к исполнению сунна и ваджиб, продуктов подкидывали, давали поручения некоторые. Но потом они стали нам показывать — видишь, тот человек плохой, у него не чистый ислам. Потом — тот плохой, этот плохой... Что это за «чистый ислам», если они ненависть воспитывают? Я говорю — не хочу больше быть ваххабитом, а таклиф и сам чисто исполню. Я Аллаха боюсь, а не людей, пусть Всевышний за мной и смотрит!». «И астероид Гектор» — добавляю я...

Тайное подчиняет нас.

«Слушай, Хабиб, не мог бы ты нам пояснить, что здесь написано? Может, это имеет отношение к исламу? Ты бы в этом разобрался...» — я протягиваю ему обрывок бумажки. «Холаман, Камбар, Хайбат, Пудина, Панир, Зульфикар».

«Да, однозначно имеет. Зульфикар — это меч пророка Муххамеда, знаменитый в древности. Он достался ему как трофеей после взятия Мекки. А Камбар — это конюх имама Али. Но остальные слова мне непонятны. Может, имена, а может, молитва на памирском, или каком-нибудь другом наречии...»

«Ого, уже спасибо! А как бы узнать значение всей фразы?»

«А ты повторяй про себя и Аллах услышит... Что смеёшься, я серьёзно говорю! Аллах всё слышит! А двери открывают тому, кто стучится...»

Над проспектом Рудаки шуршат ветвями плешивые чинары. «Пап, Тебе это не напоминает Исфахан? Где мы тогда встретили Хамеда?» Блин, действительно напоминает. Широкою такую улицу, которая выходит напрямиком на «Мост 33» — самый живописный из всех мостов Исфахана. Тогда было очень радостно услышать крик вездесущего Тимура: «эй, Хамед! Привет! А что ты здесь делаешь?» Случайная встреча в Исфахане. До этого — случайная встреча в салоне самолёта рейса «Минск-Тегеран». Даже, вернее, мой лихорадочно вопиющий взгляд, ищущий помощи и, может быть, контакта, хоть кого-нибудь из добродушных иранцев, имеющих возможность помочь мне советом и языком. Мне, летевшему в неизвестный Иран абсолютно наобум. Случайная встреча, затянувшаяся на всю жизнь. Не закономерно ли всё это? Может быть, всё произошедшее в нашей жизни оставляет след? След, который влияет на нас всё последующее время, замечаем мы это или нет...

Высокие чинары и проходящие мимо люди под светом фонарей оставляют на асфальте чётко очерченный контур. Слово, событие, а тем более совершенное действие или случайная встреча — всё в этом мире имеет свою тень.

Случай управляет тобой.

Вне обладания привычными предметами, называемыми «средой» и галлюцинациями нашего мозга, называемыми «объективным восприятием», человек оказывается одиноким. Наше воспалённое сознание начинает искать решение максимально близко и находит его — в собственном порождении себя (в среде, и как кажется, в объективном, на самом деле субъективном, восприятии). То есть в том, что есть порождение ЕГО. Эго. Так мы становимся зависимыми. Так и у нас самих появляется тень. Мы даже настаиваем на том, что существование тени — объективная реальность и не пробуем воспользоваться бесконечным множеством источников света. Однако тень — не причина, а следствие. Череду наших поступков, решений (которые в каждый конкретный момент являются целесообразными, правильными) и частного выбора — в какой-то момент начинают входить в противоречие с неумолимой реальностью. И: если мы не имеем альтернативы данному источнику света, мы начинаем находить обоснования и аксиомы, оправдывающие целесообразность его существования.

Это и есть — чувство «Я для чего-то», «Я не просто так в этом мире». Мы все жили или живём в этой тени.

То, что не существует, владеет тобой.

Слово «таджик» в русском языке уже превратилось в синоним слова «гастарбайтер». Таджикистан стоит на грани. Поступления валюты в республику — переводы из России, наркотрафик, 2 завода (алюминиевый и цементный) и небольшой экспорт электроэнергии в Афган и Пакистан. Из 7 млн населения — в России работает 3 млн. Т.е., казалось бы, все мужчины? Ну, не все пока что... Одиозный Эмомали Рахмон претендует на несоразмерно большую роль в регионе, нежели может себе это позволить. Из этой серии — саммит по проблемам Центральной Азии. Карзай, Ахмадинежад, Асиф Зарда-

ри (президенты Ирана, Афгана, Пакистана), Рахмон, и посол США — представительное сообщество. Телек отеля, транслирующий 7 каналов, на всех из них показывает все эти бесконечные заседания, перемежаемые выпусками новостей, рассказывающими о них же, но более кратко и ярко. «Развитие», «новшества», «прорыв», «необходимость» — все эти громкие слова часто слетают с уст онемевших дикторов. Хозяйственные события показаны тоже разнообразно — «Господин Сияющее Солнце Президент Таджикистана посетил совхоз...», «проинспектировал автовокзал...», «поздравил ветеранов...» Слова, слова... Все пышные слова здесь звучат как барабан — вроде громко, но внутри пусто...

«Пап, а здесь разве не показывают мультики?» — спрашивает Тимур.

«Это и есть один большой мультик, сын...»

Подмена правды окружает тебя всегда. Потому что ты сам принадлежишь ей.

Переключаемся. Слушаем Ахмадинежада... Это тоже мульт-герой, но всё-таки искренний. Иностранцы президенты встретили Новый, 1391 по персидскому календарю, год, не дома с водкой и халяльным салом, а в командировке, на переговорах. Т.е. решали проблемы. У кого — как, не знаю, но у Таджикистана проблем — валом. Единственное секретное оружие, которым обладает Рахмон — у него очень много таджиков.

Таджикские женщины ходят в национальных костюмах, а мужчины — в обычной, европейской, одежде, иногда прибавляя тубетейку. Душанбе, площадь Самани, суббота... Дети носятся стайками под окрики матерей и милиционеров. Люди прогуливаются, иногда делая фото на фоне местных достопримечательностей. Цветастое гуляние создаёт некое праздное настроение. Обычный выходной день. Как и все другие диктаторы, президент этой страны украсил центр столицы пышными фонтанами, знаковыми скульптурами и зданиями, а также красивой растительностью. За пределами этих трёх квадратных километров, как и тысячи лет назад, нет электричества, ослик вращает колесо водочки, а женщины замешивают тесто, чтоб испечь хлеб. Вечереет. Повсюду звучит русская речь.

«А почему вы, таджики, говорите сейчас на русском?» — не выдерживая, спрашиваю я у соседней молодой компании.

«Я русскоязычный, а остальные, чтоб мне удобно было...» — говорит бенгальского вида паренёк.

«А. Ясно»

«А вы из Москвы?» — следует вопрос.

«Нет».

«Это хорошо» — замечает «русскоязычный». Ха! Уже и здесь «москву» считают отдельной народностью... Действительно, «это хорошо». «Но Москва — богатый город» — непонятно к чему добавляет паренёк... Да уж.

«А в Таджикистане ведь мало озёр, только горы?» — не в тему спрашиваю я.

«Да, немного. Рассказать? Самое большое — Каракуль, ну Вы слышали, наверное. Ещё порода овец так называется. Оно мёртвое, правда, и далеко — почти на китайской границе. Сарезское озеро тоже большое и красивое, но проклятое... Это 100 лет назад ливни наполнили котловину небольшого озера и прорвали перемычку, разлившись по долине. Много народу тогда погибло. Целые кишлаки залило... Там же, на Памире есть интересное озеро Рангкуль. Там рядом древние курганы скифов. И заповедник. Потому что на озере колония диких гусей, это редкость у нас. А в Фанских горах были? Озеро Искандеркуль? А, были уже..? Красиво там, конечно... Ещё на Памире есть Зоркуль — говорят, священное оно... На афганской границе находится, далеко очень. Но вам до него не добраться»

Предрассудки владеют тобой...

Если внимательно посмотреть, то вся наша жизнь и состоит из того, что в нужное время и в нужном месте судьба посылает нам человека. И нужно быть к этому очень внимательным. Моя жизнь изменилась, когда обыденный случай свёл меня с бомжом Валерой, имеющим странное прозвище «Вера». Может, это была его фамилия..? В нашем ничего не значащем диалоге Вера вдруг сказал

мне: «Человек приходит в этот мир, чтоб что-то понять...» Это прозвучало неожиданным откровением в неожиданной обстановке и именно поэтому оставило такую глубокую печать. А через год или полтора я видел его уже совсем опустившимся. «Валера! Вера!» — крикнул я. И помню лишь только взгляд его, пытающегося избежать меня, полный бессилия, отчаяния, даже вины... А я ведь хотел лишь дать ему понять, что признателен, и, если надо, помочь... Это лишь один из череды примеров. Мир полон таких, твоих личных пророков, и в этом нет никакой мистики или религии. Просто откройте глаза и уши. Мы слишком ослеплены сиянием своего Эго. И часто видим ТОЛЬКО СВОЮ тень. Всё вокруг хочет нам что-то сказать... Конечно, наисчастливейший вариант — искать свой условно-бесконечный-опосредованно-вездесущий источник света (ради исчезновения личной тени)... Но первый шаг — разбить эту назойливую лампочку...

Те люди, наши личные пророки, которых нам посылает судьба для того чтобы мы прозрели, не всегда оказываются желанной встречей... Я помню как бежал... Бежал. Годы, вечности, а, может, и секунды проносились мимо, а я бежал. Я слышал, а может, просто ощущал кожей, как трое моих преследователей вытянулись в цепь друг за другом со значительным промежутком. Поворачивая в очередной поворот или перепрыгивая очередное препятствие, нарушающее ритм, я точно просчитывал, кто из них и где находится. И хотя был всей душой где-то впереди, где надеялся обрести свободу, я был одновременно и всеми органами чувств сзади, среди этих ребят, слушая, впитывая и осезая каждый их выдох. Но точно-точно — посередине меня не было. Меня не было. Я боялся. Боялся так сильно, что не помню, чтоб в тот момент ощущал себя. Меня не было вообще. Я себя забыл. Не чувствовал себя. Моя жизнь, личность, были целью, а, значит, были впереди — может, ждали меня, а, может, также бежали впереди меня без оглядки... А настоящее — зависело только от того, что бежало сзади. Но того, что посередине — меня — не существовало.

Мы не имеем будущего, а прошлое всегда уже прошло. И поэтому мы привыкли считать, что обладаем настоящим. Однако это не так...

Настоящее обладает нами. А не мы им.

Мы попадаем и в такие места, где вход для плебса закрыт — но милиция или служители вежливо пропускают русского — на правах гостя. Где требуется приглашение/рекомендация/где только для «своих» — тоже, лишь в нагрузку приставляют человека, чтоб гость не нагрешил по незнанию, да не увидел лишнего... «Чтоб понять, как поёт птица, тебе же не обязательно трогать её руками?» — спрашивает мой провожатый, Мирзо. «Молчание равно понимаю», отвечаю я. Мирзо молча кивает. Доволен.

Вообще к русским — отношение осторожно-уважительное и при этом гостеприимное. Т.е. даже если чуть-чуть переступаете черту (ну, в баре, например, поднажрался и клеил чужих молодух) — это, скорее всего, простят. Однако я старался так и не делать, ведь зачем мне унижительное снисхождение? «Извините, что мы с Вашими лётчиками так...» — говорят многие. Какие лётчики? Я и не знаю, о чём речь... Дорогу всегда покажут, помогут. «Ме^мун» — несётся пароль впереди тебя. Гость, значит. И это действительно здесь что-то значит. И вдруг осознаёшь, как в нашей действительности многие понятия стали просто словами, несущими различное содержание. А в консервативных культурах наоборот, сказанное слово вызывает в сознании полновесный образ, не подвергающийся интерпретации. Если гость — значит гость, если отец — то отец, если сказал «сделаю» — значит, сделаешь.

Заблуждения владеют тобой.

Озеро Забвений. Где оно? Если поверить обрывку бумаги, лежащему в кошельке, то нам пора снова двигаться в земли шиитов — только там культ халифа Али достаточно высок, сунниты же не придают этой фигуре сакрального значения. Шиитский Иран с Тимуром мы уже протопали, ничего не найдя, но есть и Памир, не так давно покорённый мечом пророка Мухаммеда, где живут исмаилиты — одно из самых радикальных шиитских течений. Если же поверит легенде, то Озеро там, где

колыбель моих языков... Может это и на Памире, кто знает... Слишком далёк от нас непроницаемый туман истории. Но то, что Памир — заповедник, это уж точно. Реликтовые языки, тысячелетняя изоляция... Многие памирцы выглядят, как белорусы... Да и Белоруссия — тоже заповедник. Пока ещё не оценённый историей. Большая такая Беловежская пуца для последних неиспорченных представителей человечества. Тоже, наверное, родина. Само это понятие, «родина», очень различно для каждого. Но оно всегда соразмерно представлению человека об общности с чем либо, и так же обратно пропорционально уровню индивидуализма. Лишь у немногих она действительно велика.

Стоим возле уличного прилавка, чтоб купить пакетик орехов... Рядом трутся, заглядывая в кошелёк, вездесущие люлишки — среднеазиатские цыгане. Даже в этих восточных диктатурах они чувствуют себя вполне безнаказанно, перемещаясь через границы на своих арбах с огромными колёсами и занимаясь извечным промыслом — собирательством, перепродажей всего ненужного и воровством. Наглые, как мартышки буддийских храмов Южной Азии... Опять что-то просят. Достая купюру, и из кошелька выпадает ненужный обрывок бумаги... Подростки стремительно бросаются к бумажке, и, подхватив, останавливаются, радостно прыгая, в нескольких метрах, чтоб разглядеть трофей. Ну точно, как обезьянки, ха... Не могу сдержать улыбку от понимания того, какое разочарование постигает их в данную секунду! И действительно! Ожесточённый спор между собой, обиженные лица, оценивающие взгляды в нашу сторону и, наконец, какие-то выкрики. Хахаха!

«Кхоламан! Камбар! Хайбат! Пудина! Панир! Зульфикар!» — кричат они. Надо же, читать умеют! Хотя у таджиков ведь тоже кириллица... «Кхоламан! Камбар! Хайбат! Пудина! Панир! Зульфикар! Сирри!» — о, новое слово! Неужели они надеются, что я это куплю? Хахаха! «Сирри! Кхоламан! Камбар...».

«Простите, а что значит «сирри»? — обращаюсь я к женщине-продавцу.

«Сирри значит «тайна» или «секрет» — отвечает она.

«А остальные слова, что они орут?»

«Что-то непонятное. Может, это на их языке.. Аллах знает..»

«Аллах знает, а цыган догадывается, хаха».

Неудовлетворённость управляет нами.

До Памира нелегко добраться в это время. Но двери открывают тем, кто стучится... Странное здесь пространство — невозможно что-либо узнать, отправив факс, письмо или e-майл. Нужно ехать и разговаривать. И картина сразу становится иной. А результат всегда зависит от того, как тебя воспримут. Здесь для людей важно «КТО ты», а не «ЧТО у тебя». И мне это нравится больше. Надо ехать...

«300!» — говорит Хабиб. Через 2 минуты едем за 120. Не долларов, конечно. У таксистов нет национальности, пытаются приподнять.

Алчность имеет тебя.

Возле развалин древнего Гиссара, которым 2,5 тысячи лет, как элемент ландшафта, неподвижно, сидят два аксакала в чалмах. Их взгляд устремлён вникуда. Кажется, что они сидят здесь вечно, по крайней мере, без них картина была бы не полна. Аллах, наверное, просто потерял списки, где значится их срок. На ступеньках шумно бьёт в барабан свадьба. Юность и увядание. Седые камни и малышня, звонко бегающая по их зубцам. Всё это как метафора всей судьбы человечества: «Они рождались, страдали, и умирали...» Мы вежливо игнорируем приглашение присоединиться к улыбчивой пёстрой свадьбе. Я молча сижу, взирая на могилу ходжи Хайвоки. Тимур недалеко разбивает языковой барьер с местными мальчишками... Тень. За моей спиной — старый аксакал. О, а я и не знал, что хотя бы один из них живой... Поворачиваюсь, и старик благословляет меня на своём древнем языке, совершая несколько округлых движений ладонями. Я склоняю голову и благодарю, протягивая также и не крупную купюру. Без слов старый суфий отбывает в направлении, где не вид-

но ни строений, ни дорог, а только раскинувшееся предгорье. Может к Богу, кто его знает? К Богу у каждого своя дорога.

Помню, как несколько лет назад ко мне как-то прибежал возбужденный Андрей Андрияускас. «Жека, бля, теперь я верю в Господа!»

И продолжил: «Загрузка была в Чехии, Кутна Гора, с документами, саты, фактуры порядок, говорю «надо на таможенный склад», в Россию едем, «пломбировать надо», «кустом менеджер», таможня блин, «мытня». А чехи по-русски только то, что со школы — «товарищ», «всё хорошо», «я твой друг». Короче, непробиваемы. Видимо и опыта этого у них нет, они перемещают внутри Евросоюза, обычно полякам, а там мы уже забираем. Созвон с заказчиком ничего не даёт, чехи уверяют его, что всё сделано как надо. В общем, попадос. Понятно, что здесь бесполезно, думаю какое чудо должно произойти, чтоб товар въехал в Калининград, голову ломаю. Реально надеюсь только на чудо. И кто сказал, что смелым везёт? Где-то посреди Польши на коротком отстое, по тахографу нужно 40 минут, небольшой паркинг, кругом ни души, только поля. Две фигуры бредут по полю. Явно ко мне. Опускаю стекло, жду. Чуваки подходят, у одного в руках барахло какое-то электронное, фотоаппарат и что-то ещё. Предлагают «купич». Короче «не треба», не беру ворованное. Поляки расстроились, потому что вокруг реально ни-ко-го. И пошли непонятно куда ч-з поле. Только вот тот поляк, который сзади стоял и в разговоре не участвовал, вертел в руках хомуты какие-то, и когда разочаровался в сделке, в сердцах бросил связку на асфальт. Так они и ушли. Только, Жека, когда я вышел и посмотрел, что это, меня пот прошиб. ТАМОЖЕННЫЕ ПЛОМБЫ. НОМЕРНЫЕ.

Достал CMR, там графы эти не заполнены за ненадобностью, грузовик опломбировал, номера вписал в CMR сам, ручкой. По таможене всё прошло. И вот, Женя, я здесь...» Реально чудо.

«Пап, так мы куда дальше? На Памир или в Афганистан? А что мы вообще ищем? А ты сказал Любе, куда мы собрались?» — спрашивает Тимур. Люба Люба Любовь... её хрупкое сердце могло бы и не выдержать этого. Конечно, много мы уже прошли, теперь — или Памир, или Афганистан... Какая разница? Где-то здесь моё Озеро Забвений. Где же ему ещё быть? Нет, не сказал. Как сказать это тому, кого любишь?

Слабости имеют тебя...

Примечателен факт, что в Узбекистане таджиков больше, чем в Таджикистане. Даже сам президент Узбекистана — таджик. Однако сегодня две братские страны находятся друг с другом практически в состоянии войны. Преимущественно горный Таджикистан связан с внешним миром лишь ч-з Узбекистан за исключением нескольких трудных высокогорных шоссе из Афганистана, Китая и Киргизии. Передвижение товаров ч-з Узбекистан жёстко затруднено мерами административного порядка. В Узбекистане простаивают десятки фур, товары которых предназначены таджикам. И у тех уже даже возник дефицит некоторых простых товаров, обычно получаемых транзитом. Разобрано ж/д полотно, соединяющее 2 страны. Из 16 КПП функционируют только 2. Но на автомобиле пересечь границу — запрещено. Только пешком. На нефункционирующих переходах возведена «китайская стена», что наглядно говорит о долгосрочности данного шага. Из-за всех этих сложностей нам пришлось совершать огромный крюк ч-з Душанбе, чтоб посетить Пянджикент, находящийся недалеко от Самарканда, а после снова входить ч-з Узбекистан. Заблокирован транзит, предназначенный для контингента НАТО, выполняемый ч-з территорию Таджикистана. С середины 2000-х важные участки границы между РТ и РУ узбекской стороной заминированы. С апреля 2012 перекрыта подача газа из РУ в РТ, что вообще поставило Таджикистан перед опасностью полного экономического краха и остановки 2-х единственных предприятий (алюминиевого и цементного заводов). Попытки РТ покупать газ и электричество в Туркменистане или России были отклонены Узбекистаном нежеланием предоставлять транзитные мощности. В переговорах на уровне премьеров Таджикистану отказано. Газ включили по просьбе Путина. В направлении Согдийской области непосредственно к границе Узбекистаном стянуты войска и проходят манёвры. Однако, вопреки первому впечатлению, которое может сложиться при поверхностном рассмотрении ситуации, суть конфликта вовсе не в том, что Узбекистан пытается политически подавлять соседа. Напротив, именно Таджикистан пе-

риодически обостряет обстановку, выдвигая несоразмерные своему весу политические ультиматумы соседу. Таджикистан, точнее — сам Рахмон, лихорадочно пытается возвысить свой региональный авторитет. Попытка похвальна. Но слишком часто мы видим как жаждущий разбивает кувшин...

«Да я за зиму на дрова потратил 500 баксов!» — отчаянно причитает наш очередной водитель, Хизматолла. «Да пусть ОН лучше включит электричество, и я заплачу ЕМУ эти деньги, но не буду готовить еду на костре!»

При обилии ГЭС электричество с октября по май вне столицы здесь подают на 1.5 часа в день. Всё идёт на экспорт. Про НЕГО здесь стараются громко не говорить. Как бога, не поминают всуе... А 500 долларов — это здесь очень большие деньги...

«Надо уезжать, отсюда, Женя» — продолжает Хизматолла — «ждать, пока здесь всё наладится — это как ловить рыбу в Чёрном Озере...»

«Что такое Чёрное Озеро?» — неделикатно уточняю я.

«Чёрное Озеро? Каракуль! Самое большое в Таджикистане, не знаешь, что ли? Но там же жизни нет. Рыба не водится. На берегах — только ковыль и полынь, и то реденько. Даже вода горькая... Вот и мой Таджикистан для людей — это как Каракуль для рыб»

«Лишь бы не было войны» — говорю я. Хизматолла, бормоча, возводит глаза к небу.

Твоя собственность имеет тебя.

Война. Что это значит для одного человека и для всего человечества? А что это значит для природы? Природа. Именно она создана так, что все системы в ней стремятся к гармонии, к равновесию. Хаос мироздания присоединяет и уравнивает свободные члены системы с себе подобными, создавая и создавая, таким образом, новые структуры. В этом великом брожении случайностей уравновешенные структуры сосуществует с большим количеством случайных элементов и связей. Потому что это и есть строительный материал структур. И его избыточно много. Потому что природа всё делает с запасом. И лишь миллионные доли всего этого хаоса организуют устойчивые жизнеспособные конструкции. Способные построить государства, кристаллические решётки и звёздные системы. Такая эволюция — всеобща, и характерна как для макро— так и для микро-уровня. При определённом усложнении (большем количестве) связи элементов системы начинают преобладать над связями внутри самих элементов и структура болезненно рассыпается. Может, это и есть война. Но дальше система снова стремится к гармонии в данных изменившихся условиях. Этот процесс вечен, созидая, и необратим.

Я бежал. Жёлтый свет железнодорожных столбов стал превращаться в один яркий блистающий тоннель моего сознания. Мерцающий и зовущий своей конечностью. Соскальзывая иногда с камней, густо покрывающих бетонное литьё шпал, и снова восстанавливая ритм, я бежал вперёд. И неизвестно «от» или «к». Это было очень давно, но я помню каждый миг своего существования в этом беге. Вернее, сосуществования. Я помню страх. В каждой клетке своего земного тела. Одновременно, как в замедленном кино, мимо проходили предметы, события и время. Над всем этим, будто чтоб получше разглядеть, иногда возносилась моя душа, наблюдая сверху неумолимый ритм загнанного преследуемого животного. В теле не было души. Правильно говорят, что страх убивает душу. В этом бегущем теле не было души. Была лишь попытка добежать до этого источника света, превращающегося в один сияющий тоннель, недостижимого и бесконечного как и сами рельсы. «Ведь так, наверное, люди и умирают?» — думалось мне тогда. Тоннель. Свет в его конце. Манящий и недостижимый. Желанный. Но я бегу. И, вроде, жив.

Чтоб разрешить нерешаемую проблему — её нужно усугубить. Именно усугубить. И, в некотором смысле, она решается сама. Вернее создаётся неизбежность её разрешения. Всё наносное, ненастоящее, отгнивает и отпадает в создавшемся кризисе. И, если есть смысл спасать, мы моментально и ясно видим в контенте то самое ценное, что и составляет для нас действительную важность. А если бороться неохота — то пусть и погибает... Это правило абсолютно применимо и к человеческой личности. Лишь когда человек тонет, он избавляется от всего лишнего.

Всё, чем ты обладаешь, обладает тобой. Это и есть аксиома.

Война и мир. Неизбежный круговорот разрушения и созидания. Необходимый и вечный, как сама жизнь. «Салам!» — приветствуют люди друг друга на Востоке, что значит «мир тебе». «Аллейкум ассалам!» — отвечаю я. Это и есть самое ценное, чем здесь дорожат люди. Именно в этимологии исходных оборотов речи скрыта глубинная душа народа. Кто-то, как мы, желает здоровья, кто-то богатства, а кто и вовсе выражает сожаление возникшему чувству обязанности. Так европейские народы, благодаря, желают человеку «того же» — англ. «thanks», нем. «danke», южане — воздают «хвалу» или «грацию», японцы — сожалеют, что становятся должными, а русские — просят Бога за благодетеля, говоря «спаси бог». Расставаясь же навсегда, русские просят простить друг друга, говоря «прощай».

Мы прощаемся с Искандером. Расстаёмся не потому, что нам пора, или наступила необходимость... А потому что в этой жизни всё конечно, как конечна и сама жизнь. И именно в этом и есть хрупкая прелесть и ценность всего сущего. Его драматическая красота.. Его сила и воля. Всё, что вечно — мертво. Всё что гибко, ранимо, хрупко и смертно — живёт и борется.

Без слов и лишних наставлений... Рукопожатие, улыбка. Мы поворачиваемся и не спеша уходим. Зачем долгие трогательные сцены, если будущее само покажет ценность обещаний... Однако, каждому из нас понятно, что мы прощаемся не навсегда. «Пап, как ты думаешь, у него получится?» — спрашивает Тимур про Искандера. «Думаю получится, сын. Главное — верить. Если веришь, получится. А сильную личность неудачи делают только сильнее. Говорят, когда караван поворачивает, хромой верблюд оказывается впереди...»

«Кхоламан. Камбар. Хайбат...» На всякий случай я повторяю в уме загадочную абракадабру, чтоб не потерять этих слов пока не достиг Крыши Мира. Но встречу ли я там Озеро? Оно там, где сходятся проповеди всех пророков, и куда стремились все завоеватели. Это известно точно. Но что значат «...Пудина. Панир. Зульфикар...» Как это понять? Раз невозможно понять «где», чтоб найти искомое, нужно лишь понять «почему».

«Тимур, нравится тебе это путешествие? Такого у тебя ещё не было» «Почему не было? Мне везде нравится, когда интересно...» — под напряжённым взглядом пограничников Тимур балансирует на поребрике клумбы. Сына трудно удивить. Он уже видел и Папу Римского, и Эльбрус, и бело-снежные Альпы, и жаркие пустыни, и седое Заполярье. Изнутри, а не из туристического автобуса. Он осознает это намного позже. Мне трудно подарить ему лучшее, что могут получить от родителей его сверстники. Поэтому я попробовал подарить ему весь мир.

Если жизнь человека подобна книге, то тот, кто не путешествовал — всегда на одной странице. Истина. «Исфахан — половина мира». Так говорили древние. Прекрасный, большой, современный и самобытный город. И вот мы едем по нему с гостеприимными местными ребятами в поисках общения, экзотики, впечатлений и красок всего мира. По крайней мере, красок этой «половины мира». Насладившись местными ночными видами, сели в ресторанчике, где, пользуясь местным обычаем, Хамед просит мою девушку познакомиться и сфотографироваться с приглянувшейся ему девушкой. Так уж заведено, что для знакомства ему нужно попросить у девушки номер телефона её матери, и возложить заботу об организации свиданий на матерей. Если же просить напрямую, в лоб, то это значит, что предлагаешь встречу «на раз», т.е. просто секс. А девушка без обиняков может попросить девушку. Так просто. Жизнь пробыёт дорогу везде. Никакие архаичные обычаи, суровые законы и языковые барьеры не смогут поставить этому преграду. Люди очень социальные, нуждаются в общении и в чувстве принадлежности к группе, имеют потребность в социальной иерархии и страдают от одиночества. Совсем как крысы.

Серая крыса — вот действительно «брат человека». В процессе эволюции крысы выработали острую потребность в социальной организации, благодаря чему приобрели фантастические спо-

способности к выживанию. Живут они так же — и одиночно, и образуя семейные или территориальные группы. В силу такой социальности крыс, учёные активно проводят с ними тысячи экспериментов. Устраивая гнёзда, крысы имеют врожденное стремление значительную часть времени проводить в замкнутом пространстве. Как и все люди. Как мы. Аналогии не вызывают сомнений. Например, были созданы уютные крысиные домики. Заходя в них, животные своей тяжестью замыкали электрическую цепь, и это вызывало жалобный писк помещенной неподалеку крысы-жертвы, поражаемой слабыми импульсами тока. Оказалось, у 31% испытуемых крыс довольно быстро вырабатывалась реакция Сопереживания, и они перестали посещать свои искусственные убежища, либо резко сокращали время пребывания там. Однако большая часть крыс (45%) начинала поступать подобным образом лишь после того, как сами побывали в роли «жертвы». Ещё часть, в том числе и после испытывавшая электрический разряд и на себе (24% испытуемых), так и не стали предпринимать каких-либо действий для облегчения страданий сородичей. Ничего не замечаете? Не таков ли процент и среди нас? Так что же делать? А делать ничего и не надо. Большинство людей не способно на сопереживание чувств, не испытанных на себе. Это аксиома. Поэтому не нужно препятствовать людям в приобретении трудностей. Запомните — чем хуже, тем лучше. Вообще.

«О, пап, смотри как ослика нагрузили!» — вдруг прерывает мои размышления Тимур. Смотрю в окно: «Да, выглядит несоразмерно, жалко ослика... Да и мальчика этого. Не меньше». Я-то знаю, что на ослика можно грузить и побольше, но в меру, а вот человек не имеет предела. Человек вытерпит всё. Выживет. Чтоб когда-нибудь поступать так, как считает нужным. Или иметь такую надежду. Будем надеяться, что этот мальчик выберет свой трудный путь. Самый верный. Который единственный сможет подарить ему всё. Потому что этот маленький человек уже готов — он уже много отдал, но ещё ничего не взял. Слово «трудно» имеет для него очень далёкий предел. Человек всё-таки обладает преимуществом — он может изменить свою жизнь, а ослик — нет. Однако шанс этот невелик.

Здесь, на Востоке, говорят так: чей дом из стекла, не бросает в людей камни... Ибо до момента собственного опыта отчаяния — личность — ничто. Её нет. Мы даже сами не знаем, кто мы... До всего этого мы — компромисс. Кентавр, Аффенпинчер, Велотренажёр, Большое Я. Крысы, люди — всё это одно. Человек, не испытавший страдание, редко бывает адекватен к действительности. Не нужно препятствовать людям в приобретении трудностей. Так в нас поселяется мудрость.

«Пусть кушает. Надо хорошо кушать» — говорит Хабиб. Мы едим вкусный и свежий шашлык, «молотый», как говорят здесь. То, что в других местах называют «кебаб». Тимур довольный, уpleteет с радостью. К мясу прилагается пышная лепёшка, крупно порезанная редька, пиала загустевшего кислого молока, нарезка сырого лука, сбрызнутого уксусом и неограниченное количество зелёного чая. Вкусно. «Хороший парень вырастет. Сильный и красивый. Только про мясо не забывай, мужчине необходимо мясо. Мы ведь всё ещё хищники...»

Проза

Владимир Клевцов

Как странно! Кажется, в нашей прозе из жизни уходит жизнь. Остаются одни «социальные роли». Даже если в книге речь идет о семье (а теперь равно в иностранной, и в русской литературе она распадается где тихо, где с шумом, где шутя, где трагически). Мы делаемся поверхностны и плоски, теряя глубину и даль наследованной судьбы. Внешне-то куда как богаче в оттенках жизни. Каких чудес и сюжетов ни нажили в переменчивое время, но отчего же ощущение, что мы только и делаем, что переодеваемся всё наряднее. А жизнь выносилась и обесцветилась. И вон Светлана Алексиевич и имя этому времени придумала «Время секунд –хенд» — поношенное и уцененное, но с пестрыми ярлыками чужих «брендовых» фирм. Обидно, да что сделаешь.

А живое и настоящее время, когда мы смели зваться «народом» и еще слышали значение этого слова и чувствовали себя ответственным за него, ушло с Абрамовым и Беловым, Астафьевым и Распутиным, Казаковым и Шукшиным, Трифоновым и Нагибиным. И только иногда нечаянно наткнешься на словно заплутавшийся во времени рассказ и будто очнешься — Господи, значит, вон что такое был русский человек в обычном порядке жизни, в доме, в родном быту, в свете и труде повседневности. И, значит, где-то жизнь еще жива на давней, вечной родной глубине и мы не окончательно съедены цветной новизной наступающей виртуальности, выветрившей слово до знака, а реальность до постистории, посмодернизма, даже до пострелигии.

Писатель Владимир Клевцов живет в Пскове ровной неторопливой памятной жизнью, не забывая с юности усвоенных уроков Казакова и Куранова и не сдается времени, удерживая уходящий мир спокойной твердостью, подпирая стареющую жизнь плечом, чтобы она хоть уйти могла по-человечески. Или, как мне тридцать лет назад написал в книжке автографов Виктор Петрович Астафьев, нарисовав излучину Енисея и березу на скале: «Я думаю, что, в конечном счете, все же главное вот это — Енисей, светлая осень и, когда придет последний час, это и будет видением, а не злодеи, лжецы, лицемеры и ворье. И спасибо жизни за жизнь, а памяти за то, что она очищает прошлое от скверны».

Вот и Владимиру Клевцову спасибо, что сопротивляется общему беспамятству любовью и благодарностью человеку, не страшась укора в «отставании от времени».

Валентин Курбатов.

Пограничник

Рассказ

В последние годы село Обозный Двор совсем захирело. Все изменилось в одночасье: колхоз развалился, фельдшерский пункт и почту закрыли; на окраине, как затонувшие баржи, стояли пустующие коровники с провалившимися внутрь крышами, а само село, впервые за тысячу лет, стало приграничным населенным пунктом, и от заграничной Белоруссии его отделяло озеро Белое. В общем, по всему было видно, что приближается день, когда обозодворцы должны были окончательно сгнуться, исчезнуть с лица земли, оставив после себя только озеро, холмы и лес.

Понимая это, обозодворцы часто ходили на берег озера, словно прощались и с ним, и с лесами, и холмами. Идти было метров двести, и все под гору. Сверху было видно, как над водой стелется матовый туман. На прибрежной осоке, на листве берез лежала тяжелая, крупная и тоже матовая роса, и казалось, что глядишь на озеро сквозь запотевшее оконце.

На берегу рассаживались, кто где хотел — одни у самой воды, другие под деревьями или на мостках, свесив ноги, — и терпеливо ждали восхода солнца. Даже не самого восхода, а того неуловимого, торжественного и мгновенного преображения, которое наступало в природе сразу после появления над горизонтом светила. Сначала казалось, что еще рано, что переход к преображению не начался, а потом происходила вспышка, небо на мгновение озарилось, играя желто-зелеными и розовыми красками, — и было уже поздно. Момент преображения так и свершался незамеченным.

И вот уже косо летали над озером неведомо откуда взявшиеся чайки, рассеивался туман, последние его клочья быстро скользили над водой, краснея, как петушиными гребнями, своими верхушками, и истаивали прямо на глазах. Все изменилось, только природа осталась прежней, и это вселяло уверенность, что жизнь со временем образуется, войдет в нужное русло, что обозодворцы не сгинут совсем, а по-прежнему будут любоваться окружающим миром. Нет, не можем мы сгинуть, думали они, потому что не на кого тогда это оставить — и озеро, и лес с холмами. И гонители, те, кто хочет прийти на наше место, не оценят всей земной красоты, которая без нас, обозодворцев, окажется лишенной смысла и ненужной, а Бог такого не допустит.

Но горевали в селе недолго и, плюнув на новых правителей, все эти изменения учинивших, стали жить тем, что им посылал спасительный русский Бог, — овощами с огородов и рыбой с озера. Картошки обыкновенно накапывали по пять-шесть мешков с сотки, рыбы тоже было много. Ставить сети, как и тысячу лет назад, плавали на противоположную белорусскую сторону, к деревне Веска, считая, что судак, лещ, и угорь там крупнее и обильнее.

Но весной прошлого года на село вновь обрушились напасти. Еще с апреля установилась небывалая жара, не выпал дождь и в мае. Вспахиваемая под картошку земля, даже вывороченная из глубины, была пересохшей, и у ходившего за плугом бывшего конюха Егорова, пахавшего по очереди огороды одиноким старухам, от пыли побелели сапоги.

Дождя ждали каждый день, и он как будто собирался. На горизонте появлялись и выстраивались в ряд белые облака, потом сбоку, клубясь, появлялась черная туча и, продвинувшись, замирала на месте.

Замирало все и на земле. В неподвижном воздухе парило, комары от зноя прятались в кустарниках и вылетали только затем, чтобы покусать того же конюха Егорова, уходившего в это время в теник пообедать. А тут как назло, когда надежда оставалась на одну рыбу, на озере появился Пограничник. И самое обидное, охранять границу взялся не посторонний человек, не другое должностное лицо, а свой же обозодворец — бывший участковый милиционер Михаил Антонович Скоробогатов.

И до Скоробогатова знали, что граница с Белоруссией проходит по середине озера, но граница была мысленная, обозначенная лишь на географических картах, а в действительности ее никто не охранял. Скоробогатов же взялся охранять добровольно, никто его не принуждал, и произошло это, по мнению обозодворцев, от завихрения мозгов.

После бегства жены в город Михаил Антонович попал в отставку, оказался не у дел и, как это часто бывает, предался праздным размышлениям. В какой-то миг произошло в нем движение мысли, он стал крепко задумываться и вскоре убедился, что все люди тем и заняты, что ежеминутно безобразничают, нарушая закон и дисциплину.

Вот возвращаются из леса грибники, и у каждого в руках свежесрубленная палка. Зачем, спрашивается, погубили молодые деревца, им еще расти и расти? Нет ответа. А вот мчится по улице мотоциклист-ухарь Волобуев. Новый участковый пытается его остановить, да где там: виляя из стороны в сторону, мотоциклист сворачивает в проулок и исчезает. В прежние времена, помнится, стоило засвистеть в свисток и указать жезлом, как любой шофер останавливался и бежал навстречу, согнув в коленях ноги. Теперь хоть в пионерский горн или духовую трубу свисти, хоть оглоблей размахивай — никто не притормозит.

Встречаясь на улице с мужиками, Михаил Антонович, отличавшийся милицейской наблюдательностью, с горечью видел в их лицах желание в скором времени совершить что-нибудь противозаконное. Иногда он присаживался в теник к своему приятелю Егорову, и они молча разглядывали очередную неподвижно зависшую тучу, откуда то и дело громыхало. Пробившееся в прорехи солнце бликами ложилось на траву, искрило в осоке, и казалось, нужно лишь легкое дуновение, чтобы скопившаяся на западе громада пришла в движение.

— Эх, не мешало бы дождика, хомут тебе на шею, — вздыхал бывший конюх. Отобедав, он вольно разваливался в траве, закуривал, пуская дым в подлетающих комаров. А Скоробогатов думал: «Опять бардак, сплошной бардак — и жара не ко времени, и дожди, будь уверен, пойдут, когда не надо». Он косился на сытого Егорова, по лицу которого было видно, что и он в этот момент задумывает что-то нехорошее.

Месяц Михаил Антонович крепился. Он даже серьезно подумывал податься в скит, чтобы больше не видеть безобразий. Это было бы замечательно, как если бы он вдруг превратился в величавую

птицу, парящую высоко в небе и оттуда, с высоты, мудро вззирающую на людские глупости и пороки. А потом решил — все, надо что-то делать, как-то исправлять положение, не в большом, конечно, объеме, а в малом, в местном, что ему по силам.

На следующий день он съездил в районный центр, купил сорок мотков крепкой, толщиной с велосипедную спицу, лески и от острова к острову, привязывая леску к деревьям и пням, натянул по воде пограничную линию. Вышло все очень ладно и прочно, и это порадовало Михаила Антоновича. Но затем, когда он привязывал к леске сторожевые буйки, у него впервые возникло сомнение в правоте своего дела, и всю работу не покидало неприятное чувство, что он сейчас чем-то похож на паука, ткущего паутину.

* * *

Теперь каждое утро Скоробогатов натягивает плащ, закидывает на плечо подвесной мотор и отправляется на охрану государственной границы. Село Обозный Двор еще спит, только по сараям приглушенно кричат петухи. Кричат петухи поочередно, по мере того как он идет по улице от дома к дому, — словно салютуют ему. Но это неразумная птица, ей все равно, кого приветствовать — новый день, хозяев или вот его, пограничника Скоробогатова. Люди Михаила Антоновича уже давно не приветствуют, и он знает, что сейчас некоторые проснулись и молча наблюдают за ним из окон. Обо всем этом он думает вскользь, как бы между прочим, а настоящими мыслями на озере, у своей пограничной линии.

Через полчаса на берегу появляются и будущие нарушители — обозодворские рыбаки. С собой они несут весла, сети и похожий на огромную зеленую гусеницу невод, от которого пахнет водорослями, рыбой и потаенной озерной глубиной. Разговаривать они стараются вполголоса, и разговор в основном касается Скоробогатова.

— Вчера Пограничник в райцентр уезжал.

— Вернулся, гад, сам видел.

— Значит, жди, где-нибудь на своей лодке среди островов прячется... Рыбий глаз.

— Паук.

Выйдя к озеру, где с листы нависших берез то и дело скатывается и падает в воду роса, рыбаки замолкают совсем. С великими предосторожностями отвязывают они лодки, рассаживаются, берутся за весла и гребут, отдаляясь от берега. Вскоре сгущается туман, и трудно понять, двигаются лодки или стоят на месте, и только по тому, как от каждого гребка медленно отдаляются круги водоворотов, можно догадаться, что лодки плывут.

Из тумана постепенно проступают очертания островов. Обозодворцы едва шевелят веслами, кажется, перестают дышать, но их присутствие выдают сторожевые буйки, подскакивающие от самой легкой волны. И вот уже слышится рев мотора, из-за островов выскальзывает лодка с сидящим в ней Скоробогатовым и быстро мчится навстречу, пропадая в клочьях рассветного тумана. Подъехав вплотную, он начинает кричать:

— Осади назад! Ворочь, кому говорю!

Обозодворцы осаживают и ворочат и от расстройства ставят сети не на излюбленных местах, а где придется. Невод же совсем не забрасывают и к обеду возвращаются в Обозный Двор почти без улова. А Михаил Антонович, проводив их взглядом и, словно бы споря или оправдываясь, еще долго разговаривает сам с собой:

— Ну разве можно беспрепятственно плавать туда и сюда? Сейчас вы, мужики, плаваете, а затем, глядишь, контрабандисты или нелегальные эмигранты поплывут. Я сам против этих границ, но если они установлены, то должны совершаться действия по их защите.

Через месяц к границе уже никто не приближался, ни свои обозодворские, ни заграничные белорусы. Закутанный в плащ, Михаил Антонович неподвижно сидел в лодке, наблюдая за передвижениями по озеру рыбаков. Солнце заходило с северо-восточной стороны, и родной берег был по утрам в тени, сумрачен, сохраняя ночную загадочность, зато как ярко был озарен берег заграничный. Отчетливо желтела полоса песка, белели стоявшие в ряд березы, и влекуще светились на куполах вескинской церкви золоченые кресты.

Церковь стояла на самом верху, и при виде ее у Михаила Антоновича возникало желание размышлять. Мысли в основном были приятные. Вот он взялся за охрану границы, и что же — за месяц

навел порядок. А будь таких Скоробогатовых побольше и живи они не только в Обозном Дворе, а в районном городе Сенеже, и областном центре Пскове, и даже в самой Москве, и будь каждый на своем месте, борись он с безобразиями — за короткий срок можно было исправить в державе положение. И получается, что он, Скоробогатов, простой милицейский пенсионер, на самом деле человек государственный, державный. Но потом, словно устыдясь собственного возвеличивания, мысли его принимали другой оборот. Он представлял, каким крохотным, несмотря на всю державность, должен он казаться среди огромного водного пространства. Даже на самой крупномасштабной карте района его лодка будет не больше булавочного укола. И уже совсем незначителен он был под раскинувшимся над ним небом. Но это и хорошо, думал Михаил Антонович, так и надо, это и есть его место, потому что в природе все устроено правильно и никто не должен высовываться вперед и нарушать раз и навсегда заведенный порядок. И, рассуждая так, Михаил Антонович с удивлением осознавал, что собственная микроскопичность его нисколько не уязвляет, что рядом с этим озером и этим небом никто не имеет права быть большим и заметным.

Иногда к границе подплывал приятель Егоров, посланный обозодворцами для его увещевания.

— Антоныч, — кричал бывший конюх, сложив ладони раковиной, — покажись!

— Опять ты, Егоров, — отвечал Михаил Антонович, выплывая из-за острова. — Ты бы с собой еще мерина прихватил. Я как-то тебя без лошади видеть не привык.

— Мент ты, мент и есть, хотя и на пенсии, — ругался обиженный Егоров, сразу забыв, что мужики наказывали ему говорить с Пограничником уважительно и терпеливо. — Мы тысячу лет друг к другу плавали и теперь будем, понял. Ты нам не указ. У нас половина жен с той стороны взята, мы все родственники между собой.

Про «жен с той стороны» Егоров напомнил напрасно, потому что сбежавшая жена Скоробогатова тоже была вескинская, и на него, когда он думал о ней, всякий раз обрушивалось мерзкое чувство незащитности перед бабой, и случалось что-то вроде спазма дыхания — воздух выходил, а обратно он никак не мог его заглотить и слова выкрикивал урывками.

— Га-гад худой. Во-ворочь, го-во-рю.

Егоров спохватился, понимая свою оплошность.

— Ну-ну, Антоныч, ты же мне друг, вражина. Я к тому, что мы из-за тебя скоро по миру пойдем, раз рыбу не даешь ловить. Уселся, как хомут, на шею.

— Во-воро-рочь, — уже задыхаясь, хрипел Скоробогатов. — Во-воро-рочь.

— Ну тебя к бесу, загнешься еще тут, — бормотал Егоров и торопливо уплывал.

Проходило лето, на августовском небе было тесно от звезд, луна плавала совсем близко, словно вытолкнутая наружу. Скоробогатов, томясь неизвестно отчего, плохо спал и однажды, проснувшись среди ночи, подумал: «А почему это всех тянет на ту сторону? Рыбы, думают больше, это одно, но, видно, есть и еще что-то». И сам решил сплавить в Веску.

Еще до появления границы он несколько раз гостил в Веске у родственников жены, но ни на берегу, ни в церкви не был. А берег, ежедневно просматриваемый им до мельчайших подробностей, интересовал его все больше.

В день, когда он решил поехать, уже с полудня установилась небывалая тишина и безветрие. Небо как-то незаметно затянулось серовато-белой, под цвет холстины, пеленой, солнце приутихло, и тем отчетливее среди померкших красок выростала отливающая синевой туча. Она разрасталась с молниеносной быстротой, точно надуваемая воздухом, и казалось, что скоро она опустится на землю, поглотив и ее.

В этот раз действительно шла гроза. Скоробогатов это понял, как только отплыл, но не стал возвращаться. Он погнал лодку, стараясь достичь противоположного берега до ненастья.

Воздух еще оставался неподвижным, но это продолжалось недолго. Первый порыв ветра обрушился на сушу, пригнул березовую рощу, погнал по дальней дороге пыль, и дорога задымила, точно подожженная. Вода на озере вспенилась, пошла «барашками», враз погрузившая лодка стала зарываться носом в волны, окатывая Скоробогатова летящими брызгами. Он все-таки успел причалить и забежать в лес с первыми каплями дождя, крупно и весело защелкавшими по листве. Над головой близко ударил гром и покатился куда-то вдаль. Запахло свежестью. Ветер внезапно, как и начался, стих, а дождь, усиливаясь с каждой минутой, даже не полил, а отвесно, накрывая лес, заструился с неба потоком.

Прятаться от дождя не имело смысла, но Скоробогатов все равно встал под березу. Он весело, как внезапно подвернувшийся праздник, переживал случившееся, и было жалко, если дождь и гроза быстро стихнут.

Но гроза и не собиралась стихать. Дождь шел, даже когда туча сдвинулась, освободив часть небосклона, и на этом месте выглянуло солнце. Поток света, хлынувший на землю, мгновенно рассеялся по лесу, пробиваясь тонкими лучами, точно между ветвей воткнули золотистый веник, упал пятнами на тропинки, заиграл на мокрых березовых стволах, зажег мелькавшие дождевые потоки, осветил весь лес играющимися, струящимися огнями. «Ух ты, ах ты!» — в который раз грянул гром, и после каждого удара дождь на короткое время усиливался.

И тут выяснилось, что в лесу Скоробогатов был не один. Все время рядом с ним под деревом стояла незнакомая женщина. Когда сверкнуло особенно близко и Скоробогатов обернулся поглядеть, куда могла угодить молния, женщина тоже обернулась. Они так и застыли, ошеломленные и напуганные неожиданной встречей. Михаила Антоновича сковало. Подобное с ним случалось и раньше, когда он, к примеру, видел размахивающего ножом хулигана. Обычно это быстро проходило, и он, скопив внутренние силы, бросался на хулигана, заворачивал за спину руку и начинал крепко крутить, точно выжимал белье.

Сейчас скованность никак не отпускала. И причина была в том, что, с одной стороны, незнакомка ему понравилась, было в ней что-то влекущее, отчего хотелось ей сразу довериться, а с другой — она могла быть наслышана о нем, человеке известном по обе стороны озера. А что она могла услышать? Все то же: паук, рыбий глаз, Пограничник, мент поганый. Как же не вовремя поднялся Михаил Антонович на борьбу с безобразиями, как не вовремя!

Еще Скоробогатов увидел, что у женщины зеленые глаза и русые, потемневшие под дождем волосы. А больше ничего заметить не успел: подхватив тяжелую сумку и сособочась, она как можно легче, зная, что за ней наблюдают, пошла в гору к деревне. Поняв, что может никогда больше ее не увидеть, Михаил Антонович поспешил следом.

Он шел и лихорадочно искал повод познакомиться. Будь он в прежней должности и на своем участке, он мог бы поинтересоваться ее именем официально и даже попросить для проверки документы. Другого способа в голову не приходило, и так, в отчаянии, он добрал за ней сначала до Весок, потом до ее дома, поглядел, как она поднялась на крыльцо, открыла замок и скрылась внутри.

Утром Михаил Антонович уже твердо знал, что влюбился. И это тоже было так не вовремя, так не вовремя. Думая о случившемся, он прикидывал, как на метровой линейке, свой жизненный путь: сколько прошел, а сколько осталось, и с горечью осознал, что находится на отметке в 70–80 сантиметров и недалек тот день, когда он, дойдя до края, скovyрнется вниз. Влюбиться в таком возрасте был большой беспорядок, следовало непременно забыть вескинскую женщину и никогда не плавать к заграничному берегу.

Как и предсказывал Михаил Антонович, большой знаток безобразий, что если жара не ко времени, то и дождь будет во вред, после грозы погода действительно переменилась. Словно от толчка, что-то на небесах нарушилось, сдвинулось с привычного, месяцами неменяемого места, и дожди зарядили на каждый день. Как раз пришло время копать картошку. Конюх Егоров снова помогал одиноким бабкам, напряженно выворачивая из раскисших борозд редкие картофелины, и за плугом ручейком бежала вода.

Целыми днями Скоробогатов нахохлившись сидел в лодке, то и дело тоскующе наводил на заграничный берег бинокль. Берег был пуст, бесприютен, затянутый сеткой морозящего дождя. Только непрерывно наплывали с той стороны низкие тучи, ветер гнал их с неутолимым постоянством, и они меняли очертания прямо на глазах, растекаясь над головой Скоробогатова, как чернильные пятна.

«Может, письмо ей написать», — думал Михаил Антонович, но, представив, как письмо сначала отправится из его районного города Сенег в областной центр, из областного центра в столицу Белоруссии, из столицы поочередно в свой белорусский областной центр и свой районный город и на все это потребуется не меньше двух недель, между тем как по озеру до Весок всего пять километров, только сплевывал с досады и мысленно восклицал: «Надо же, какой бардак, ну сплошной бардак».

* * *

А осенью случилось удивительное. Только осенью в селе Обозный Двор заметили, что с Пограничником, к счастью, творится неладное. Он стал невнимателен к своим пограничным обязанностям, и обозодворские рыбаки уже несколько раз беспрепятственно навещали на вескинскую манившую их сторону, ставили сети, торопливо забрасывали невод, ожидая услышать за спиной окрик: «Стой! Ворочь назад». Но никто не окликал. Не ловленная почти полгода рыба шла густо, косяками.

Вескинские рыбаки тоже плавали к нашим, и от них в Обозном Дворе узнали, что лодку Скоробогатова можно часто видеть у вескинских мостков, а самого его — прогуливающегося в березовой роще с агрономшей Наташей Пряниковой. Любопытные обозодворские бабки вскоре выяснили, что мужа агрономша не то сама вытолкала из дома, не то он, как и супруга Скоробогатова, сбежал в город. Бабкам этого показалось мало, и они плавали в Веску знакомиться с агрономшей. И вот что их поразило: говорила Пряникова спокойно, уверенно, без тени смущения, и зеленые глаза ее мерцали той загадочной глубиной, какая бывает только у любящих женщин.

Зимой, когда выпал снег и озеро сковал мертвящий холод, Михаил Антонович выпросил у приятеля Егорова отдохнувшую от летних трудов лошадь, сложил в сани кое-какие пожитки и через озеро Белое, оставляя на нетронутых сугробах извилистый след, который тут же заметало поземкой, перебрался в Веску. Весной, правда, обозодворцы забеспокоились: не возьмется ли Пограничник за старое, не начнет ли охранять границу, теперь уже с другой стороны, но ничего такого не случилось.

Птичий двор

Теперь она всегда просыпалась рано и всегда с радостью, потому что в сарае ждало птичье хозяйство. Будил ее петушиный крик. Петух давно откукарекался, но со сна казалось, что затухающий звон еще стоит в ушах даже в полной тишине и требует действий.

— Сейчас, не торопи, сама знаю, — говорила Евдокия Григорьевна и не так быстро, как хотелось бы, спускалась с кровати.

Первыми у закрытых ворот сарая толпились утки. Они ждали с покорной терпеливостью, точно старухи, занявшие очередь у сельского магазина. Но, когда двери сарая распахивались и утки, толкаясь, устремлялись наружу, поверх их голов начинали кубарем вылетать куры. Евдокия Григорьевна готовилась к такому нашествию, но всякий раз не успевала отступить, и выносимые мощным потоком куры едва не валили ее с ног. Последним, со шпорами на лапах и в раскорячку, как только что соскочивший с лошади всадник, появлялся рыжий петух.

Куры разбрелись по двору, а утки, непрерывно крякая, шли к уличной калитке, за которой их ждала канава с водой. Вслед за ними на улицу осторожно выбирались и куры. В отличие от своих шлепающих по земле товарок, они двигались словно на цыпочках, размышляя, куда поставить собранную в пучок лапу.

Птичье хозяйство было беспокойным, и Евдокия Григорьевна целый день, как часовой, держалась настороже. Утки, правда, время проводили у канавы. Здесь для них Евдокия Григорьевна углубила яму, где можно было даже поплавать, не касаясь дна, и уходили с привычного места, чтобы наскоро похватать из корытца размоченного хлеба. Зато куры так и норовили выскочить на дорогу под колеса машин или пробраться в огород.

Два или три раза в год к Евдокии Григорьевне приходил свататься вдовый пенсионер Иван Обручев, семидесятилетний лысоватый старик с коричневым от загара лбом. Иван был человеком решительным, но перед Евдокией Григорьевной робел. И дело тут было не в том, что он жил на «пролетарской», заводской стороне, а Евдокия Григорьевна на «купеческой» — так еще до революции в городе называлось место, застроенное частными домами. Иван с молодости был влюблен в Евдокию Григорьевну и на танцы в городской парк приходил всегда выпивший, задирался с парнями, лишь бы обратить на себя Дуняшино внимание. Но куда ему было соперничать с ее ухажером Петей, купеческим сыном и красным командиром, опутанным поверх гимнастерки скрипучими командирскими ремнями.

В доме Евдокии Григорьевны Ивана всегда удивляла старая, подержанная мебель, никак не вязавшаяся в его представлении с «купеческой» стороной: кровать с поржавевшими шишечками, изъеденный жучками комод, стол и шатавшиеся стулья. От прежних времен сохранились лишь швейная машинка «Зингер» на ажурных чугунных ножках, куда были вплетены цифры «1909», и две картины в золоченых багетовых рамках.

Со сватовством у Ивана никак не получалось. И причина, как думал он, крылась в курицах и утках, будь они неладны, которые требовали постоянного внимания. Стоило только Ивану завести разговор о прожитой жизни и одиночестве, как с птицей что-то происходило, куда-то она забиралась, пропадала с глаз, и Евдокия Григорьевна срывалась, бежала на улицу.

Когда она возвращалась, старик продолжал:

— Пенсия у меня хорошая, 87 рублей.

— Хорошая пенсия.

— А то. Я ведь всю жизнь на заводе отработал. Теперь твои 32 рублика. Вместе это уже больше сотни. Да с огорода можно овощей и ягод продать рублей на 50 в месяц. Да куриное яйцо, оно сейчас в цене. У нас на заводе начальник цеха столько не получает.

Разволновавшийся старик выкладывал на стол пачку папирос «Север», собираясь закурить, совсем забыв, что Евдокия Григорьевна не выносит табачников. Хорошо еще, что не успевал ляпнуть свою любимую приговорку: «Кто не курит «Северок», тот подхватит триперок».

— Иди, иди, Иван, дымить на улицу. У меня сроду в доме не курили.

— Это я так, по забывчивости, — смущался старик, собираясь продолжить разговор о пенсии, но тут на улице начиналась петушиная драка. Евдокия Григорьевна бросалась к распахнутому окну, Иван тоже оборачивался... Драка уже завершалась. Чужой петух убежал, а следом, за ним на огромной скорости мчался петух хозяйский, и лапы у него мелькали, как велосипедные спицы.

— Под машину попадет. Вот окаянный, вот паразит. Я сейчас, Иван.

Через минуту Обручев видел Евдокию Григорьевну на улице, спешившую за петухом.

Старик, скучая, оставался в доме один, с грустью думая, что теперь, когда его одернули с табаком, как-то не с руки будет доставать припасенную к сватовству чекушку водки. Она спрятана глубоко в кармане пиджака, пригрелась там в тепле, дремлет, но, как только он вспомнил о ней, начала подавать нетерпеливые сигналы. У Ивана возникала мысль откупорить ее, беспокоящую, хлебнуть втихаря для храбрости и снова спрятать в карманную тару. Останавливал лишь страх быть застигнутым врасплох. Хорош будет женишок, который, не дождавшись хозяйки, сосет в чужим доме из горла водку. Тогда надо сразу забыть сюда дорогу.

Он смотрел на висевшую на стене фотографию мужа Евдокии Григорьевны. С ее мужем Петей они вместе вернулись с гражданской войны, только Петя воевал командиром эскадрона в Первой конной армии Буденного, а он всю войну охранял в тылу воинские склады. Правда, через двадцать лет другая война, Отечественная, их уравнила. В сорок первом их призывали в один день, и на вокзале они стояли рядом среди ревуций баб и ребятишек, а пробежавшие мимо командиры уже кричали: «На посадку в вагоны... по двое в шеренгу стройся!» В эту войну он даже вырвался вперед: Петю через два года убило под Курском, а он остался живым.

Евдокия Григорьевна возвращалась запыхавшаяся, словно бегала за петухом к центру города, и по лицу ее было видно, что она не понимает, как сюда попал и что здесь делает Иван Обручев.

— Сейчас чай пить будем, — говорила она и шла на кухню ставить чайник. А пока он закипал, отправлялась во двор, и Иван слышал ее тонкий голос, сзывающий птиц: «Утя-утя, цып-цып-цып».

Подождав еще немного, старик поднимался и, не прощаясь с хозяйкой, так и не завершив сватовства, уходил домой. Когда проходил по мостку через канаву, зыркал по сторонам, не видел ли кто его позора. Но людей поблизости не было, и даже утки одновременно нырнули, выставив над водой хвосты и лапы.

Вечером он рано лег спать. Напротив кровати висел купленный когда-то для красоты коврик-картинка с двумя целующимися на пруду лебедями. Жене Анне в свое время нравились лебеди, и она со вздохом говорила: «Вот так и люди вместе должны жить». Ивана целующиеся птицы не интересовали, а вот пруд у дома иметь хотелось: в пруду можно было купаться, ловить рыбу и полоскать белье, а не таскать воду с колонки. За свою жизнь он натаскал в ведрах столько воды, что хватило бы налить настоящее озеро.

Охмелев от выпитой чекушки, Иван взглянул на коврик и подумал: «А ведь права была Анна, вместе жить лучше. Эх, только бы Дуняшу уговорить. В следующий раз так прямо и начну с главного — выходи, мол, за меня замуж. Я на все руки мастер. И крыльцо гнилое заменить, и крышу перекрыть, а на месте канавы пруд выкопаю, и не только сами будем купаться, рыбу ловить, бельё полоскать, но и уточек запустим, пусть целуются...»

Евдокия Григорьевна еще не ложилась, собирая свое птичье хозяйство обратно в сарай, предусмотрительно поставив туда корытца с кормом и натяпанной мокрицей. Курицы приближались к дверям короткими перебежками, успевая на ходу порыться в земле. Утки, как и раньше, возвращались гуськом, усталые и довольные, словно отстояв с утра очередь в магазине, весь день потом полоскали в канаве бельё.

И только переделав все дела, зайдя в дом, она подумала об Иване Обручеве, не зная, как отнестись к его появлению. Она любила тишину в своем доме. Это была не настороженная, напряженная тишина, готовая оборваться, а ласковая, разлитая по дому подобно печному теплу, и любой звук, возникнув, тут же уютно сворачивался где-нибудь в уголке.

Но сейчас к привычным звукам шагов, скрипу половиц, шепоту утренних и вечерних молитв добавился еще один редкий звук. Евдокия Григорьевна плакала. Она сидела за столом под фотографиями свекра и свекрови, мужа, сына и невестки. Это были большие портретные снимки, увеличенные, отретушированные и вручную раскрашенные местными умельцами. Плакала она, жалея себя, жалея мужа Петю, убитого под Курском прямым попаданием снаряда в блиндаж. Как она молила Бога, как просила Матушку Заступницу, Николая Угодника Чудотворца уберечь хотя бы сына, воевавшего на Степном фронте снайпером. И отмолила. Все вместе они его уберегли...

Старик Иван Обручев растревожил, всколыхнул устоявшееся было прошлое, и оттуда, из навеки исчезнувшего, но такого дорогого мира, вернулись в ней воспоминания об их общей с Петей молодости, когда они под руку шли в городской парк на танцы. Вечер был теплый, и с каждым шагом все слышнее звучала музыка, пока не сверкали между деревьями, поверх голов танцующих, не ослепляли глаза медные трубы военного оркестра, играющего скорбный вальс «На сопках Манчжурии»:

Ночь подошла,
Сумрак на землю лег,
Тонут во мгле пустынные сопки,
Тучей закрыт восток.

Здесь, под землей,
Наши герои спят,
Песни над ними ветер поет,
И звезды с небес глядят.

Дмитрий Воронин

Поздравляем с 55-летием Дмитрия Воронина!

Уважаемый Дмитрий Павлович! Жизнь деревни в Ваших рассказах спрессованная, выверенная, реальная, будящая воображение и мысли читателя. В них сельские жители оказываются терпеливыми, мудрыми и милосердными. Ваши рассказы скреплены иронией и юмором, что дарит надежду на будущее, на прочность жизни.

Рассказы Ваши — это не обессиленный край бездны, не обмелевших в мысли россиянах, а о подспудном потенциале, о жажде колоссальной силы «прорыва вперед», тот подводный Китеж, который звонит колоколами на рассвете, чтобы напомнить — жив, хоть и невидим. Здоровья Вам и энергии, новых творческих удач!

Воры

Рассказ

Геннадий Михайлович Авилов привечал гостя.

Ещё вчерашним вечером, когда огромный красный диск холодного мартовского солнца только-только скрылся за горизонтом, у новосельцевского подворья заплясал свет автомобильных фар.

— Кого ж на ночь-то глядя к нам занесло? — стоя на крыльце, тревожно вглядывался в другой край Филипповки Авилов. — Никак воры к Сане за поживой наехали. Вот ведь нехристи, совсем уж без страха живут, почти в открытую безобразничают. Спугнуть бы как, — и Геннадий Михайлович протянул руку к выключателю.

Через мгновение его сторона деревни ярко осветилась множеством мощных ламп, развешанных тут и там вокруг авиловского участка. А ещё через минуту в кармане рабочей куртки, второпях наброшенной на плечи, зазвонил мобильник.

— Ген, ты дома?

— Саня, ты, что ли?

— Я, Ген, я. Вот приехал кое-чего забрать для дела, а тут, понимаешь, света в хате нет, и наладить не могу, в темноте не понять, в чём причина. Ничего, если до тебя доскочу? Хоть руку пожать.

— Так это, ещё спрашиваешь! Конечно, давай заезжай, — обрадовался нежданному гостю Геннадий Михайлович. — Только, это, осторожней дамбой смотри, тут у нас бобры безобразят, в нижнем пруду хатку сподобили, а может, и не одну. Есть там среди них один, видал его пару раз, зверюгу, варнак варнаком. Так дамбу пробил точняк посередке, что вода наполовину из пруда сошла. Там земля ползёт, поостерегись гнать-то, помаленечку езжай, с оглядкой, а то, не ровён час, скувыр-кнёшься в откос.

— Хорошо, Ген, учту. Сейчас и подъеду.

Ну, а уж Геннадий Михайлович гостя не упустил, сосватал у себя ночевать. Саша Новосельцев — гость всегда желанный, с почтением человек, и слушатель на Генины байки, каких ещё поискать. Да и гармонист забойный. Как растянет свою двухрядку да песню родную, добрую, русскую запоёт, слеза сама накатывает. Геннадий Михайлович слёз таких не стыдится, поёт песню, плачет и смеётся потом — как хорошо-то душу отмыл!

И в этот раз Александр в самый раз в Филипповке оказался. Авилов-то уже совсем заkis было, почти всю зиму проведя в одиночестве в деревне. Ну, бабка Марина не в счёт. Что с неё, сидит в дому у себя, на улице нос не высовывает. Только разве когда в морозный солнечный денёк выйдет

во двор поправить что-нибудь. Где штакетину набьёт, где снег чуток отгребёт с порога, на большее и сил-то нету. А поговорить с ней надумаешь, всё без толку, молчит да хмурится. Геннадий Михайлович, конечно, ей в зиму помощник первый и снег раскидать, и калитку, сорванную ветром, приладить. Когда дров принесёт, печку растопит, это если бабка Марина болеть налаживается. Тут и за лекарством на центральную усадьбу к фельдшеру, а то и за самим фельдшером на своей «Ниве» мотаться приходится. А так Филипповка пуста. Народ только в лето деревню заполняет. Ну что с него возьмёшь, одно слово — дачники.

Саша Новосельцев тоже из чудных. Приедет к себе по весне, грядку вскопает, навтыкает туда лук-чеснок, а летом ходит, любитесь, руки от удовольствия потирает.

— Ген, смотри, какой у меня урожай-то нынче наметился, — хвастает Авилову наливающимися луковицами знатный огородник.

— Да уж, — подыгрывает ему Геннадий Михайлович, — как раз по одной на каждый месяц. До следующей весны точно хватит. Проживёшь.

А по правде-то Новосельцеву недосуг землёй заниматься. Он всё больше пишет чего-то днями напролёт, а то и ночами свет в окошке подолгу горит.

И остальные дачники такие же. Одни песни поют-перепевают, другие картины рисуют. Вот Николай Климов, к примеру, спозаранку уже на крыльце. Ноги дальше не ходят, так он сядет на свой табурет и давай Филипповку срисовывать. И так он её родимую выписывает, что любо-дорого. А Андрей Непряхин, тот всё по полям да перелескам бегает. У него-то с ногами полный порядок, вот и гоняет, как чумной. То в одном месте с кисточками да красками возникнет, то в другом объявится.

А некоторые на гармони играют, но всё больше на гитарах.

Короче, летом в Филипповке весело, и ежу понятно, а вот зимой... И в особенности к апрелю, когда снег плывёт, а поля от льда отходят. По дорогам в это время ни пройти ни проехать, и в деревне потому полный «гитлер капут» наступает.

Вот Новосельцев в такой момент и рискнул.

— Я уже было подумал, что воры пожаловали, в такое время больше некому, — улыбался гостю Геннадий Михайлович, разливая по стопкам привезённую Новосельцевым водку.

— А что, наезжают, Ген?

— А то. По раз пять-шесть на месяц.

— Что-то часто больно, Ген?

— Почто часто-то, не часто вовсе. Нормально. Сам посуди. Вокруг Филипповки сколько полуброшенных деревень? Давай считать. Сосновка — раз, Ольховка — два, Речка — три, Конюховка — четыре, Пятихатовка — пять, Румяшино — шесть. Вот тебе с каждой в месяц по разу и объезд как на смотрины.

— Так неужто в каждой деревне воры живут?

— Ну так что ж, живут, как не жить. Колхозов нынче нет, хозяйства — где как, да и берут только твёрдых, что к делу приучены. А молодёжи что, коль ни специальности, ни работы? Вот только и воровать. Вот они и воруют. У себя в деревне да у соседей. А у нас в Филипповке уж само собой. Пусто же зимой, сам знаешь, нет никого. А в начале-то весны так и вовсе им благодать, и милиция не рискнёт в такую-то кашу-малашу.

— И не страшно тебе, Ген?

— Так чего не страшно, страшно порой. Но Бог милует. Ныне под Новый год наехали на двух машинах уже к вечеру. Вышел к калитке, а оне на меня: «Ну что, старый, деньги маешь, пенсию получил?» — «После праздников обещали, сынки», — отвечаю. «Брешешь, старый, — и по матерному на меня. — Кто там у тебя ещё, может, у них что есть?». А у меня на тот момент во дворе две машины стояло — «Нива» моя верная да женин «Мерс» лупоглазый, сломался перед её отъездом. Я Верку-то на своей вывез, а ейную машину потом откантовать решили, с оказией. Вот этот-то мерс и помог. Вижу, сомневаются оне что-то, ну, как бы с опаской поглядывают на тачку забугорную. Я и сообрази: «В дому, — говорю, — прокурорские в гости за мёдом заехали, счас спрошу, есть ли при них для вас гроши какие». Такое сказанул и в сени — шмыг. А у самого душа в пятки. Счас как за мной ломанутся, а у меня нет никого. Вот уж будет тогда, мама не горюй. Я хоть и крупной мужик, сам знаешь, — показал свои пудовые кулачищи Новосельцеву Геннадий Михайлович, — но всё ж их-то аж семеро. Топор в руки взял, он у меня вон за той дверью завсегда

стоит, и жду. Через минуту-другую с улицы моторы затарахтели, а потом смолкать стали издали. Храбрости набрался, вышел на порог, а их и след простыл. Только на взгорке, что на Конюховку выходит, свет от фар мелькнул.

— Да уж, Ген, — прищёлкнул языком Новосельцев, — выкрутился ты. Спугнул их знатно, сообразил. Потом-то не приезжали?

— Кто их знает. Может, и приезжали, но к моему дому не лазали.

— Получается, Ген, что не так уж сильно и тревожат вас тут эти воры, всё больше, видать, по пустым дворам шарятся. Так?

— Так-то так, Сань, эти-то особо не достают — воруют, что плохо лежит да что не шибко дорогое, зато уж другие — о-го-го как!

— Это ж кто ещё?

— О-о, Сань, тут целая напасть приключилась. Приселился к нам Чубайс — лихоимец со своей бандой, будь оне неладны, и разоряет тут всё кругом.

— К-х, к-х! — закашлялся Новосельцев, поперхнувшись куском тушёнки.

— Ну да, — постучал Новосельцева по спине Геннадий Михайлович, — бобёр-варнак, про которого я давеча сказывал, со всей своей семейкой. Здоровый, гад, мордатый.

— А что Чубайсом-то ты его прозвал?

— Так как же не Чубайс? Именно Чубайс, больше никак. Наглый такой же, как тот, всамделишный, и варнак, каких поискать ещё. Разбойник натуральный. Ты вот, Сань, завтра с утрачка-то прогуляйся по деревне, некоторых мест-то и не узнаешь. Вокруг прудков наших пройдишь, полюбуешься, что натворил, супостат, — раскраснелся от возмущения Геннадий Михайлович. — Воду с одного пруда уже наполовину спустил, где ты сегодня проезжал. Рыбы сколько из-за этого сгубил, выморил. А деревьев сколько сничтожил для своих запруд да хаток! Сплошной бурелом.

— И потому Чубайсом ты его?

— Ну, а как? Смотри, Сань, вот тебе пересчёт, — стал загибать пальцы Геннадий Михайлович. — Тот Чубайс страну обмишурил своими ваучерами? Обмишурил. Хозяйство, что отцы, деды своим потом и кровью создали, пустил в распыл? Пустил. И наш Чубайс таков же. Мы тут эти пруды всей деревней копали, выстраивали, чтоб и вода для колхоза была, и рыба на столе, и отдых с устатку. Не один год трудились, пока всё до ума довели. А этот лихоимец пришёл и в одну осень почти половину нашего труда сгубил. Это как? Мы сад кругом прудков садили, растили, а он со своей бандой тепереча всё кромсает, увечит. Ну как тот, настоящий, точная копия. Всё народное под себя подгрести и губят. Ломают ради своих прибылей, ради хаток-дворцов да утех-веселух. Да и в отношении простого люда... Смотри. Вот помнишь, когда всё в тран-тарары покатилося, сколько народу сгнуло? Тысячи тысяч, небось. Кто с пьянства да зелья всякого, кто от безнадёги, кто от нервов да болезней, а кто и от голода-холода. И у нас тут та ж картина. Наш-то Чубайс сколь рыбы сгубил! Знаешь, какой тут замор был по осени из-за упадка воды? Воняло с недели две на всю деревню, пока птицы да зверьё всякое всю эту гниль не прибрали. Так что верное у нашего варнака имя, самое то.

— А изловить пытались?

— Ну а как же! И капканы ставили, и ловушки, и в засаде с ружьём Иван Макуихин сидел, я его специально вызвонил. Уж он-то по бобрам спец спецом, а и ему не совладать с Чубайсом оказалось. Только молодых изловили двоих, а Чубайса так и не взяли. Хитёр варнак. И злой! Опасный, чёрт. Так он ещё и по подворьям повадился, то ли в отместку, то ли куражится. У кого яблоню-грушу сгубит, у кого к припасам приступится. Глаза завидующие; мало ему прудов, всю деревню подавай, хозяином тут себя выставляет. Ну, ничего, я его всё равно подловлю! Не место Чубайсам на нашей земле.

— Ишь ты, как всё подвёл, — восхищённо присвистнул Новосельцев.

— А как, Сань? Эти ж воры — всем вора вору. Страшнее-то их и нет никого. Супостаты-разорители. Простой-то вор скрадёт что, урон-то на день-другой. Через неделю или месяц, глядишь, и выправится. А этот, ты вот посмотришь, нагадил так, что и годы пройдут — не наладишь.

— Ты это про кого?

— Да про бобра своего, Чубайса.

— Гляди-ка, Ген, — рассмеялся Новосельцев, — он у тебя уже и свой.

— Ну а то ж, — улыбнулся в ответ Геннадий Михайлович, — чей же ещё. Свой, варнак, свой. Это

тот, что в столицах, может, американский, а наш свой, не забугорный. Вот только как его извести, погубителя, пока придумать не могу.

— А ничего, Ген, не переживай шибко. Скоро лето, в Филипповку со всех сторон ребята наши съедутся, вот тогда всё и решим. Найдём на твоего Чубайса управу всем обществом.

— Вот и хорошо, Сань, вот и хорошо, — разлил по стопкам остатки водки Геннадий Михайлович, — всем миром-то мы его точно прищучим! Против мира-то он пшик один, не извернётся. Вот так бы и в стране, всем миром-то, а, Сань? Глядишь, и извели бы супостатов-лихоимцев под корень. Вот бы так-то! За это и по стопарику не стрёмно!

Наутро проснувшись и позавтракав доброй яичней с салцем, Новосельцев начал разговор о поездке в Румяшино на усадьбу известного писателя, как вдруг неожиданно перевёл тему.

— Ген, или мне показалось, будто проехал кто за окном?

— Не, Сань, не показалось, жигулёк проскочил.

— Жигулёк? — удивился Новосельцев. — А какой модели, Ген?

— Да вроде «пятёрочка».

— Это по такой-то дороге? Герои, видать!

— Да какие герои, Сань, — досадливо отмахнулся Геннадий Михайлович, — воры это обыкновенные.

— Да ты что, откуда знаешь?

— Знаю. Кому ещё тут надобно в такую пору. Я уж все их тачки давно вычислил.

— Так, может, в полицию сразу отзвонить?

— Да ну их! Нет смысла, Саня. Воры-то наши машины срисовали. Знают, деревня не пустая, лазать не будут. Уехали уже. А полиция... Так пока всколыхнутся, а то и вовсе не пошевелятся. Им эти ребята без интересу, что с них взять. Они ж и ташут-то рухлядь всякую на пару сотен рублей, чтобы на бензин да на выпивку хватило, хороших-то вещей на зиму почти никто не оставляет. Ты ж не оставляешь?

— Нет.

— Вот. А полиция только за теми гоняет, кто разбойничает да ворует по-крупному.

— Ген, если они только мелочь всякую воруют, то откуда у них машины?

— Чего ты, Саня, не машины, название одно! Так купили за копейки у пенсионеров каких, да и добивают их окончательно по нашим бездорогам.

Через час «Нива-Шевроле» Александра Новосельцева вместе с Геннадием Михайловичем выехала из Филипповки в сторону Румяшино. Машина шла полем, изредка заезжая в берёзовую лесополосу. Новосельцев выбирал участки, что не успели раскиснуть под весенним солнцем, и в то же время старался не заехать в сугробы, наметённые за зиму. «Ниву» постоянно бросало из стороны в сторону, и не мудрено — передвигаться приходилось то по прошлогодней пахоте, то по валежнику, скопившемуся у опушек и лесополос. Но Новосельцев мастерски вёл свой внедорожник. И вот когда до трассы оставалось километра два-три, путники одновременно увидели бордовый жигулёнок, плотно засевавший в расплывшемся чернозёме по самое брюхо. Вокруг него бестолково суетились два молодых парня, уже сильно извозившихся в грязи.

— Во влипли, так влипли. Намертво! Без буксира тут ну никак. Помочь надо бы, — повернулся к водителю Геннадий Михайлович. — Давай, Сань, заворачивай.

«Нива» сбавила обороты и на тихом ходу осторожно подъехала к застрявшему старенькому жигулёнку.

— Чего, парни, завязли, гляжу, вы основательно. Это ж как вам в голову пришло — в самую низину заехать, да ещё на такой машине? — обошёл жигулёнок Геннадий Михайлович.

— Да, понимаешь, батя, — обрадовались возможной помощи парни, — мы вроде и не гнали чтоб очень, но вон там, на взгорке, откуда вы подъехали, нас повело. Может, близко к краю подались, ну, и прямо на эту проталину вынесло. А нам нет чтобы тут же движок заглушить да лесин от полосы под колёса натаскать, так мы в обрат ещё и по газам. Ну вот, и полный аншлаг в итоге. Теперь таскай не таскай, один чёрт — не поможет. Может, вы подсобите, а, отцы? Подтолкните чуток машинку.

— Не, сынки, — покачал головой Геннадий Михайлович, — толкать не станем. Вон мы в каких одеждах, по делу важному едем. А вас толкни — назад развертайся, мойся, переодевайся. Времени нету и желания.

— И что нам теперь? — сникли парни.

— Как что? Трос доставайте, на подцепе спробуем.

— Ох, точняк, батя, — засмеялся один из парней и повернулся к товарищу. — Колян, давай верёвку.

Колян открыл багажник и, с минуту погромыхав в нём, растерянно произнёс:

— А нету.

— Верёвки нету? — удивлённо уставился на него напарник. — Колян, я ж тебе ещё с вечера заказал приготовить. Припух совсем?

— Отвали, Андрюха, не накатывай! Я что, обо всём помнить должен? Это приготовь, то положи. Я тебе лох, что ли? Сам бы и налаживался, если такой умный. А то привык — Колян это, Колян то!

— Я так понимаю, нету троса, сынки, — насмешливо прищурился Геннадий Михайлович. — Что ж вы этак ездите по бездорогам и буксира не имеете? Эх, молодёжь, учить вас некому. Сань, доставай уж свой, чего теперь.

Новосельцев виновато развёл руками.

— Ген, так и у меня нет.

— Сань, да как же так, а? Я тут этих охломонов костерю, а ты тоже без башки ездешь!

— А мне на Ниве-то трос зачем? Я и так вылезу.

— И как теперь-то? — загрузили парни.

— Ну как, как, — сдвинул на лоб шапку-ушанку Геннадий Михайлович, — а никак. Сидите тут да и кукуйте пока что, нас ждите. Мы сейчас до деревни проскочим — тракториста какого кликнем, к вам подошлём. А не будет трактора, так трос найдём и сами приедем. Только дела свои ещё сделаем. А не хотите ждать, тогда сами дотопайте до жилья, тут километра полтора до первой хаты будет, рядом почти.

— Не, батя, спасибо, мы подождём, — смахнул ком грязи с капота жигулёнка Андрюха, — вам скорее дадут, а нас могут и подальше куда отправить.

— Ну, тогда ожидайте, — закрыл за собой дверцу «Нивы» Геннадий Михайлович.

— Вы уж, отцы, про нас не забудьте там в суете, а то замёрзнем, как французы под Бородино, — донеслось вслед удаляющейся машине.

— Слыхал, Ген, замёрзшие французы под Бородино! — чертыхнулся Новосельцев. — Историки, итить их, чему в школе только учились!

— А может, и не учились, Сань, в школе-то. По ним видать, что на девяностые учиться-то выпало, а кто там на них внимание-то обращал. В других местах их уму-разуму учили, другую науку в головы им втолковывали.

— Так получается, что парни-то эти, те воры, которые мимо нас поутру проскочили?

— Ну, а кто ж ещё? Да и узнал я этого, которого Андрюхой звать. Он нынешней зимой несколько раз крутился по деревне, видал его.

— Так, может, того, Ген, ну их! Что, мы им обязаны, что ли? Сам говоришь, что воры, так и чего помогать.

— А воры что, не люди, что ли? Э, нет, Саня, надо помочь. А как же?

— Ген, так ты им поможешь, а они опять тебя за шкирятник?

— Не-е, Сань, не станут, у них тоже совесть своя имеется! Это ж не Чубайс какой, что вовсе без совести. У нормальных воров её никто не отменял. Да и что мы, не русские с тобой, что ли, а, Сань?

— Русские, Ген, конечно, русские!

— Вот то-то и оно, Сань, что русские. А какой же русский-то в беде человека оставит? Да ещё и своего же, такого же русского. Не по-русски будет! Так что поехали по-быстрому дела делать. А то ещё и вправду наши воры замёрзнут, к вечеру-то морозец студёный обещали.

Проза

Владимир Яцкевич

Владимир Антонович Яцкевич — профессор кафедры физики Вологодского государственного педагогического университета, доктор технических наук. Автор ряда рассказов и книг, где затронуты им наблюдения о жизни современного человека, о пути к Истине

Горлица

Опять пришло письмо из этой конторы. Как хоть она называется? Вот как: «Международный центр финансирования полезных идей». В этот раз пишут как-то уж очень почтительно: «...знакомы с Вашими публикациями, высоко ценим Ваш талант и способность к выдающимся достижениям в области техники». Да, знают, как польстить нашему тщеславию.

Игорь оторвался от компьютера, прошёлся по опустевшей квартире. Непривычно и тоскливо было одному. Дочь-студентка уехала в экспедицию в Сибирь. Сын служит в армии. Жену он вчера отвёз в деревню, где они обычно проводят летний отпуск, и сам через неделю собирается присоединиться к ней. А до этого предстоят сумасшедшие дни — завершающий этап сдачи изделия.

Он снова сел за компьютер и задумался. Может быть, отправить в этот настырный Центр что-нибудь из своих старых задумок. А вдруг что-то заплатят. Деньги сейчас ой как нужны: дочка собралась замуж, да и кредит за автомобиль ещё не выплачен. Вот что можно послать: способ передачи энергии направленным пучком радиоволн. В Японии уже летают небольшие сторожевые вертолёты, в которых двигатель снабжается энергией за счёт наземного радиопередатчика. Но радиус действия такой энерголинии не велик: слишком много энергии рассеивается в пространстве. Как-то, лет пять назад, ему пришла в голову мысль, как можно сфокусировать радиолуч на большое расстояние. Тогда он направил заявку на изобретение, но экспертиза потребовала экспериментальное обоснование. Заниматься этим у него не было ни времени, ни средств, и он отложил свою идею до лучших времён. Игорь нашёл в компьютере свою старую заявку, скопировал аннотацию и нажал на табличку «отправить». Всего лишь лёгкое нажатие на клавишу мыши... Но если бы он знал, какие события за этим последуют, то ни за что не стал бы этого делать.

Игорь жил в крупном областном городе и работал на предприятии, связанном с оборонной промышленностью. Он занимался разработкой радиолокаторов для противоракетной обороны, то есть участвовал в том вечном противоборстве, которое не прекращается на протяжении всей истории человечества. Это — соперничество между мечом и щитом, снарядом и бронёй, баллистической ракетой и радаром с противоракетой.

Он знал, что за его электронной почтой могут следить те, кто обязан предотвращать утечку информации. Но тот материал, который он собирался отправить, имел совершенно открытый характер.

Удивительно, но ответ пришёл в тот же вечер, несмотря на позднее время. «Тематика очень актуальна. Не откладывая, присылайте Ваш проект полностью. Решение будет принято нами в течение пяти дней после получения Вашего материала».

Игорь подправил кое-что в тексте старой заявки и послал его нетерпеливому адресату. Реакция последовала уже на следующий день, причём в совершенно неожиданной форме. Когда он после работы сел в машину, чтобы ехать домой, перед ним вдруг возникла элегантно одетая женщина в тёмных очках. Ослепительно улыбаясь, она сказала:

— Здравствуйте Игорь Васильевич. Я из Международного центра, куда Вы отправили свой проект. Сейчас он на экспертизе. Я уверена, что Вы получите положительное решение и соответствующее вознаграждение. Но у меня есть ещё одно предложение. Позвольте мне сесть в ваш автомобиль.

Он позволил. Видно, эта дама специально караулила его, а ведь он задержался на работе на целый час. Салон его «десятки» был явно бедноват для такой роскошной красавицы. Судя по её сму-

гловатому, словно глянцевого, лицу, в ней смешались европейская, азиатская и негритянская кровь. Это было живое воплощение мечты шолоховского Макара Нагульного, который говорил, что после мировой революции «не будет ни белых, ни чёрных, а будут все приятно-смуглявенькие». Игорь покосился на красивые, с коричневатым оттенком колени и лишь наполовину прикрытые юбкой бёдра. Впрочем, всё это мало волновало измотанного за рабочий день Игоря. А вот последующий разговор заставил его покрыться испариной. Говорила эта особа по-русски без всякого акцента, только как-то монотонно и слишком уж правильно строила фразы.

— Игорь Васильевич, нас очень заинтересовала ваша недавняя статья о принципах многоцелевой радиолокации. Мы знаем, что вы один из разработчиков нового радара для слежения за разделяющимися боеголовками.

Она внимательно посмотрела на Игоря сквозь темные очки и продолжила:

— Нам нужна информация об этом радаре: схема, конструкция, тактико-технические данные. Всё это будет хорошо оплачено. Ваш гонорар составит десять ваших годовых окладов.

Игорь был ошеломлён. Видеть шпионов, да ещё в таком обворожительном виде, ему не пришлось. Про такие шпионские страсти он только читал, да подростком смотрел в кино. Вот как они теперь работают: зацепились за его статью в академическом журнале. Там же указан и адрес его электронной почты. Он долго добивался разрешения на публикацию этой статьи в открытой печати. Противился начальник режимного отдела, никак не мог взять в толк, что в статье только чистая теория. Согласился только тогда, когда Игорь принёс американский журнал со статьёй по той же тематике.

Что же ответить этой самоуверенной бабёнке? Что он давал подписку не разглашать эти сведения, поскольку они являются государственной тайной? И что никакие гонорары не заставят его нарушить это обещание? Он ответил проще:

— Вы обратились не по адресу. Я ничего об этом не знаю.

— Игорь Васильевич, мы хорошо осведомлены о вашей работе. И ещё о многом в вашей жизни. Помолчав, она добавила:

— Здесь неудобно разговаривать. Пригласите меня в гости на чашку чая. Я уверена, что мы поймём друг друга.

Её и без того высокая грудь вздымалась, показывая волнение.

— Дома меня ждёт жена, — сказал Игорь, делая акцент на слове жена, будто обороняясь им от соблазна.

— Да? — она смотрела на него с легкой улыбкой, как на завравшегося мальчишку.

— Прошу вас выйти из машины, — сказал он довольно грубо.

Она пожала плечами и на прощание сказала:

— О нашем разговоре прошу никому не говорить. Это в ваших интересах. А если всё-таки согласитесь с моим предложением, то отправьте на известный вам электронный адрес повторно аннотацию вашего проекта. И я вас найду.

Он видел, как она села в шикарный автомобиль и укатила. Посидел ещё минут пять, успокаиваясь, и поехал домой.

Дома, уже лёжа в кровати, он в который раз перебирал в уме минувший разговор. Согласно инструкции, он завтра с утра должен сидеть в отделе режима и писать объяснительную записку о происшедшей встрече. Но делать это ему не хотелось — то ли действовали чары обворожительной шпионки, то ли неприязнь к ЧК — НКВД — КГБ, сложившаяся в молодые годы благодаря чтению Домбровского, Шаламова, Солженицына.

«Интересно, почему они пристали именно ко мне, руководителю среднего звена, — думал он. — Ведь есть начальники повыше рангом, знающие больше меня. И, вообще, зачем они сунулись в наш провинциальный институт, ведь в Москве есть головное предприятие, которое курирует все работы по этой тематике. Может быть, они экономят деньги, ведь в провинции можно всё купить дешевле. Или в Москве они успели засветиться».

Наконец, выпив двойную дозу корвалола, он заснул.

Следующий день прошёл в привычной суете. Радовало то, что представитель заказчика подписал акт полигонных испытаний. Это означало, что серьёзных изменений в документации больше не будет. Остаётся бумажная канитель, которую вполне можно завершить к концу недели и спокойно уйти в отпуск.

Вечером он сидел у себя дома и набрасывал текст документа, который завтра предстояло оформить. Раздался звонок в дверь. Открыв её, он увидел черноволосую женщину в длинном чёрном платье. Пристально глядя на Игоря, она сказала:

— Мне нужен Борис Чагодаев.

— Вы ошиблись, здесь такого нет, — отвечал Игорь.

— А здесь? — она показала на соседнюю дверь.

— И здесь тоже нет, вообще на нашей площадке такого нет. Насчёт других этажей не знаю.

Он закрыл дверь и облегчённо вздохнул. А то ведь сначала подумалось: не очередная ли шпионка. Вид у неё какой-то странный. Он даже подошёл к окну, чтобы взглянуть на неё, когда она будет выходить из подъезда. Но никого не увидел.

Позже он пошёл выносить мусор и с удивлением увидел, что на полу у дверей насыпаны мелкие бумажки. «Странно, — подумал он. — Кто это так мусорит?». Он взял веник, совок и подмёл, заметив при этом, что на бумажных клочках видны обрывки написанных слов. Раздумывать об этом было некогда, он снова сел за работу и в тот вечер улёгся спать пораньше.

Проснулся он среди ночи от сильной головной боли, какой у него никогда не бывало. К своим пятидесяти годам особым здоровьем он похвалиться не мог, но головными болями или гипертонией никогда не страдал. А тут голову словно сдавило стальным обручем. Он встал, шатаясь, побрёл на кухню и долго рылся в коробке с лекарствами, вспоминая, что принимала жена «от головы». Приняв таблетку баралгина, он снова лёг, ожидая улучшения. Перед глазами возникла женщина в чёрном, пронизывающий взгляд её чёрных, как угли, глаз. Не она ли его околдовала? И ещё вспомнилась фамилия, которую она называла — Чагодаев. Что-то знакомое.

И тут он вспомнил: Боря Чагодаев — это же его однокашник, который погиб, когда они работали в стройотряде после третьего курса. Они меняли провода на линии электропередачи, и в тот роковой день на опору должен был забираться Игорь, но он накануне поранил руку. Вместо него полез Боря, а кто-то на подстанции по ошибке включил ток, и Борю убило наповал. А теперь некая особа ходит, ищет Борю, но приходит почему-то к нему, Игорю. Мистика какая-то.

Голове не становилось лучше, а наоборот, боль распространялась на шею. Кроме того, стала немать левая нога. Игорь испугался не на шутку. Он вспомнил, как лет десять назад у негохватило печень, и он посещал дневной стационар в своей поликлинике. Утром приходил, вручал медсестре ампулы с лекарством и лежал под капельницей рядом с такими же, как он, горемыками. Потом получал свою порцию уколов в мягкое место и возвращался домой долёживать. Медсестра, жгучая брюнетка лет сорока, была очень разговорчивой. В первый же день увидел на груди у Игоря крестик, она принялась ругать священников, причём делала это долго и настырно. Говорила она, что священники ездят на дорогих иномарках, что среди них много бывших осведомителей КГБ, что церковь торгует водкой. В общем, повторяла те байки, что придумали журналисты и телевизионные шоумены, которые видели в Церкви своего врага, способного отвлечь людей от греховных зрелищ на телеэкранах. Произносила она свой монолог как-то уж слишком страстно, стоя посреди комнаты и энергично жестикулируя.

Игорь незадолго до этого крестился в православную веру, и слушать всё это было для него тяжело, а спорщик из него, больного, был неважный. Хоть и был он новообращённым, но знал, что большинство священников со своими многодетными семьями живёт очень скромно; что из всех социальных слоёв священнослужители больше всего пострадали от большевистских репрессий; что КГБ внедряло своих людей под видом церковных старост, чтобы те доносили на священников и прихожан. А торговля водкой — это выдумка журналиста, увидевшего на водочной этикетке изображение храма.

Пролечившись так пять дней, он не почувствовал никакой перемены к лучшему. Пришлось лечь в обычную больницу. Там после первой же капельницы с тем же лекарством, взятым из той же коробки, ему сразу стало лучше. Во всем этом тоже была какая-то мистика.

Вспомнив эту историю, Игорь стал читать Иисусову молитву и, в конце концов, уснул. Проснулся он в 6 часов, на час раньше обычного. С ногой, слава Богу, было всё нормально. Боль в голове не прошла, но, по крайней мере, хуже не стало. Он встал, заварил крепкого чая, и медленно пил, чувствуя, как в голове понемногу проясняется.

В 7 часов зазвонил сотовый телефон. Звонила Татьяна, жена, будто что-то почувствовала. Ска-

зала, что решила вместо утренней зарядки прогуляться на холм. Их деревня находилась в низине, и поэтому была вне зоны действия сотовой связи. Желаящим позвонить приходилось подниматься на холм. Игорь поведал о явлении чёрной женщины и о своих ночных мытарствах.

— Слушай, Игорь, — встревожено зачастила Татьяна в трубку, — от нечистой силы молятся мученикам Киприану и Иустинии. Там у меня на полочке найдёшь молитву, она распечатана на отдельном листе. И читай немедленно.

После обычного утреннего правила он стал читать молитву для защиты от нечистой силы. Особенно утешили его слова: «Кто думал и делал — возьми их зло обратно в преисподнюю».

На работе он сначала с трудом перемогался, но, втянувшись в неотложные дела, обнаружил, что боль почти исчезла. А на другой день утром его снова ждал сюрприз. Он ехал на работу, хорошо выспавшись, и чувствуя себя вполне здоровым. Когда он стоял перед светофором, бок о бок с его автомобилем остановился высокий джип. Игорь повернул голову и вдруг увидел на заднем сидении джипа ... свою жену. Стёкла были слегка затемнены, но он отчётливо видел знакомый профиль, знакомую причёску. Даже её кофта с треугольными узорами была хорошо видна. Джип сорвался с места и исчез, а Игорь сидел ошалевший, не слыша раздававшихся сзади гудков. Лишь когда он заметил, что машины его объезжают, а водители бросают на него сердитые взгляды, он взял себя в руки и поехал.

Зайдя в свою лабораторию, он прежде всего позвонил Татьяне, но услышал: «Абонент не доступен». Тогда он стал звонить в деревню старушке-соседке на домашний телефон, но никто не брал трубку. Всё валилось у него из рук. «Совпадение какое-то, или просто померещилось», — успокаивал он себя. Вернувшись с работы домой, он заглянул в шкаф Татьяны в надежде увидеть кофту с треугольниками, но кофты не было. Он сел за стол и попытался отвлечься работой. В десятом часу, наконец-то, позвонила Татьяна.

— Ты где сейчас? — чуть не крикнул он в трубку.

— На холме, конечно. Наблюдаю закат солнца. Сегодня, кстати, самый длинный день в году.

— А ты сегодня не была в городе?

— В каком ещё городе, Игорь? Что ты такое говоришь?

— Шучу. А ты там не мёрзнешь?

— Нет, у нас жара.

Игорь верил жене, она, вообще, была не способна лгать. И все-таки он схитрил.

— Я слышал, скоро будет похолодание. Тебе взять теплые вещи?

— Не надо, у меня все есть.

— А кофту, ну ту, нарядную, с треугольниками ты тоже взяла?

— Нет, она дома.

— А я её в шкафу не видел.

— Какой-то ты Игорь странный. Переработал, что ли. Давай-ка приезжай поскорее ... А кофта в большом чемодане лежит.

Закончив разговор, он нашел чемодан, открыл его и увидел кофту. «Опять какая-то мистика», — подумал он, но вздохнул с облегчением.

Зазвонил домашний телефон. Игорь услышал уже знакомый ему монотонный женский голос.

— Игорь Васильевич, поздравляю вас. Ваш проект одобрен. Вы можете зайти к нам в офис, оформить договор и получить свой гонорар. И я надеюсь, вы всё-таки примете моё предложение.

При последних словах в голосе появились металлические нотки.

— Оставьте, наконец, меня в покое! — крикнул он и бросил трубку. — Нет, надо всё-таки сообщить куда следует, иначе не отстанут, — думал он, взволнованно расхаживая по комнате.

На другой день он зашел в кабинет к начальнику отдела режима и кратко, без подробностей, рассказал, как после работы его подкараулила неизвестная особа и просила передать ей сведения о новом изделии. Старый чекист крякнул от волнения и положил перед Игорем проштампованные листы бумаги.

— Вы должны написать служебную записку и подробно всё это изложить.

— Ничего я писать не буду! — запальчиво отвечал Игорь. — У меня на работе аврал, а я здесь буду изложение писать! Это ваша забота следить, чтобы вокруг института не шастали шпионы. Они же пасут нас, как гусей. Зовите сюда того, кто отвечает за это дело, я ему всё подробно расскажу.

Игорь увидел устремлённые на него злые глаза. Да, раньше этот деятель мог запросто стереть его в порошок. Ничего, времена теперь другие.

В конце рабочего дня Игоря вызвали в отдел режима. В кабинете начальника сидел высокий моложавый мужчина в аккуратном сером костюме с галстуком. Он представился Валерием Петровичем и крепко пожал Игорю руку, внимательно вглядываясь ему в лицо. Хозяин кабинета оставил их одних, и Игорь чистосердечно поведал о своих контактах с Центром новых идей, начиная с переписки по электронной почте. О мистических историях, которые с ним произошли, он умолчал, решив, что они будут восприняты, как игра больного воображения.

Валерий Петрович молча выслушал его, потом попросил подробнее описать внешность дамы, интересующейся радаром. Наконец, он выключил лежащий на столе диктофон, и сказал:

— Этот Центр давно у нас на примете. Источник финансирования пока не ясен, но, скорее всего, это ЦРУ. Прямых доказательств их разведывательной деятельности у нас до сих пор не было. Так что спасибо вам, вы поступили как честный человек.

— Я, по правде сказать, не думал, что у современных шпионов такие примитивные методы: приставать к работникам почти у самой проходной, — сказал Игорь.

— Ну конечно, основной сбор информации у них идёт по другим каналам. А на прямой контакт с работниками они идут, когда уверены в успехе, например, при возможности шантажа или, когда видят, что человек сильно нуждается в деньгах. Но с вами у них вышла осечка.

Валерий Петрович изучающе посмотрел на Игоря и продолжал:

— А эту смуглую красотку я, кажется, лично знаю. Встречался с ней в Чечне. Она там орудовала по линии международной гуманитарной помощи, опекала комитет солдатских матерей. Ну, помните, эти мамы шли за своими сынками, сопли им утирали, не давали воевать. Так вот, эта дама — особа очень одарённая, владеет гипнозом и другими средствами психологической обработки.

— Да, этим они владеют, — задумчиво сказал Игорь, непроизвольно потирая виски. А про себя подумал: «Но молитва всё-таки сильнее».

Валерий Петрович тоже задумался. Лицо его изменилось на глазах. Игорь увидел перед собой немолодого, усталого, озабоченного человека. Неожиданно он заговорил медленно, с доверительной интонацией:

— А вообще, утечка идёт постоянно, и перекрыть её мы не в силах. НАТО приближается к нашим границам, и всё наше стратегическое вооружение у них под контролем. Наши шахты с пусковыми установками мы уничтожили с их помощью. Подводных лодок стратегических у нас — раз, два и обчёлся. Мобильные комплексы типа «Тополь» они отслеживают со спутников. Был у нас замечательный вид вооружения — пусковые установки, замаскированные под вагоны. Прицепляют такой вагон к любому железнодорожному составу, и ездит он себе вместе с боевым расчётом. С виду обычный товарный вагон, а по команде за 10 минут межконтинентальная ракета принимает вертикальное положение и готова к пуску. Колесили такие вагоны по всей стране, и координаты их не знали даже на центральном командном пункте. Американцам эти неуловимые ракеты не давали покоя, и они уговорили Ельцина их уничтожить. Что он и сделал. А что касается наших средств противоракетной обороны ... Ну, об этом вы знаете лучше меня. И как только что-то новое у нас появится, они тут как тут. Как мухи на варенье.

Мировоззрение «бойца невидимого фронта» заинтересовало Игоря.

— А как по-вашему, Валерий Петрович, почему холодная война продолжается, ведь с уходом коммунистов разница в идеологиях между Россией и Западом исчезла? А противостояние остаётся.

— Идеология тут не причём. Между государствами всегда имеется геополитическое соперничество: стремление к территориям, к ресурсам, к рынкам сбыта. Поэтому и опасность войн будет всегда. А чтобы жить мирно, надо иметь хорошую армию. У сербов и иракцев были старые зенитные орудия, поэтому американские летчики бомбили Белград и Багдад с высоты 20 км, находясь в полной безопасности, будто играли в компьютерные игры. Если бы у России не было современных средств обороны, то прилетели бы и к нам под благовидным предлогом, например, опасаясь за состояние наших ядерных арсеналов или просто учить нас демократии. Ещё бы, ведь у нас томят в тюрьме Ходорковского, а это пахнет антисемитизмом. И запрещают гей-парады — ой как не демократично!

Валерий Петрович достал из кармана пачку сигарет, поискал глазами пепельницу и, не найдя её, сунул пачку назад.

— А идеология — это лишь средство борьбы. С помощью антисоветской пропаганды сформировали у нас колонну диссидентов, наиболее влиятельных взяли на зарплату и разрушили великую державу. Устранили конкурента на мировой арене. Сейчас Россия по территории стала такой же, как Московское царство времен Ивана Грозного. Ее годовой бюджет меньше, чем военный бюджет США. Экономика держится за счет продажи нефти и газа, причем большая часть от проданных ресурсов идет в карман олигархов. Население вымирает. Что будет дальше с Россией, один Бог знает.

Игорь решил процитировать классика:

— Розанов на это счёт говорил, что легко любить Россию сильную, богатую, а ты попробуй любить ее, когда она лежит униженная, нищая, обглоданная жадными проходимцами.

Они помолчали. Игорь понимал, что быть до конца откровенным его собеседник не мог, и, всё-таки, он чувствовал в нём близкого по духу человека.

— В общем, с понедельника мы за этот Центр возьмёмся, — сказал Валерий Петрович. — Только вот что: когда мы это гнездо начнём ворошить, возможны всякие эксцессы ... Короче, вам бы Игорь Васильевич, на всякий случай, лучше на время уехать из города. Хотите, я поговорю с вашим начальником, чтобы вас отправили в командировку на недельку.

Игорю показалось, что специалист по разгрому шпионских гнёзд смотрит на него сочувственно.

— Нет, не надо. Я и так завтра уйду в отпуск и уезжаю. А что, они такие мстительные?

— Нет, просто вы для них опасны как свидетель.

На прощание Валерий Петрович крепко пожал ему руку.

— Ещё раз огромное вам спасибо. Таких людей, как вы, к сожалению, не много. Но на таких и держится наша страна...

Игорь пришел домой в дурном настроении.

— Вот ведь влип в историю, — думал он, собирая вещи в дорогу. — Выходит, меня теперь могут ликвидировать как опасного свидетеля. Нет, все-таки зря я связался с ФСБ. Защитить меня они не могут. Уезжай, говорят, подальше. Не беспокойтесь, уеду в такую глухомань, что ни ЦРУ, ни ФСБ меня не достанет.

* * *

В субботу утром он выбрался из шумного загазованного города и мчался на своей «десятке», наслаждаясь солнечной погодой и хорошей дорогой. Обо всём происшедшем в минувшую неделю он старался не вспоминать, но отделаться от мрачных мыслей не мог. «А вдруг они и сейчас следят за мной? Не хватает ещё привезти их в деревню». Он снизил скорость, но в зеркало заднего вида не увидел, чтоб какая-нибудь машина плелась за ним. Вдруг его кольнула мысль: «А жучки? Что им стоило прилепить к моей машине «жучок-навигатор» и отслеживать моё перемещение. Не зря шпионка на прощание мне сказала: я вас всегда найду».

Он остановился у придорожного кафе и занялся осмотром машины. Подстелил на землю старую куртку и, заглядывая под днище, перемещался по периметру. — «А эфэсбэшник-то каков! — бормотал он. — Мог бы и подсказать про «жучок», да и найти его для них — раз плюнуть, с их-то аппаратурой. А теперь вот ползай тут, как червяк». Ничего не обнаружив, он выпил из термоса крепкого чая и хотел было уже продолжать свой путь, но какому-то наитию подошёл к переднему бамперу и, заглянув в щель между номерным знаком и бампером, увидел чёрную пластинку с усиками. «Вот он, родимый!» — обрадовался Игорь и, орудуя отвёрткой, достал «жучок». Сильно замахнувшись, он бросил его в кусты. — «Теперь ищите меня там», — со злорадством подумал он.

Ещё час пути по хорошему шоссе, и вот она — автобусная остановка и знакомый поворот. Теперь два километра по грунтовке и Игорь въезжает в родную деревню. Вообще-то, родная она для Татьяны, но и для него, Игоря, выросшего в офицерской семье, не имеющей корней, как не имеет их перекасти-поле, эта деревня тоже стала малой родиной.

Они поженились ещё студентами, и тогда Татьяна впервые привезла его сюда познакомить с матерью. Он увидел новый, неизвестный ему мир, мир людей, живущих в естественном природном окружении. Потом были путешествия по необъятной стране, позже — поездки по святым местам.

Всё это сильно повлияло на мировоззрение Игоря. Постепенно исчезала та диссидентская шелуха, что занеслась в его голову благодаря различным радиоголосам и чтению самиздатовской и тамиздатовской литературы. Образ России — злой мачехи заменился образом Родины, которую создавали его предки, и в которой предстояло жить его детям и внукам. Он приветствовал уход коммунистов с их лживой идеологией, ожидая, что вместо колхозов на селе появятся, как встарь, вольные хлебопашцы с крепкими хозяйствами. В этом он видел залог преобразования России, ведь крестьяне, любящие свою землю, всегда составляли становой хребет огромной страны. Их руками создавалась страна, они защищали её от нашествий врагов, они давали ей творчески одарённых людей. Как-то Игорь, читая биографии выдающихся российских учёных, обнаружил, что почти все они вышли из крестьян.

Однако никакого возрождения села не произошло.

Игорь ехал по длинной деревенской улице. Эта деревня была когда-то центром крупного колхоза. Теперь об этом напоминают развалившиеся фермы, остатки мастерских и гаражей, покосившаяся водонапорная башня. Поля вокруг, где когда-то колыхалось изумрудное море льна, теперь зарастают бурьяном и кустарником. Земля оказалась никому не нужна.

Вообще-то, деревней в традиционном смысле это большое, в сто дворов, поселение теперь не назовёшь. Жители, как дачники, возделывают лишь небольшие огороды, почти никто не держит домашней скотины. Бывшие крестьяне ныне промышляют вырубкой леса, сбором ягод и грибов. Наиболее предприимчивые делают срубы и везут на продажу в Подмосковье. Вырученных денег да пенсий кое-как хватает на продукты, которых, на счастье, в местном магазине хватает. Теперь деревенские едят то же, что горожане: колбасы, изготовленные из замороженных туш, привезенных из Германии, пьют молоко, сделанное из порошка, доставленного из Голландии. Своё сельское хозяйство у нас развалено, продукты закупают за счёт продажи природных ресурсов. Надолго ли их хватит?

А вот и его дом — высокий пятистенок, срубленный когда-то отцом Татьяны. Вот и сама Татьяна идёт навстречу, открывает ворота. Игорь вышел из машины и обнял жену. Как её не доставало там, в городе в эту кошмарную неделю, когда на него обрушилось столько напастей, когда пришлось принимать решение и не с кем было посоветоваться.

— А я баню истопила, — сказала она, сияя счастливыми глазами. — Такой дух берёзовый стоит...

Весь день до вечера он пребывал в каком-то блаженном состоянии. Наверное, так чувствует себя солдат, вернувшийся с передовой в родной дом. Вечером они с Татьяной сидели на скамейке у дома, любовались багровыми красками заката, залившими полнеба, и слушали неумолкающую кукушку. Подошла кошка, рыжая с белой грудкой, и стала тереться о ноги Татьяны.

— Тамары Синициной кошка. Прибилась к нам, совсем на жительство перешла, — говорила Татьяна, поглаживая мурлыкающее создание. — Ну, я ее кормлю немного. Не знаю, может быть, Тамара недовольна.

— Муська, Муська, — раздалось вдали. К ним шла хозяйка кошки. Их дома граничили огородами, разделяющая изгородь сгнила и упала. Старушка шла кратчайшим путем по бурьяну, опираясь на палку. Присела рядом на скамейку, тяжело дыша. Кошка отошла и села на крыльце в позе сфинкса, неподвижно глядя в даль.

— Обиделась на меня и из дому ушла, — сказала Тамара. — Я ее котят порушила. Каждый год приносит по два раза.

Поговорили о том, как тяжело зимовать одной, о районной больнице, о дочерях, которые, вроде бы, зовут ее к себе в Питер, но жить там, в тесноте, с шумными внуками-подростками, она не хочет.

— Я, Таня, вот о чем тебя просить хочу. Я в палатке-то приезжей кофту хорошую себе присмотрела. Назад-то еле приплелась. Второй раз не пойду. Сходи, милая, завтра купи. Вот тебе деньги.

— Ладно, тетя Тамара, куплю. Завтра-то когда начнут торговать?

— Обещал в десять открыться. Теперь там новый продавец, молодой такой уважительный... Ну, пойду я.

— Муську-то забирайте.

— Даром. Пускай живет, где хочет.

Татьяна сказала Игорю:

— Станный какой-то этот новый торговец. По виду простой русский парень, а смотрит как-то хитро. Приехал два дня назад со своей палаткой, здесь в деревне и остановился.

— Это известно, бизнес портит человека — отвечал Игорь.

Мимо по дороге шли три мужика и несли четвёртого, держа его за руки, за ноги и почему-то животом вниз. При каждом шаге свисающий живот чиркал о дорожный песок. Картина была привычная: Лёшку, соседа, собутыльники несли домой. Навстречу молчаливой процессии вышла Лёшкина жена, и, привычно причитая, помогла занести его в дом.

Деревня погибала от винопития. Каждый год несколько мужиков вполне работоспособного возраста уходило в мир иной. Игорь взглянул на забор и вспомнил Павла, которого он когда-то нанимал вкопать столбы-опоры. Бедняга умер в прошлом году у крыльца магазина, упившись какой-то дрянью.

Игорь перевёл взгляд на баню и в памяти возник образ её строителя, весёлого Васи. При постройке бани Игорь выполнял роль его помощника и поражался, глядя как ловко орудует брёвнами этот парень и как со своим незаконченным средним образованием правильно использует законы механики. Вася повесился во время жестокого запоя после того, как жена, забрав детей, сбежала от него к родителям.

А Коля-электрик, который менял в его доме электропроводку! Душевный парень, ветеран Афганской войны. Умер от рака пищевода, после того, как целый год пил денатурат.

— Как там поживает Юра? — спросил Игорь Татьяну.

Юра был художник-самоучка, творческая натура. На зиму уезжал в город и нанимался работать в котельную, а лето проводил дома, отрываясь от мольберта только для того, чтобы набрать в лесу ягод и продать на шоссе. Ранние акварели, которые он показывал, были хороши, но что-то мешало развиваться таланту.

— Вчера приходил, показывал свою новую картину. Маслом писана. Река, церковь с куполами. Лубок. Свёл по клеточкам с открытки. Я говорю: «Ты бы хоть трезвый пришёл», а он мне: «Мы пьём, потому что русские, а вы не пьёте — значит не русские».

— Ну, а ты что сказала?

— Ничего. Промолчала.

— Надо было сказать: «Мы-то русские, православные и знаем, что пьяницы Царствия Божьего не наследуют. Потому и не пьём».

— Да, можно было и так ... Только в этом какое-то фарисейство.

— Верно, — подумал Игорь. В своем, уже не молодом, возрасте Игорь терпеть не мог пьяниц, но умом понимал, что избавиться от пагубной страсти очень не просто. Когда-то, в молодости, он сам катился в эту пропасть, а выбрался из нее только благодаря болезни. Тогда крепко прихватила его костлявая за горло так, что пришлось выбирать: алкоголь или жизнь. Вот уж, воистину, болезнь посылается во благо.

Церкви в деревне не было. Ближайший храм находился в райцентре, в двадцати километрах. Обычно они с Татьяной и детьми ездили туда по воскресеньям и праздникам и, выезжая утром из деревни, всегда видели одну и ту же картину: измученный похмельем народ собирался у крыльца магазина.

Этим летом появилась надежда на лучшее. В двух километрах от деревни когда-то находилось большое село. Теперь единственное, что от него осталось — полуразрушенный, некогда величественный, храм. Прошлым летом они расчищали его от завалов мусора. В этом деле согласились участвовать лишь несколько деревенских старушек, правда, они привели с собой внуков, благодаря которым и удалось сделать самую тяжёлую работу. А весной Татьяна, получив благословение в епархии, нашла спонсоров и организовала ремонт в одном из приделов. Работала бригада из четырёх человек, все прихожане храма, открытого недавно в райцентре. Починили крышу, воздвигли на ней крест, настлали пол, вставили окна, сделали временный алтарь. Завтра ожидался приезд владыки с клиром освящать придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы и служить первую литургию.

* * *

Ранним утром Игорь с Татьяной пошли в храм. Туда можно было добраться на машине, для этого надо было выехать на шоссе, а оттуда по грунтовке, проезжей в это время года, доехать почти до самого храма. Но они решили пойти напрямик дорожкой, протоптанной ягодниками.

По пути Татьяна рассказывала:

— Сегодня мне опять бабушка Варвара снилась. Озабоченная такая. И тогда так же приснилась, когда к тебе колдунья явилась. Я потому и побежала с утра тебе звонить. Сегодня надо обязательно за неё записку подать в церкви... Тревожно мне как-то.

Татьяна отличалась особой чувствительностью, что позволяло ей предвидеть опасности. Вот и сейчас она ощущала тревогу, хотя Игорь ничего не говорил ей о том, что сказал эфэсбэшник в конце разговора. Татьяне, вообще, было открыто многое, что было недоступно Игорю. Общаясь с человеком, она как-то распознавала, способен ли он к духовной жизни или его душа не восприимчива к чему-либо, кроме плотского. Последних она жалела. Милосердие было отличительной чертой её характера. Она жалела пьяниц в деревне и их несчастных жён; детей, брошенных горе-родителями; старушек, оставленных своими детьми одиноко доживать свой век в домах-развалюхах. Она принимала близко к сердцу не только те беды, что видела вокруг, но и те, что случались где-то далеко. Игорь удивлялся, глядя, как катятся слёзы у неё из глаз, когда она слышала по радио о жертвах страшного тайфуна в Японии или о затонувшем на Волге теплоходе с детьми.

Они подошли к старому мосту, перекинутому через заболоченный ручей. Вправо тянулось большое болото, которое, можно сказать, кормило деревню: отсюда по осени деревенские носили вёдрами клюкву, а эта ягода всегда пользовалась спросом.

Топь под мостом была гибельная. Лет пять назад женщина гнала по мосту телёнка, гнилые доски под ним проломились, и бедное животное быстро исчезло в трясине. Мост подлатали, но ходить по нему опасались, все предпочитали делать крюк, обходя опасное место слева. Сельсовет поручил Юре-художнику поставить у моста знак: «Проход запрещён». Тот проявил творческую фантазию: на врытом столбе можно было видеть две дощечки-указателя. На одном, показывающем на мост, был изображён весёлый бесёнок с вилами, на другом, повёрнутом влево — ангел с цветком в руках.

Обойдя топь и пройдя через кустарник, они вышли на поле: отсюда дорога шла в гору, где стоял храм. Даже в таком виде, со щербатыми стенами, ещё без купола, но уже со сверкающим на солнце крестом, он, казалось, царил над местностью, одухотворяя лежащие вокруг поля и леса.

* * *

Шла вторая неделя отпуска. Прошли грозы, жара сменилась теплой пасмурной погодой. На Игоря навалились хозяйственные дела: большой дом и огород требовали постоянных хлопот. А в лесу созрела черника, начинались грибы, что тоже нельзя было пропустить. Все эти дела казались важнейшими. Городская жизнь отодвинулась в прошлое, а шпионские страсти, казалось, привиделись в дурном сне.

Перед обедом, когда Игорь чинил забор, он увидел быстро шагающего к нему Михаила. Это был один из тех немногих в деревне мужиков, кто, хотя и пил, но пока оставался работоспособным. Он приходился двоюродным племянником Татьяниной матери и всегда вспоминал о ней с большим почтением. Работал он водителем грузовика на пилораме, которую в прошлом году открыл единственный в деревне предприимчивый мужик.

— Слушай, Игорь, — Михаил запыхался от быстрой ходьбы. — Там к магазину двое подъехали на джипе, тебя спрашивают.

У Игоря похолодело внутри.

— Какие из себя?

— Ну, молодые на вид. Один здоровый бугай, другой помельче. Оба в черных очках и в пиджаках. Я, значит, в кабине кимарю, слышу: музыка дурная бухает, подъехал кто-то. Потом слышу, по блатному ботают. Я поднимаюсь, они меня спрашивают, где, мол, у вас живёт Игорь Весельцов с женой, дачники. У нас, говорят, дело к нему важное. А я думаю, какое может быть дело. Вы с Таней люди учёные, а они — блатари в натуре. Я ж таких хорошо знаю. Я и говорю: «Не знаю такого». Ну, они в магазин зашли, там им, конечно, всё расскажут.

— Так что, значит, они сейчас будут здесь? — Игорь не узнал своего голоса.

— Не, не сейчас. Я машину-то свою немного назад сдал, и джип ихний теперь запертый стоит. Во, слышишь, гудят!

Игорь услышал звуки автомобильного гудка. — Спасибо, Миша, — сказал он и рванулся к дому. Татьяна на веранде резала салат к обеду.

— Таня, бросай всё. Выходим из дома. Срочно.

Нож вывалился у неё из рук.

— Что случилось? — Она взглянула на Игоря и больше ни о чём спрашивать не стала.

Схватив документы, деньги и навесив на дверь замок, они быстро зашагали к лесу. Их дом стоял на краю деревни. До леса было всего 15 минут ходьбы. «Если на машине к шоссе рвануть, их никак не миновать, — рассудил Игорь. — В лесу укрыться вернее будет».

Ноги сами несли их знакомой тропинкой. Подошли к мосту и, обогнув его, оказались на опушке густого леса. Татьяна задыхалась.

— Я так быстро идти не могу. Давай постоим немного. Слушай, Игорь, как хочешь, надо идти в храм. Вот, у меня и ключи есть.

Она открыла сумочку.

— Ой, сотовый забыла. На зарядку поставила, так и остался.

Игорь похлопал по карманам.

— Ну и дела! Я ведь тоже сотовый забыл.

Он был в отчаянии. С возвышения можно было позвонить Валерию Петровичу, вызвать помощь. Тот на прощание вручил свой номер, а Игорь занёс его в память телефона. А теперь и милицию не вызвать. «Надо успокоиться, взять себя в руки, — внушал он себе. — Погони пока не видно. Но, в конце концов, они возьмут верный след. Это народ упорный, деньги им платят не малые. Спросят наших соседей, куда мы пошли, а кто-нибудь видел или догадается. Соседи — люди простые, сердечные, подробно объяснят, где нас искать». И всё-таки он пошёл в храм вслед за Татьяной.

* * *

Они не знали, что два здоровых парня без труда догнали бы их еще на подходе к мосту, если бы не одно происшествие. Запертый джип задержал их не надолго. Узнав у продавщицы, где живут Весельцовы, и посигналив пять минут, облегчаясь в паузах между гудками цветистой руганью в адрес водителя грузовика, они решили дальше двинуться пешком. В это время на крыльце появился Костя с бутылкой пива в руках. После сильной вчерашней пьянки он хорошенько залил пива на старые дрожжи и теперь решил к вечеру окончательно завязывать. А тут Люба, продавщица, обозвала его алкашом и выставила из магазина. Раздраженный такой бесцеремонностью, он обрушился на приезжих:

— Чего разгуделись тут, как у себя на проспекте Засранцев. Здесь народ привык тишину слушать.

Костя когда-то учился в институте, но был отчислен, после чего какое-то время работал в городе охранником. Потом вернулся в родной дом и с тех пор жил случайными заработками, а, в основном, за счёт пенсий родителей. В деревне его прозвали «философ» за его постоянную готовность рассуждать на любую тему. Стоя на крыльце, взлохмаченный, порывистый, он и сейчас собирался сказать речь о достоинствах тихой деревенской жизни. Его бы не смутило и то, что слушателями были лишь два рассерженных блатных пацана, да две черные собаки, которые внимательно смотрели на него, высунув языки и склонив головы на бок. Однако его прервал здоровенный накачанный пацан:

— Ты, алкаш, заткни хлебало, а то мы щас тебе мурло начистим. И тебе и водиле этому долбанному.

Костя был разъярен тем, что его вторично назвали алкашом. По пьяному делу он не оценил соотношение сил и, подскочив к качку, закричал:

— Ах ты, сука залетная, давай кати отсюда, пока пузо вилами не пропорол.

Качок схватил его за ворот рубашки и слегка толкнул так, что Костя непроизвольно сделал сложное движение, называемое в гимнастике «переворот назад через голову». На удивление, цела осталась и его голова, и даже бутылка пива в руках. А вот ярость его удвоилась. Так грубо с ним обра-

щались только менты, но им по должности положено, а тут какие-то желторотые тупицы глумятся над образованным человеком. Он вскочил, молча догнал качка и саданул его стеклянной бутылкой по бритому затылку. В ответ Костя тут же получил ошутимый удар ногой по скуле, от которого на некоторое время отключился и лежал в придорожной траве, раскинув руки и медленно трезвея в тяжелом сне. Пацанам пришлось вернуться к джипу, чтобы смазать йодом ссадину на затылке.

* * *

В храме было прохладно, пахло краской, свежеструганной древесиной. Послышалось хлопанье крыльев: под сводом летала птица.

— Голубь, — сказал Игорь.

— Это горлица, — поправила Татьяна. — Видишь, оперение черно-белое и шейка длинная. Редкая птица в наших краях.

Татьяна опустила на колени перед иконой Богородицы и молча молилась. Потом достала из сумочки молитвенник и стала читать шепотом.

Вера у Татьяны была крепкой, искренней, шла от сердца. У Игоря вера была, скорее, рассудочной. Но в такую минуту, когда их жизни висели на волоске, он не рассуждал, а, подойдя к иконе Спасителя, стал молиться: «Господи, помилуй нас грешных». Ещё откуда-то вспомнилось: «Господи, прости мне грехи юности моей и неведения моего». Так прошло около часа.

Вдруг раздался стук в дверь. Оба вздрогнули, переглянулись. Игорь тихо подошел к двери и затаил дыхание. Дверь была новая, изнутри запора пока не было. Они просто заложили в створки толстый брусок.

Стук повторился. Игорь стоял в молчании. Татьяна молилась у иконы. Из-за дверей раздалось:

— Не бойтесь, Игорь Васильевич. Вам привет от Валерия Петровича. Вам больше ничего не угрожает. Этих отморожков больше нет.

Игорь посмотрел сквозь щель и увидел незнакомого мужчину. На цыпочках подошла Татьяна, тоже взглянула в щель и прошептала Игорю на ухо: «Это хозяин палатки».

В голове у Игоря стало что-то проясняться. Он вынул брусок и открыл дверь. Невысокого роста крепыш в камуфляжной форме вошёл в притвор.

— Не бойтесь, — повторил он. — Можете спокойно возвращаться в дом. Я по приказу Валерия Петровича отвечаю за вашу безопасность. Меня зовут Сергей. Он улыбнулся такой располагающей улыбкой, что не поверить ему было невозможно.

По дороге к дому Сергей рассказывал:

— По этому делу задержали пятерых. Из них троих просто выдворяют из России, а двоих, наверное, привлекут за шпионаж.

— А как вы нас нашли? — спросил Игорь.

— Ну а где вас ещё искать, как не в церкви. Азы психологии. Я, конечно, слышал, что учёные бывают верующими, но ...

— Нет, как вы узнали, куда мы уехали из города?

— А вот это было не просто, особенно после того, как вы выбросили наш «жучок». Пришлось выяснять, где и какая недвижимость на вас зарегистрирована, точнее, на вашу супругу. Думаю, та организация, что на вас надела, нашла вас таким же образом. Нашли и наняли двух отморожков. Планировали, или запугать вас, или ... серьёзнее.

— А где они, эти отморожки?

— Сейчас покажу.

Они подходили к мосту. Доски посередине были совсем проломлены.

— Вот здесь они, — Сергей показал на трясину. — А это всё, что от них осталось. — Он показал на развешанные на кусте мокрый грязный пиджак и ременную портупею с пустой кобурой. — Это на поверхности плавало, я выловил. Видно, они пытались этими вещами за мост зацепиться.

Игорь с Татьяной ошеломлённо смотрели на трясину, только что ставшую братской могилой. Поверхность слегка колыхалась, на ней время от времени появлялись пузыри, но так здесь было всегда. Казалось, что перед ними бездна, способная поглощать всё новые и новые жертвы.

— Вот глупые, зачем они пошли на мост, ведь вот же указатели. — Татьяна, как будто, пожалела заблудшие души.

— Эта глупость нас и спасла, — отвечал Игорь. — Это поколение воспитано на компьютерных монстрах и фильмах ужасов. Христианской культуры они не знают, для них ангелы и бесы означают совсем не то, что для нас.

— Вот что, господа учёные, — вмешался Сергей. — Завтра я вызову милицию, вы можете составить протокол, что двое неизвестных пошли в лес и не вернулись, скорее всего, утонули в болоте. И понадобится ещё один свидетель из местных жителей, кто видел, как они пошли в лес. А мне надо сейчас с их автомобилем разбираться. Номера, наверняка, липовые. И всё. Завтра я своё дежурство кончаю. Вторую профессию освоил — торговать научился.

Он хохотнул, потом развернул большой пакет и стал укладывать туда грязный пиджак и портупею. Игорю показалось, что в пиджаке, сзади, пониже воротника сверкнули две круглые дырочки. Он взглянул на Сергея, но, увидев его добродушное улыбающееся лицо, отбросил свои подозрения.

* * *

На другой день, уладив к полудню неприятные дела с милицией и расписавшись в протоколе как свидетели, Игорь и Татьяна сидели в своём доме за столом вместе с Сергеем. Они пригласили его отобедать у них перед отъездом. Игорь поднял рюмку с коньяком:

— За тех, кто помог нам избавиться от наёмных убийц. За Михаила, который задержал их у магазина и предупредил нас. С ним ещё особая встреча предстоит. За Юрия, кто нарисовал указатели так, как надо. И за Костю-философа, который, оказывается, пострадал от этих наемников. И, конечно, за вас, Сергей.

— А я что? Я, когда к трясине подбежал, они уже утонули. Только на подходе к мосту крики слышал. Матерились жутко.

— Надо будет спросить у бабушки, как можно поминать этих ... ну, погибших, — сказала Татьяна. — Имён их мы не знаем, крещёные они или нет — тоже не знаем.

За обедом Сергей разговорился.

— Вас, наверное, ангелы оберегают. Слушайте, какая история. Я вчера к двум часам торговлю свою свернул, всё равно после двух ко мне никто не ходит. Пришёл к себе, пообедал и прилёг в своей комнатке. Я вон там остановился, на верхней улице, у Марии Петуховой. Оттуда сверху ваш дом хорошо видно. И навалился на меня сон, как давно не бывало. Слышу во сне, как где-то машина сигналит, а проснуться не могу. Проснулся от того, что в окно кто-то стукнул. Лежу, думаю, может, во сне показалось. Смотрю в окно, там берёза большая, на ней птица сидит и вдруг она пикирует и бьёт клювом в стекло так, что чуть не выбила. Я вскакиваю — и к окну. Птицы нет, исчезла. Смотрю на ваш дом — от него двое неизвестных отходят, спешат к соседнему дому. Ну, я через пять минут уже был у них «на хвосте». Так вот, что интересно, подняла меня эта птица тогда, когда надо. Не раньше, не позже.

После некоторого молчания Татьяна спросила:

— А птица какая была?

— Не знаю. Крупная такая, на голубя похожа. С черно-белыми полосками.

Игорь и Татьяна переглянулись. Они были потрясены, как бывает с людьми, когда они встречаются с чудом, когда их жизни соприкасаются с горним миром. На глазах у обоих появились слёзы...

Вечером Игорь сидел у дома и смотрел, как туман заливает огромное поле так, что темнеющий за полем лес словно стоит в парном молоке. Скоро туман покроев всю деревню, и даже к утру нельзя будет увидеть соседних домов...

Здесь, вдали от больших городов, хотелось забыть, что есть жестокий мир, где нет любви и спокойствия, в котором страны соперничают друг с другом, изобретая новые виды оружия и хитроумные средства защиты от них. Не затихая, идёт эта незримая война, и даже сюда, в глубинку, добрались её бойцы. И хотелось бы верить, что всякий, приходящий сюда с дурными помыслами, будет поглощён бездонными российскими топями, и останется от него лишь краткая запись в милиционном архиве: «Пошёл в лес и не вернулся».

И ещё, не затихая, в душе каждого человека идёт невидимая брань со страстями, которые непрерывно подсовывает нам лукавый, и от которых не скрыться ни в какой глуши. И также хотелось верить в то, что русский мужик опомнится, стряхнёт с себя хмельную одурь и, помолясь, возьмётся возрождать родную землю.

Поэзия

Наталья Хлопаева

Родилась в Невинномысске Ставропольского края. Живёт в Москве.

Окончила факультет государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова. Кандидат социологических наук. Публикуется в периодике и научных изданиях. Социолог, журналист, преподаватель. Пишет стихи и прозу.

Основатель киноклуба на факультете государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Победитель конкурса рецензий студии «Тритэ» Никиты Михалкова (2011). Песни на стихи Натальи Хлопаевой вошли в альбом рок-музыканта Александра Буслова «Среди живых» (2016).

Пишет невыдуманные истории о людях, характерах и настроениях. Способность писать стихи определяет как состояние максимальной внимательности к миру вокруг и миру внутреннему. Исследует пределы собственного интереса к людям. Приближение к Бесполезному Прекрасному считает высшей целью поэзии. При этом дистанцируется от психологической поэзии как от попыток разобраться в давно разобранном.

Цикл «Про своих»

* * *

Долго учились гордиться войной
Снежной улыбкой на фотографии
Лучший герой — мёртвый герой
Ближе всего — своя же рубашка

В непостижимой космической дали
Будто от вымышленного кота
Наша улыбка медленно тает
Скоро исчезнет, и скажем тогда

Девочки, милые, не подведите
Мы благодарны навек красоте
Русоволосые наши надежды
Ленты, коньки, тридцать два фуэте

* * *

Я тоже буду счастлив
С отстреленным плечом
Поглядывать на небо
Махать одной рукой
Крылатым серебристым
Зимой вспоминать
Бессилен и бесстрашен

Я отпущу слова
От дома до забора
Чужого не возьму
Не оттолкну родного
Нарочно не сопьюсь
Найду немую яму
Тревоги отшептать
И снова буду чистить
Медали на парад

* * *

Зонты причмокивают
Захлопывают прохожих
Неуклюжих слепых безоружных
Против осени
Против шерсти
Ветер гладит собак
Таскает за волосы деревья
Нечего хвастать золотом
Скоро не хватит здоровья
Не станет повода
Носить его
С тихим ропотом
Сбрасывают украшения

Простодушные клёны
Невыгодно
На серебро меняют
Не ждут утешения сверху
Там тоже несладко —
Плачут который день
Значит, есть причины и нам
В слезах захлебнуться
Расцарапаем лица всем
Кто посмел
В траур улыбнуться

Приметы

Окружённый ведрами, полными сирени
С пятью лепестками
Сижусь под дождём и моргаю от солнца
Всё ещё зимнего
Мелкими шагами
Нарядные женщины проходят мимо
Послушно ждут подарков
Радость по кусочкам свыклись собирать
Коллекционеры
Делают жизнь яркой

Замерзают капли и блестят
Путаясь в шерстяных ворсинках
Мне б ещё найти на мокром рукаве
Добрую приметку — две
Равные снежинки
Под порогом у меня медная подкова
Пью с разбитой чашки
Я давно готов заполучить целиком
Свой кусок
Неземного счастья

Цикл «Оттенки»

* * *

Сотни оттенков серого
На потолке и стенах
Солнца сегодня не будет
Я этот день пропущу
Пожалуй
Завтра попробую снова
Проснуться
И что-нибудь выйдет
Из этой нелепой затеи
Делать лишь то, что хочу

В горизонтальной жизни
На белой магнитной ткани
Больше свободы и цвета
Реальных желаний моих
Фантазий
Если рискнуть быть честным
Признаться
Мне там интересней
Всё меньше причин, чтоб остаться
По внешнюю сторону век

* * *

Открывать избегаю страницы авторов
Сообщников кражи цветов
Со стола изобильного лета
Держим наш уговор
Они не расскажут секрета
Моих похищений
А я не посмею
После стольких безоблачных лет
Нечаянно их разлюбить

Свидетели долгих напрасных усилий
В ссылке желтеют писатели
Годами в пропащем втором ряду
Унылые гении
Верить совсем ни к чему
Левым советам
Будет наука
Свой незатейливый выбор
Делать всегда самому

Не подам руки равнодушным старцам
Не выдерну с полки снова
Корешки премудрых издательств
Шершавый чугунок в прошлом
Исполненных обязательств
За мёртвое знание
Взяли изрядно плату
В единственной твёрдой валюте
В живых часах и минутах

Благосклонно киваю наивным подаркам
Людей, не узнавших меня
Но по-своему любящих
Разноцветные глянца
Попробуй выпиши их
Из книжного шкафа
Пускай остаются
С испытательным сроком жильцами
Застекольного теремка

* * *

Мои маленькие страсти
Мои тихие шаги
Незаметные победы
Нерождённые враги
Сколь угодно наблюдайте
Через камеры глазок -
Зря потерянное время
Заскучаете со мной

Прозеваете моменты
Побратаний во хмелю
Пятна лакомые соли
На подушках суету
Не увидеть шальных мыслей
Не лизнуть чужих грехов
Нечем с вами поделиться
Стол накрыт на одного

* * *

Ползаю по комнате
Без единой мысли
Я сегодня полностью
Миру бесполезен

Карусели суеты
Приглашают снова
Я спасу сегодня мир
И останусь дома

Равнодушно целое
Поглощает части
Ничего не делаю
И не ошибаюсь

* * *

Я притих
И комната решила
Что теперь она пуста
Из-под шкафа выбралась
Женщина
Увидела меня
Испугалась
Выпала из платья
Стыдно ей
И мне — что испугал
Я кричу
Она опять под шкаф
Я бегу
Размахиваю платьем

Все смеются
Крутят пальцем
Никому и невдомёк
Под шкафом женщина живет
И комната с тех пор не верит мне
И тайн своих не выдаёт

* * *

И остаётся только слово мне сказать
А я молчу
Из вежливости рядом постоять
А я бегом бегу
И вроде дали порулить
А мне опять в другую сторону
С подарком трудно угодить
Сомнений — ворохи
Дарителей гоню взашей
Спускаю с лестницы
Грабители пустого дома
На что надеетесь?

* * *

Победили страхи белого листа
Страхи черной комнаты под кроватью спят
Покорилась высота
Пауки — друзья
Никуда не деться от белого листа
Необъятный, правильный
Смотрит мне в лицо
На четыре стороны посылает зло
За одно касание режет до кровей
Нету белого листа ничего страшней

Цикл «Одна шестая»

* * *

Великие державы состязались в могуществе на кухне
А мы с тобой дрожали в детской у стены
От крика прятались в окопах из подушек
Назло приметам много лет
В одну и ту же падали воронку
Предметы и слова
Быть старше и сильнее
Умоляли меня озябшие ручонки
И мы бежали далеко
Как можно дальше
На звонкие зелёные холмы
И не было их краше
Друг другу обещания шептали в ухо

Одно заветное желание повторяли про себя
С закрытыми глазами
Отчаянно перебирая ножками
Под полосатым одеялом

* * *

Женщина лет пятидесяти
Спросила меня: — Как жить?
Она собаку выгуливала
Я встретился на пути

С учебы бежал довольный
Пятерку заполучил
Плеснули в лицо безнадёгой
Ошпаренный отскочил

Я ей ничего дурного
Не сделал и не желал
Зачем же она спросила?
За что? Почему меня?

Мы не были с ней знакомы
Она не была пьяна
Мне не было в жизни страшно
Так сильно как ей тогда

* * *

Гладил за ушком
Согревал за пазухой
Колючую шёрстку расчёсывал
Делился каждой крохой
Просто был счастлив
Вместе бегать по песку
Далеко не загадывал
Прикладывал уксус к виску
Подорожник к коленкам
Одного цвета глаза
Из одной цифры возраст
И одна большая мечта
Принести огонь людям
Вдвоём одолеть все изломы
Так досадно, что отражения
Очень плохо были знакомы
Не заметил дубовый юннат

Дружок не вилял хвостом
Волчонок не вырос собакой
Волчонок вырос волком

* * *

Белые яблоки
Тычу в бок матери
Губы
И падаю
Я не привык на ногах
Мне на гостинец
Красные яблоки
Дали
Погладили гриву
Там за воротами
Жёлтое яблоко
Слепит и греет
Топаю
Около тёплого
Следом
С первым апреля

* * *

Мы будем лучшими врагами
Если хочешь
Блицкриг отставить
Мы достойны большего
Имея на руках подробный план
Всех точек болевых
Не будем торопиться
Два глухих
Контрольных выстрела
Не сделаем пока
Взаимная зависимость сильнее
Желания напасть из-за угла

Договоримся не встречаться
Отпустим секундантов
Я буду воевать один
На стороне твоих талантов
Зелёный шёлк развешен в зале славы
Давно заслужен
Для твоего парадного портрета
Ты мне уже не нужен

Надежда Чванова

Чванова Надежда Николаевна родилась в г. Сызрани Самарской области. По профессии — медработник. Автор трёх поэтических сборников. Стихи печатались в журналах «Наш современник» (Москва), «Невечерний свет / infiniti» (Санкт-Петербург), «Русское эхо» (Самара), в альманахах «Парадный подъезд» (Санкт-Петербург), «Арина» (Нижний Новгород) и других литературно-художественных изданиях России. Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в Сызрани

Туман

Я подошла к окну в ночи:
Весь двор туман
В свои объятия заключил,
Как великан.

Мне показалось: я плыву
В туманной мгле-
Во сне, а может, наяву –
На корабле.

И свет далёких маяков
Ведёт меня
К пределам новых берегов,
К началу дня...

Шторм

Чайка била крылом, пролетая над морем.
Мне кричала в лицо: — Уходи, уходи!
Разразится здесь шторм человеку на горе.
Эти крики тревогу рождали в груди.

Но застыла, упрямо я в оцепененье.
Шторм на море — какой восхитительный вид!
Запоздалым тогда оказалось прозренье,
Что стихия упрямства, увы, не простит.

Подхватила волна с пляжа мелкую гальку,
Свет и тени смешались во мраке сплошном.
Позабывать бы вещунью крылатую — чайку...
Но в душе до сих пор продолжается шторм.

* * *

Как я всегда любила море
И гавань спящих кораблей!
Им, погулявшим на просторе,
Конечно, берега милей,

Чем баллы бешеного шторма.
Но снова ждут они, когда,
Умерив норов свой, покорно
В объятия примет их вода...

Я тоже жду: тот миг настанет,
Я поплыву по воле волн.
И тихо скроется в тумане
Мой одинокий, скромный чёлн.

Уйду в неведомые дали,
Шторма меня не устроят.
Столь долгим было ожиданье,
Что вряд ли я вернусь назад.

Измерение

В другое измерение попала,
И связи нет
Меж тем, что робко в сердце трепетало
Так много лет,

И тем, что в настоящем утвердилось...
Всё — словно сон.
Откуда же, скажите мне на милость,
Явился он?

Так тени заплутавшие приходят
Под стук дождя.
А в жаркий день при солнечной погоде
В глаза глядят

Лишь миражи. И вот передо мною-
Один из них.
Но не коснуться дрогнувшей рукою:
Он — только штрих

Иного измерения... И мимо —
Волненья лет!
И только сердце мается незримо:
Был или нет?

Вода забываться

Какая сила у воды,
Какая сила!
Меня избавить от беды
Её просила.

Плыла по ласковым волнам
Реки утешной-
И вдруг снималась пелена
С души мятежной.

Светлее становилось вновь
И ночью мгlistой.
Моя река, моя любовь,
К тебе, лучистой,

Приду опять с поклоном я.
Позволишь, верно,
Припасть к воде забываться,
Лишённой скверны?

В заповедных местах

Там на русалочьей неделе
Плескались волны и шумели.
Стонала старая ольха.
С её ветвей неслось: ха-ха!

То было нечисти веселье.
И чайки глупые галдели,
Дивясь невиданным делам:
Такой от нечисти бедлам.

Мне было жутко там немного.
Но я отнюдь не без восторга
Внимала тайнам странных мест,
Где ни души живой окрест.

Ну а сегодня — что за чудо?! —
Такие тишь да гладь повсюду.
Ольха спокойна. И вода-
Совсем другая, чем тогда:

Течёт смиренно. И — о диво! —
Неподражаемо красиво
Плывут куда-то вдаль по ней
И пара белых лебедей,

И пять коричневых комочков-
Их детки...Позабыв о прочем,
В мечтах плыву за ними вслед-
И благодати края нет.

Звездопад

Кончалось лето:
Звёздными дождями
Пыталось приукрасить свой уход.
Мы блики света
Жадными горстями
Ловили, чтоб отречься от невзгод.

Друг другу в малом
Уступали снова,
Преодолев горячность знойных дней.
В их ритме шалом
Были мы готовы
Не вспоминать, кто нам всего родней.

Увлёк с собою
И вернул на землю
Нас этот сумасшедший звездопад,
Своей любовью
Неземной объёмля
Всех, кто ему был рад или не рад.

Облака

Плывут неспешно облака
Над тихим лугом.
Какая сладкая тоска
Томит округу!

И проникает в душу мне,
Врезаясь в память
Отрадой августовских дней,
Что не оставят

Среди увядшей красоты
Воображенье.
И не разрушатся мосты.
По ним с волненьем

Душа к восторгу облаков
Взметнётся сладко,
Томленье тихое лугов
Впитав украдкой.

Полоска света

Меня не преминула обмануть
Уведшая из радостного лета
В осеннюю задумчивую грусть
Полоска ускользящего света.

Летела вслед за ней, как мотылёк,
На золотой огонь октябрьских листьев.
И вот октябрь от красок изнемог,
А я остановилась поразмыслить:

Зачем так торопилась убежать
Из молодой поры, где буйство цвета?
Чего мне от предзимья ожидать?
Сумеешь дать ответ, полоска света?

Но та скользнула на ветвях нагих
И замерла в загадочном тумане...
Теперь манить, наверное, других
Неясным светом в осень жизни станет.

* * *

На минуту представлю, что всё хорошо:
Нет ни горя во мне, ни печали.
И октябрь (как же нынче он быстро прошёл!)
На прощание лёгкою шалью

Из туманов, сплетённых с густой тишиной,
Мне окутает зябкие плечи.
На душе теплота разольётся волной...
И пойду вновь судьбе я навстречу.

Что она припасёт, бедолага моя,
Знать ли?.. Но попрошу я у Бога,
Чтобы льдом не покрылась зимою земля
У родного до боли порога.

Забвеньё

И вот уже последняя листва,
Что дерева ещё вчера венчала,
Упала наземь. Неба синева
Сквозь ветви на неё глядит устало.

На этом, на развенчанном витке
Природы, на ковёр из листьев палых
Ступаю меж деревьев налегке,
Так далека от всяких идеалов.

Порастерялись мысли и слова.
Безмолвное осеннее забвеньё.
Оно сейчас, как тонкая канва,
Определяет каждое мгновенье.

И только сердца жалобный аккорд
Уносится куда-то в поднебесье...
Но тих и безответен небосвод,
Забывший звуки даже грустных песен.

Берега

Обретаю свои берега,
Не беспечна, а в меру строга.
Как у сильной и мудрой реки,
Мои воды теперь глубоки.

В них сокрыты и боль, и печаль...
Я смотрю на прибрежную даль:
Вижу чайки стремительный взлёт
И реки некрутой поворот...

Сколько жизнь поворотов уже
Отпечатала в знойной душе.
Но тем больше она дорога.
Берега вы мои, берега!

Владимир Белалов

Владимир Александрович Белалов родился 10 сентября 1951 года в городе Черняховске Калининградской области в семье военнослужащего. Окончил Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства. Поэт, композитор, руководитель творческого союза «Балтийское Вече», главный редактор альманаха «Балтийское вече»

О нашем времени

Погас огонь былой олимпиады,
Но разгорелся горечью майдан.
Кому, зачем всё это было надо,
Ответят: темный отпрыск и мадам...

И уплывает в вечность правда жизни,
Она для них как для кощея смерть.
Да в чванстве этом, в этой укоризне
Теряют под собой земную твердь.

И те, кого они поработали,
Уже проснулись в новом естестве,
Самим собою стать пообещали
И породниться в праведном родстве.

Что ж, поднатужим силы и терпенье,
Озолотим духовное тепло,
И уничтожим злое откровенье,
Разоблачая тех, кто шлет нам зло.

Прошли Майдана горькие моменты,
Но их ещё не то ждет впереди.
Срывая всех врагов аплодисменты,
Оставим их анналы позади!

Расплата будет страшной и жестокой,
Под Божьей карой будете ходить.
России быть привычно одинокой,
Чтоб волю Божью к жизни возродить...

Весна на Украине

Идет весна кровавого отлива,
Проходят дни беспечной суеты.
И зло ползет в наш дом неторопливо,
И постепенно тают все мечты...

Пролог весны рисует свой порядок,
Ему смешны сентенции души.
Как этот мир для жизнелюбца гадок,
Как он устал от творческой «тиши».

В «болотном» раже — гибель Украины,
И «пир» врагов там посреди чумы.
Кому нужны разруха и руины,
Тот их получит «благодатью» тьмы...

Хоть буквализм заел писак дотошных,
Ему не быть всепризнанным людьми.
И слов о правде горестно истощных
Им не принять в преддверии зимы...

Наше быдэльё...

Уже отзвенели кровавым зарницы,
Но не отзверело земное зверьё,
А людям осталось: трудиться, трудиться,
Гроши получая и славя ворьё...

Расселось оно по верховным тенетам,
Держа свою власть по законам братвы.
Так стоит ли ждать от верхов хоть чего-то
И слушать признание «мудрой совы».

Во днях, пережитых в пустом ожидании,
Не верь в благоденствие сил,
Сославших надежду твою на закланье,
Возвысив величье могил.

Но в гонке такой в желтизне ноосферы
 Ни выхода нет, ни конца.
 И жизнь большинства по правам Люцифера
 Тернового жаждет венца.

Пусть вздыбится воля в Великом Свершении
 Того, что позволит закон.
 И праведных дел пусть придёт воскрешенье,
 Разрушит бессилие он.

* * *

Мысль, освещенная добром —
 Вот истинный подарок,
 И муза льется серебром
 В строке, что без помарок...

И в этой дивной красоте
 Дух пребывает вечно.
 Навстречу высшей высоте
 Лечу я бесконечно.

Не надо больше ничего
 Средь дум таких круженья.
 С мольбой для Бога одного
 Послать душе прощенье.

О, эта духа красота,
 Неистовое счастье.
 Прологом прорастет мечта,
 Став явью в одночасье.

Апологетам зла

Как сердце душит злоба дня,
 Неся известия больные.
 Донбасс — там гибнут от огня
 Руси сограждане родные...

Но век приходит — отвечать
 За эти действия чумные.
 Легко всех упырей достать,
 На суд привлечь в края родные...

По ним найдут из-под земли
 Всех этих тварей иноземных.
 Коль убивать других могли,
 Так ждите вы отмщений гневных...

Но эту «дивную судьбу»
 Себе вы сами изваяли.
 Под ненавистную пальбу
 Свои бесчинства показали.

Но грозен час, пришедший к вам,
 И на Земле уж не укрыться.
 Молитесь истово «Аз дам...»,
 Ведь зло с добром пришли проститься...

И накануне судных дней
 От злых грехов не отболтаться.
 И видно стало всё, ясней,
 К вам время рвется поквитаться...

Хоть душит сердце злоба дня,
 Но мы останемся собою,
 Ведь крик душевного огня,
 Готовит Мир к большому бою.

О сокровенном

Романс

Хоть альтруизм — наш конек, но не стоит об этом.
 В каждом есть что-то такое, чего нет у всех.
 Кто-то внезапно проснулся с рассветом поэтом,
 Кто-то давно позабыл, что такое успех.

В буднях пучины земной колосятся тревоги —
 Что ждёт в течении жизни любого из нас.
 Долгими будут к прозрению сердца дороги,
 Чистыми будут сонеты без лишних прикрас...

Холодом осень дыхнет — участится дыханье,
 В даль унесется надежда о теплом из дней.
 Только тоскует о чем-то земное сознание.
 Только душа начинает все видеть ясней...

В прошлом все боли о том, что не поняты были,
 В прошлом унынье, печаль о несбывшихся снах.
 Просто умей находить золотое и в были,
 Только умей всех прощать, как прощает монах...

Ментальный миг детства

Романс

Ментальный миг детства
 Декабрь, суббота...
 Хор ангельских песен звучит в вышине
 Такое соседство
 Любовь и заботу
 Я вижу лишь в утреннем призрачном сне...

И помнится было...
 Рассветной порою
 Потоком весны окрыляло мечту.
 И новые силы
 С прекрасной игрою
 Меня на большую несли высоту.

Я с жизнью такою
Не знал огорчений,
И радовал сердце победой добра.
И с новой строкою
Рождалось творенье
И новые чувства дарило с утра.

Прощальный миг детства –
Безвременье, сирость.
Всё новые тяготы, пошлый уют.
Но с чистым соседство
И слёзная сырость
Надежду в спасении сердцу дают...

Опавшие чувства

Романс

Опавшие чувства на дереве жизни моем...
Когда я услышу душой их иную кантату?
Ведь как хорошо, когда в жизни мы рядом идём:
Так было, так было, так было, так было когда-то.

А что будет дальше — то знает один только Бог,
И путь освящает нам ангельский хор многоцветный.
О, если б, о, если б, о, если б, о, если б я мог
Принять эту тайну земную любовью ответной?!

Верни же, Господь, моё счастье из солнечных грёз,
Пошли мне удачу и радость земную навеки.
Мне шепчет, мне шепчет, мне шепчет, светлеющий плёс:
Открой до конца свои спящие скорбные веки...

Вдохнуть бы в обыденность нашу Святую Любовь,
И стать окрылённым от счастья святого искусства.
Чтоб грела, чтоб грела, чтоб грела великая новь,
И душу чтоб мне окрыляло великое чувство...

Тверские берега

Владимир Ильич Львов

Окончил Московский литературный институт им. А.М. Горького. Автор двенадцати сборников стихотворений. Лауреат II Всесоюзного фестиваля народного творчества, областной литературной премии им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, VI Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо». Член Союза писателей России, председатель Тверского содружества писателей. Основатель и организатор ежегодных международных литературных встреч «Каблуковская радуга».

Живёт в д. Каблуково Тверской области Калининского района

* * *

Ах, наестся бы вволю¹ рязани²,
Той, что прячется в нашем лесу
На прадедовской дальней поляне!
Я её в своём сердце несу.

Хлебца чёрного хочется с сольцей,
Да рубаху надеть изо льна,
Да почаще работать на солнце,
Да любовь пусть была бы сильна!

Зря не тратить единой минутки,
Гнать недоброе, лишнее прочь.
Понимаете, жизнь — это сутки,
И уйдём мы в кромешную ночь.

Зародится другое, другие.
Лучше, хуже ли будет? — Вопрос.
Дай, Господь, чтобы чувства благие,
В смысле — добрые, день нам принёс.

В глуби губернии Тверской

Душа наполнена тоской
И лишена покоя.
В глуби губернии Тверской
Местечко есть такое,

Где в светлый праздник Рождества
Метели нас хлестали,
Где мы с библейского листа
Молитовку шептали,

Негромко славили Христа,
Стеснительно просили,
Чтоб эти дикие места
Снега не заносили,

Как говорится, с головой,
Хотя бы пусть по пояс,
Чтоб этот яркий ветра вой,
Несущийся, как поезд,

Стучащий ставнями избы,
Как на сугробных стыках
Не знаю чем, унялся бы
В нас, русских горемыках,

Чтоб утвердился в нас покой,
Уставших от покоя...
В глуби губернии Тверской
Местечко есть такое.

* * *

Ветрениц белый букет.
Пожня. Души утешение.
Выйдешь из дому чуть свет —
Глохнешь от птичьего пения!

Неумолкающий хор —
Звонкая разноголосица
Весь заливаает простор,
В русскую душеньку просится!

Пташка не просто поёт —
Каждая лучше старается!
Ворох житейских невзгод
В пенном тумане стирается.

Солнца горячий уют
Гладит морщины природные,
И от Торопца до Лук^{3*}
Слышатся песни свободные!

¹ Вволю — вдоволь, сколько хочешь, достаточно, много, обильно... (В. Даль)

² Рязань — мелкие яблочки, дичковатые, на квас; мороженые яблоки, привозимые по зимнему пути... (В. Даль)

³ Луки — город Великие Луки, в девяноста километрах от города Торопца.

Ленточкой вьётся река.
По-над плакучими ивами
Пчёлка гудит толока.
Были мы тоже счастливыми!

Чтобы воспрянуть душой,
Бог и весну человеку дал.
Господи, как хорошо!
Надо бы лучше, да некуда!

Воздвижение

Сначала с душою строю,
Потом от души пою.
Я знаю, чего я стою,
И знаю, на чём стою.

Пусть буду голодным, голым
На встречу ветрам идти,
Меня не собьёшь и колом
С натопанного пути.

Оставьте свои усмешки.
По вёснам садам цвести!
На наших тропинках вешки
Метелям не замести!

Не всё зарастет кустами.
Не все подчинимся лжи.
На наших полях летами
И впредь колоситься ржи.

Друзей мы в беде не бросим.
Враги подожмут хвосты...
Воздвиженье. Орша. Осень.
И лебедем — монастырь.

Два словечка

Собирая меня в дорогу,
Говорила мне мать, любя,
Одновременно как-то строго
И не строго: «Веди себя...»

Только не было так ни разу,
Чтоб спросил я: «А как вести?»
Ты б сказала: «Не пей заразу,
Нос маленьчко опусти,

Против ветра слюной не брызгай,
На огонь никогда не плюй
И в колодец, себя не мызгай¹
И почаще жену целуй.

По просторам страны кочуя,
Возвращайся всегда домой,
А лихую беду почуяв,
Обойди её, милый мой,

Чтоб ужо^{2**} не ходить, хромя
От двуногих худых зверей.
Не всегда хороша прямая,
Не всегда хорошо скорей.

Со смиренными будь потише,
С баламутами посмелей,
Не карабкайся выше крыши,
Дай убогому, не жалей...

Впрочем, всё, что она сказала
На прощанье, меня любя,
В два словечка всего связала.
Для меня это так немало:
Два словечка: «Веди себя...»

Малина

Пахнет медведем ельник.
Мутят ручей мальки.
А впереди горельник —
Мёртвые угольки.

Но, подбираясь ближе
Через ежи коряг,
Перед собою вижу
Тлеющий малинник³.

Быстро набрав посуду,
Чинно несую домой,
Чтобы лечить простуду
Осенью и зимой.

Радужною росой
Папоротник отцвёл.
Солнце большой лисою
Смотрит в кладовки сёл,

Где ни замка, ни дверцы,
И небогата снедь,
Но хорошо на сердце
Так, что нельзя не петь,

Будто вся жизнь — малина,
Словно и горя нет!..
Только убили сына.
Плохо без сына мне.

¹ Мызгать — мараться, грязниться, занашивать, затаскивать, истирать, шляться, таскаться без дела взад и вперёд, проводить время в побегушках, волочиться. (В. Даль)

² Ужо — погода, после. (В. Даль)

³ Малинник (Торопецкий диалект) — малина, малинник, малиновый кустарник. (В. Даль)

* * *

Может вспомнишь тихим словом,
Как ходила в платье новом
В магазин с Володькой Львовым
Днём, а вечером — в кино,

Как мы шли домой из клуба,
В небе папоротник цвёл,
И кричала баба Люба:
— Ты куда яё повёл?!

Не состряпай девки пузо,
Окаянная душа!
— Баба Люба, это ж муза —
Погляди, как хороша!

Как брильянтовая брошка!
— Ну? А я тебе про чо?! —
И вдогонку из окошка. —
Не теряйся, дурачок!

* * *

В начале было Слово...
(Евангелие от Иоанна)

Не всё на свете было хорошо.
Не Боги обжигали эту глину.
Я бренной жизни пропил половину,
А половину посуху прошёл
По буеракам, сквозь густой туман —
Отнюдь не по наезженной дороге.
Земные судьи часто были строги,
Суровым вышел жизненный роман.
За все совершённые грехи,
Однако же, мне было так и надо.
Я кто? Барашек маленький из стада,
Но Боженька мне дал писать стихи.
По-старому сажаю новый сад,
Ни от кого не требуя награды.
Мне хочется, чтоб все вы были рады,
Тогда и я, конечно, буду рад!
Кому? — Ему! И вам всем. И себе.
Авансом данной Господом любви,
И силе, что таится в каждом слове.
На небе мне написанной судьбе.
И красоте. И правде в них, в словах,
Которые рождаются ночами,
Которые всегда стоят в начале,
По-русски это значит — в головах.
Я помню: «Это Слово было — Бог», —
Но вслед ему посыпались другие,
Как в чёрном небе зёрнышки тугие,
Как в риге обмолоченный горох.

Понемножку

Как живу? Да понемножку.
От стиха и до стиха.
Вот подставили подножку,
Я споткнулся. Ха-ха-ха!

Да, в коровью. Да, в лепёшку.
Да, у девок на виду!
Как живу?! Да понемножку.
«Щас» отмоюсь на пруду.

А в пруду вода плохая —
Гуси гадят на плаву.
От стиха и до стиха я
Понемножку, но живу.

А живу — и слава Богу!
Он терпел и нам велел.
Виноватых было много.
Одного я разглядел

В отражении прудовом:
Грязен, страшен без белья,
С выраженьем бестолковым!..
Мать честная! — Это ж я!

Чтоб покончить навсегда

«Нас фашисты так лупили,
Что мешали аж с землёй!
Только мы не отступили
С первым номером Ильёй.

Первый номер не боялся.
Я боялся — я второй.
Первый первым подымался —
Я орал ему: «Отрой!»

Землю мы с себя стрясаали,
Находили пулемёт
И все трое стрекотали,
Заслоня свой народ.

Ни на миг не прекратился
Бесконечный этот бой.
Вдруг Илья перекопился:
«Ваня, судороги! Ой!

Или пуля? Вот так номер...» —
Простонал и ни гу-гу.
«Не молчи! Ты что?! Ай помер?
Погоди, я помогу...

Надо ж так! Нашла зараза...»
Я хватаю пулемёт,
Жму гашетку до отказа!..
И меня не стало. Вот...

Мы валили этих гадов,
Как косой, за слоем слой!
Только жаль, что до парада
Мы не дожили с Ильёй.

Он мечтал жениться сразу,
Я — сперва построить дом,
Как справимся с заразой
И на родину придём.

Не пришлось ему жениться,
Не построил я чертог,
Не успели помолиться,
Потому и не помог...

Даже крестик под рубахой.
Одолел нас сатана.
Мы легли под Волновахой,
Где опять идёт война.

Льётся кровь, и гибнут дети,
Плачут матери опять.
Мировой запахло третьей,
Не дают спокойно спать,

Топчет русские могилы
Вновь фашистская орда.
Но найдутся в людях силы,
Чтоб покончить навсегда

С ненавистным лютым зверем!
Неизбежен этот час!
Мы в победу нашу верим!
Отомстите им за нас».

Тверские берега

Василий Николаевич Рысенков

Автор пяти сборников стихотворений: «Запоздалые молитвы» (1997) (совместно с братом Михаилом Рысенковым), «Синичий монастырь» (1999), «Ольховые облака» (2002), «Средство от одиночества» (2006), «Четвёртое измерение» (2009). Произведения публиковались в журналах: «Нева», «Москва», «Русская провинция», международном альманахе «Братина», альманахах «Тверь» и в других периодических изданиях.

Автор серии детских сказок «Королева Хомяков» и нескольких юмористических рассказов.

Член Союза писателей РФ с 1997 года, Тверского содружества писателей. Лауреат областной литературной премии им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (2002), один из победителей конкурса «Золотое перо России» (2009), лауреат международного фестиваля авторской песни «НОРД-ВЕСТ» в номинации «Поэт» (2011).

Участник международного фестиваля поэзии в Литве (2004). Стихотворения переведены на литовский язык. Обладатель гран-при международного конкурса-марафона «Русской рифмы победный калибр» 2015 г.

Живёт в г. Торжок Тверской области.

* * *

День просушивал облако на проводах,
Пробуждал воробью чехарду.
И была клубника в чужих садах
Ароматней, чем в нашем саду.

И без слов от весенних надежд светло,
А счастливое сердце — мудрей ума!
Краем света казалось мне то село,
Задремавшее у холма.

Эта радость рождалась из чепухи
В добром мире — зелёном и золотом.
Я собакам и звёздам читал стихи,
Не написанные потом.

Бродят тени и призраки по судьбе.
Спит луна на руинах российских сёл.
Но, в подарок тебе, в предпоследней избе
До утра огонёк расцвёл.

Жизнь учила, что правда не лучше лжи,
Что однажды куда-то уйдут друзья...
Но, как прежде, клубника в садах чужих
Ароматнее, чем своя.

* * *

Если не холодно у погоста,
Если в кармане так мало денег,
Значит, ты молод. Всё очень просто:
Ты абсолютно счастливый бездельник.

В лунном потоке умою лицо я.
Это минута моя ли, та ли?
Помню, как в горькие песни Цоя
Трели свои соловьи вплетали.

Жизнь наша, жизнь... расплылась вся ты
С ливнями звёзд, изумрудных, острых —
В пьяные песни восьмидесятых
Или в похабный провал девяностых.

Под беснование дискотеки
С мира покровы и сны слетали.
Кажется, жить в двадцать первом веке
Мы не надеялись, не мечтали.

Всё же дожили... В пыли — кумиры.
Всё устаканилось, отлежалось.
Облаком майским над грязью мира —
Словно укор — красота и жалость.

* * *

За сизые овсяные поля
Полуденное солнце уплывало,
Росла за огородом конопля,
И слово «травка» смех не вызывало...

И бархатные волны тишины
Дробились о бревенчатые стены.
Солдаты Первой мировой войны —
Лишь пацаны, сгребаящие сено.

Не вывернута в грязь изнанка сна,
Не вырыты кровавые окопы,
Но рождена стальная новизна
Гремящими заводами Европы...

И едут с сенокоса на возу
Парнишки, с золотистыми чубами,
И рубят на учениях лозу
Кентавры Дона, Терека, Кубани...

И улетает солнечная пыль,
Как дань погибшим и рождённым странам,
Сюда, в другую боль, в другую боль,
Ко всем родства не помнящим Иванам!

Коза в шинели

Звёзды стужей налились, посинели.
Сумрак инеем колючим зарос.
Спит коза в красноармейской шинели,
Бережёт её хозяйка... Мороз!

Помечтаем о тепле, о весне ли...
От мороза в доме брёвна хрустят!
А козе в красноармейской шинели
Снятся дети, те, что летом гостят.

Мама вспомнит о погоде приметы.
Закурю, под лунный свет выходя.
Доживём... А вдруг у нового лета
Обязательство — ни дня без дождя!?

Да и что нам ожидать ту весну-то?
Я мечтаю, закрывая глаза,
Чтобы в вечность растянулась минута,
Где старушка и в шинели коза.

Письма из деревни

*Моему деду
Василию Ивановичу Рысенкову,
участнику Первой мировой войны*

А писалось письмо над бездною...
В небе ткали закат стрижи.
«Ну, а в первых строках, любезные,
Сообщу, что я сыт и жив...»

Дикий почерк. Кривые линии —
Не привыкший к перу народ...
А над Русью прощально-синие
Были сполохи в этот год.

«У кого-то долги просрочены,
У кого-то полно добра —
На задворках да на обочинах
Поднимаются хутора...»

«Лишь до Пасхи хватило хлеба нам,
Покупали на стороне,
А грибов до июля не было.
Ну и ладно! Грибы — к войне.»

«Благодарны, однако, богу мы:
Обошёл стороною град.
Я обабку был тонконогому
Словно старому другу рад...
Возле речки нашёл вчера его,
За покосами, в стороне...»
Точка. Подпись. Выстрел в Сараево,
Скрикошетивший по стране.

* * *

Мчатся кометы. Плетутся люди.
В космосе холод. Тепло в крови.
Дублей не будет. Экспромтов не будет.
Жить только набело — на чистовик!

В поле под звёздами гулко и пусто.
Млечным Путём из судьбы не уйти.
Плаха стола, голова капусты —
самая мирная из картин.

Можно смотреть из окна в Европу.
Можно мечту отпустить на юг.
Можно рассветным лучом заштопать
бедную рваную память свою.

В ней почернели красные даты,
запах остался — густой-густой...
В ржавом железе и рваных плакатах —
сон человечества золотой...

Гуси под звёздами — к югу.
Травы —
рыжими лохмами.
Спи, Земля!
Видишь: на Млечном Пути — заставы...
Не было раньше! Я там гулял.

* * *

Не ищу я звезду хрустальную,
Тяжесть мрака поднимая на плечах.
Есть окошко печальное дальнее
В бездорожных безлюдных ночах.

До зари суету отрину я.
Пусть с лесного поднимется дна
Та, старинная глухариная —
Предрассветная тишина

Добрых майских ветвей касание,
Нарастающий птичий звон...
Помню юности угасание
Как рассветный прозрачный сон.

Там — черёмухи облетевшие
Выбегают на край весны,
И сороки, осиротевшие
Без людей и дымов печных.

Не считай лепестки опавшие —
О годах бесполезно гадать.
Птицы, в детстве зазимовавшие,
Прилетают нас повидать.

* * *

Небо прозрачно, а в поле уже темно.
Розовых облаков медлительны корабли.
В брошенном доме прописан закат давно —
Словно вернулись люди и свет зажгли.

Кажется, пыльные окна опять чисты,
Снова шагнут хозяева за порог...
В марте любую ноту берут коты,
Галки смывают зиму в лужах дорог.

Выйду под звёзды. Про счастье себе совру.
Петь не осмелюсь. Куда уж мне до котов!
По траектории пёрышка на ветру
В ритме судьбы и мечты танцевать готов.

Можно идти по сугробам на добрый свет,
В небе пушистую звёздочку приласкать.
Пусть впереди чернолесье тревожных лет,
Знаю — прорвёмся! Нам ведь не привыкать.

* * *

Лизе и её друзьям

Ни в чертей ты не веришь, ни в гномиков,
Но поверь, что когда-то где-то
Жили девушки в старых домиках,
Наизусть читавшие Фета.

И не снились такие морозы вам:
Разрываясь, осины стреляли,
А избушки, в сиянии розовом,
Дымовыми хвостами виляли.

Помню: звонкая ночь развесила
Звёзды сказочного налива...
Там бывало светло и весело,
Без «прикола» и «позитива».

Тает день, как конфета мятная.
Гаснут радости. Меркнет горе...
С очевидным невероятное —
В вечной дружбе и в вечном споре.

Сквозь дремоту и созерцание
Звякнет рюмка, как льдинка, тонко.
Новогодних огней мерцание —
В золотистых глазах котёнка.

* * *

Огонёк последний погас.
В небе затеряться легко!
Пусть давно не кован Пегас
и летает невысоко...

Месяц в голубое окно
заберётся тайны стеречь.
Дали не слышали давно
женский смех и русскую речь.

Холоден пустующий хлеб,
мох морозной пылью цветёт.
В белом поле лунный посев
хоть надеждой пусть прорастёт,

Сказкой про дожди и грибы,
про весёлый труд и гульбу...
Сонное окошко избы
отражает нашу судьбу.

Я строкой взломаю покой,
снег pošлю еловой семье,
напою Пегаса тоской
и луной в речной полынье.

По ту сторону сказки

Нам бы рыбку золотую ... но рвётся сеть,
И без волка Иван, и без щуки Емеля...
Мы умели ждать, воевать и петь,
И терпеть мы тоже умели.

Если вырастим липу — то для совы,
А рябину посадим — для свиристелей.
Мы накормим банных и домовых,
Чтобы избы не опустели.

Но забыла сказки свои страна,
И завязли, пройдя по земле как танки,
Самоходные печки в болотах сна.
Улетели скатерти-самобранки.

Тут и сказке конец... И финал готов:
Дурачки от горя «умнеть» посмели.
От кровавых бинтов до кровавых бантов
Длится служба царская у Емели.

Но под утро, когда и сверчок молчит,
А на небе Медведица шевельнется,
Русский мальчик под звёздами на печи
Старой сказке загадочно улыбнётся.

* * *

Под парусами мусорных пакетов
Российская провинция плывёт
За кромку сизых мартовских рассветов,
Туда, где скоро день рожденья лета
Ознаменует птичий перелёт.

Погаснет день над этой жизнью тленной,
Нырнут в дырявый сумрак поезда...
А мне замочной скважиной Вселенной
Покажется лиловая звезда.

Там все пути: что было и что будет,
Там вечный запах сена на заре,
Там все сплетенья и развязки судеб,
Там живы все мои родные люди,
Сгоревшие на жизненном костре;

И грохот не свершившихся событий,
И свет надежды, и порочный круг...
И зазвонят живые птичьи нити,
Протянутые с севера на юг.

Плывут эпикурейцы и аскеты,
Чиновник, бизнесмен и джентльмен...
Плывут и верят в сказки и приметы,
Хотя бы в то, что рваные пакеты
Наполнит свежий ветер перемен.

* * *

«Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
подавишься ты колосом —
не будешь куковать».

Н. Некрасов

Мотоцикл поёт о лесных потаённых дорогах,
Где настояны лужи на тучах и на пыльце.
Новый день настанет. Вечность смотрит на нас нестрого,
И дорога — как сказка, с улыбчивой тайной в конце.

В незнакомых селениях ветер видения крутит,
Дарит синие крылья рассвет отдалённым лесам.
Люди, пчёлы и птицы — собратья по этой минуте,
А прожить её каждый сумеет, конечно же, сам.

Посмотри на погост: ты ни бог, ни хозяин, ни пастырь,
А всего лишь — хранитель своих неустроенных гнёзд,
Как порывистый дрозд и встревоженный чибис глазастый,
И твой путь так же прост. Так же точно отмерен и прост,

Пустырями и свалками, как и стихами, отмечен...
Хорошо, коль останутся только слова да трава.
А кукушке в полях подавиться, решительно, нечем.
Видно, ей до июля придётся опять куковать.

Тверские берега

Иван Владимирович Демидов

Родился в 1954 г. Автор сборника стихотворений «Лимит любви» (Тверь, 2003), постоянный участник сборников стихотворений и альманахов Каблуковских литературных встреч и ряда других. Заместитель председателя Тверского содружества писателей, член жюри международных литературных встреч «Каблуковская радуга». Директор ГБУК ТО «Тверьгосфильмофонд». Живёт в г. Тверь.

Без тебя

Голубая лазурь небосвода
Переплавилась в жёлтый закат.
Пролетели чудесные годы
Без тебя. Кто же в том виноват?

Размышляя, стою у порога
Дома отчего. Пахнет росой.
Вроде было до счастья немного,
И могли б любоваться красой

Вместе, радуясь утру и солнцу,
Наблюдать птичьих стай перелёт
И, обнявшись, стоять у колодца
Возле дома, где счастье живёт.

Не случилось. Деревня стихает,
Лишь машин несмолкающий гул
Берedit мою душу. Стихами
Я лечусь, а заснуть не могу.

Не могу, потому что страдаю,
Сердце бьётся, как в детстве, в груди.
Я устал без тебя, дорогая.
Тяжело без тебя. Приходи!

6 августа 2014 г.

Вот и лето

Вот и лето наступило:
Зелень буйствует кругом,
В нас вливая свежесть силы,
А мы снова что-то ждём.

Ждем в душе переворота
От уныния к добру,
Но опять мешает что-то,
Словно дождик поутру.

Знаем мы, что дождь не вечен —
Солнце выглянет опять,
А добру до нашей встречи
На коне не доскакать.

Очень мало что-то света
В мире сумеречном зла.
Боже, дай моей планете
Мира, счастья и тепла!

4—15 июня 2015 г.

Думы о судьбе

За окном —
злого ветра порывы.
Хлопья снега искрятся в лучах
фонарей
и проносятся криво,
а потом исчезают впотьмах.
Небо чёрное,
словно Малевич,
перенёс на него свой квадрат.
Вьюга нам — не беда,
вьюга — мелочь,
не о ней думы. Нет.
Я не рад
Сознавать, что такая же вьюга-
наши жизни и наша судьба.
Мельтешим,
словно в замкнутом круге,
чтоб исчезнуть потом навсегда
На Земле, как снежинки растаяв,
Не оставив на ней ни следа,
Но хочу,
Чтобы тьму рассекая,
вслед за мной
загорелась звезда!

10—19.01.2015 г.

* * *

Листает осень, листьями шурша,
Ушедших дней увядшие страницы,
И, надрываясь, мается душа,
Взлететь желая. Только не летится!

Остатки лета скоро догорят
И растворятся в утреннем тумане,
А боль души который год подряд
Не растворить ни в небе, ни в стакане.

Зеркальна гладь застывшая реки,
Свет отраженья глаз уже не греет,
И птицы улетают от тоски:
Ассоль не встретит капитана Грея.

18.09.2014 г.

Пух тополиный, березок серёжки
Завтра застелят их. Словно вчера,
Помню в тяжелой росе клевера.
Льны, голубея, там льнули к ногам.
Мир улыбался и счастлив был нам.
Шум деревенский сводился на нет,
И занимался чудесный рассвет
С пением птиц и под стрекот цикад...
Если б вернуть это время назад!

7.07.14 г.

Эволюция мечты

Мечты стремглав по пыльным мчались далям
И далеко за кромочкой Земли
Потом, как птицы, в небеса взлетали,
Но многие вернуться не смогли.

Мечты о счастье, радости и воле,
Любви, подобной утренней заре,
О росных травах в солнечном раздолье,
О теплой печке в стылом декабре.

Да, все не вспомнить. Мало ли их было!
Мечты порой приходят и теперь,
Но их всё меньше, и они не в силах
Открыть уже незапертую дверь.

13.03.15 г.

Память

Змеится позёмка, следы заметая.
Морозно и ветрено, стыло вокруг,
И только снежинок летучая стая
Стремиться прилечь, да срывается вдруг.

Мелькает и кружится. Ветер пронзает
Деревья, строения, берег реки
И память, которая не замерзает,
А каменеет от дикой тоски.

Всё, говорят, в этом мире проходит.
Пройдёт, если правда, и это. Пройдёт.
Но с мамой уже не бывать в огороде
И старшего сына не ждать у ворот.

25 декабря 2014 г.

Немного о стихах

А где-то за окном живут стихи,
Плывут, как облака, по неба сини,
И в рифмы превращаются духи
прекрасных дам и в думы о России.

Мы ловим этот тонкий аромат,
Чтоб наши чувства выразить словами.
Увы, не все войдем в калашный ряд,
И бесполезно жаловаться маме.

В него войти способен только тот,
Кто наш простор впитал, как запах хлеба,
И вечность в тех продолжит свой полёт,
Кто даже в луже может видеть небо.

21.05. 2014. г.

Письмо

Жив я. Привет! Всё нормально со мной.
Небо огромное над головой.
Нету для сердца родней и милей
Наших просторов цветущих полей,
Там, где мы вместе торили дорожки.

Пошли мне слово

Своей
никчёмности
пустой
Я вижу
осень.
Приходит иней
за росой
И с ним
вопросы:
Зачем живу
на свете я
И столько прожил,
Коль ход
земного бытия
Сменить не можем?
Молю:
«Господь,
На склоне лет
Пошли мне слово,
чтоб я сумел
зажечь рассвет
надеждой новой!»

26.03.2015 г.

Прости и сохрани

Над нами небо невесомо,
И лёгкой дымкой облака
Парят над речкой и над домом,
А жизнь уходит, как строка,

К которой, вроде, подобрался
И для неё нашёл слова,
Но строй внезапно их сломался
И ощущаются едва.

В них блики света и намёки
Того, о чём хотел сказать.
Господь, пошли хотя бы строки,
Коль эту жизнь не удержать!

2.06.2015 г.

Прости

Прости меня, что стал тебе не нужен,
Что жизнь проходит, и в потоке дней
Настала осень, замерзают лужи,
И прошлое становится видней.

Ведь было лето солнечным и ярким,
Когда день сутки не вмещал едва,
И о тебе все мысли были жарки,
И я искал волшебные слова.

Тебе сказать, что в мире нету краше
Лучистых газ твоих и нежных губ,
Но не нашел! Не дотянулся даже...
Найти б теперь иголочку в стогу!

11.10.2014 г.

Слепнёво

Открытый простор на отрогах Валдая,
Сиреновой дымкой залит горизонт.
Из горнего мира на землю слетая,
Стихи наши души готовят в полёт,

И кружатся слепни на месте Слепнёва,
Не зная кого бы сейчас искушать
За то, что Ахматову и Гумилёва
Из памяти русской пытались списать.

Безлюдные склоны.
Ветра не колышут
Хлеба в одичалых просторах полей,
Лишь в шелесте дуба могучего слышу
И чувствую души великих людей.

25.06.2014 г.

Толе Устьянцеву

От истоков до устья
Всем отпущен свой срок:
От рождения чувства –
До рождения строк,

Чтобы выразить ясно
Нами пройденный путь.
Жаль, что нам неподвластно
Через время взглянуть!

Мир вокруг постигая,
Мы мудрей с каждым днём,
И поймём лишь у края,
Нечто важное в нём.

Всё вокруг затихая,
Превратится во прах.
Лишь поэты стихами
Жизнь продолжат в веках!

31.10.2014 г.

Ухожу

Ухожу из ухажёров,
Несмотря на зов весны,
Оставляя свет за шторой
Убывающей луны.

Той, которая сияла
Ярче всех на небесах,
Той, которой места мало
Было в сердце и стихах.

Изменить её орбиту
Не хватило лет и сил.
Жизнь — разбитое корыто!
Не хотел, а получил.

Получил — не буду плакать.
Что с кого теперь возьмёшь?
Ни к чему скандал и драка,
Что посеешь — то пожнёшь!

Ухожу из ухажёров,
Невзирая на весну,
И на даче за забором
В буднях быта утону.

24.03.15 г.

Тверские берега

Ирина Викторовна Кучерова

Окончила исторический факультет Тверского государственного университета. Автор сборника стихотворений «Спутница сенбернара» (Торжок, 2001). Член Тверского содружества писателей. Живёт в г. Торжок Тверской области.

Carte blanche

Значит, осень решила проститься так:
Чтоб листвою с куста и под лёд с моста,
Оборвав на лету не последний такт
Этой музыки странной.
Задержать бы подольше, остаться с ней
В кладовых октября созревает снег,
Выпадающий в тихом осеннем сне
Над полночным диваном.

В темноте полусонно плывёт земля,
Плавниками тяжёлыми шевеля.
До рассвета ей мыкаться и петлять
Между призрачных линий.
До того, как восход загремит кольцом
В двери спящих безумцев и мудрецов
Просыпается город, плеснув в лицо
Влагу лиственных ливней.

Остаётся какая-то горстка дней,
Чтоб вдыхать эту осень, бродить по ней,
Чтоб мерцало у сердца на самом дне
Ощущение счастья.
Жизнь, похоже, не против, а только за.
Позабудь про запреты и тормоза.
Распахнётся навстречу твоим глазам
Небо осени настезь.

Безымянное

Подробная карта детства
потёрта на сгибах, рвётся,
Но всё не доходят руки,
чтоб новую завести.
На три жестяные нотки
разобраный скрип колодца,
А дальше всё вниз и прямо,
и ветер в ушах свистит.

Столбцы пояснений сбоку —
запомнить, пока не поздно!
Да где там...стекают буквы,
графитным дождём струясь.

Взирают, совино жмурясь,
на землю дневные звёзды,
И ждут, что в потёках чёрных
проступит иная вязь.

Откроется тайный ключик
в подвалы тепла земного,
Штурвал за тяжёлой дверью:
вращаешь, и время вспять.
Ушедшие, те, кто дорог,
вернутся живыми снова...
Рвануться бы что есть силы
и крепче судьбы обнять.

Им выпало плыть в мерцанье,
а мне — в гомонящий город,
В котором брожу без карты —
любой поворот знаком.
Пора возвращаться. Время.
Разлука вращает ворот.
И дышат навстречу звёзды
колодезным холодком.

Здесь и сейчас

Коридоры марта, наброски дня.
«Каркну дважды», — решает птица.
...Если есть к чему привязать коня,
Значит, есть куда возвратиться.

Бережёт река за туманом дней
Отражений забытых лики.
Ледяное время скользит по ней,
Задевая краями блики.

Оглянись — уходят в побег снега
И пьянеют ветра от дыма...
«Мне несладкий», — поздно, плывёт шуга,
Растворяясь неумолимо.

Привяжи коня, у весны побудь.
Капли вечности камень точат.
Из ковша дымящийся Млечный путь
Льётся в чёрную гущу ночи.

Мельничные круги

От белых вихрей город поседел.
Сниму снежинку бережно с плеча его.
Казалось, что у боли есть предел,
Но эта — раскалённо-нескончаема.

Отчаянно пытаюсь встать чуть свет,
Но боль опередит, плеснувшись затемно.
Привратник спросит: как ты?.. И в ответ
В который раз не знаю, что сказать ему.

Ты хочешь слышать, как мне здесь, в аду?
Сплетаясь в узел, горько пальцы выгнутся.
Забилась в угол. Ничего не жду.
Пытаюсь с болью хоть немного свыкнуться.

Привратник, что тебе мои слова?
Ты спрячешь ключ, твой взгляд не переменится.
Шурша, стирают сердце жернова.
На эту муку не скупится мельница.

Что ж, доброй ночи, добрый человек.
Беззвучно воет ночь собакой брошенной.
Поспи, привратник. Завтра будет снег.
Должно же быть хоть что-нибудь хорошее.
Периодическая система.

Россыпь

Капли стучат.
Ёжится ветхий кров.
Влажной чертой —
финиш былого зноя.
Сколько людей —
столько у них миров.
Бродим по ним,
тянет найти родное.

Входим в миры,
чей-то покой губя.
Губим затем,
чтобы лечить собой же.
Сколько людей —
столько у них тебя.
Просто моя
львиная доля больше.

Пёстрые дни
нам суета суёт.
В стане теней
прячется ночь нагая.
Капли дождя
вряд ли петух склюёт.
Впрочем, с него
станется, полагаю.

Если впаду
каплею в этот дождь,
В жемчуг речной,
в слёзы травы печальной, —
В сонме сестёр,
знаю, меня найдёшь,
В гулкой тиши
сыщешь моё молчанье.

Скоро сентябрь.
Лету пора линять.
Серпень сверкнёт
взором на провожатых...
Сколько людей —
столько у них меня.
Не оброни
то, что в руке зажато.

Наш сад

Старые камни,
сколы на солнце грея,
Могут веками
ждать, но не стать мудрее.
Тени на плитах.
День просиявший канет.
Вечности слиток —
серое сердце камня.

Глобус пылится,
старясь материками.
Жизнь — это лица.
Века разлуки — камень.
Те, кто за камнем,
больше не спросят: как ты?..
Мы привыкаем
жить и считать закаты.

Солнце монетой
тонет в прохладной сини.
Трону планету —
пальцы найдут Россию.
Тянется пряжа
дней, чтобы стать веками.
Нам не прикажешь.
Стало быть, мы не камень.

Раннее лето

чайкой над нами реет.
Тронешь планету —

дни полетят быстрее.
Глобус покатый
жадно вращают ветры.
Что до закатов...
лучше считать рассветы.

В сантиметре от пульса

Как медлительно нижутся зимние дни
На узорный шнурочек...
Солнце вмиг устаёт. Не согреешь под ним
Замерзающих строчек.

На узорный шнурочек...от света до тьмы,
От крюшона до пунша.
И морозное лезвие долгой зимы
В сантиметре от пульса.

Поцелованы ветром, дрожат провода.
Небо в дымчато-чёрном.
«Где-то час до рассвета», — прикинет звезда
И вздохнёт облегчённо.

Ни о чём у продрогшей звезды не проси.
Обними меня крепче.
Все разлуки кончаются в точке оси,
Где назначена встреча.

Это слово — тротил для ледовой брони.
И в подарок тебе я
Продолжаю нанизывать зимние дни,
Торопясь и слабя.

Календарные листья горстями срывать,
Зиму сматывать в ленту.
...И совсем не выходит по ней тосковать,
Как тоскуем по лету.

Поворот кольца

Промелькнули домики за окном
Вереницей детских моих рисунков.
На коленях сдвинутых дремлет сумка.
И внутри — отчётливый метроном.

Это чувство времени через пульс
Нарастает в каждой моей поездке.
Неизменно клетчатые занавески,
И летит за окнами добрый путь.

Серебром на пальце — кольцо дорог.
Серебром по чёрному иней ляжет.
Я начну с простейшего — не с нуля же, —
Собирая год из твоих даров.

Предвечерий синяя колыбель
И привычка греться имбирным чаем...
Говоря "до встречи", уже скучаю.
Продолжаю путь от тебя к тебе.

Дни тепла не в срок, нулевой порог.
В декабре плюс три равносильно раю.
У сырой зимы прохожу по краю,
Повернув на пальце кольцо дорог.

Плюс тридцать один

Волнуется утро. У леса верхушки обгрызены.
Синхронно с рассветом рождается мини-судьба.
А солнце печёт, и конфеты приходится слизывать,
И скрученный фантик похож на испачканный бант.

Привычно звучат голоса электронного ящика.
Звонков позывные ложатся в мелодию дня.
Под солнцем палящим — народ, безнадежно палящийся
Так жарко, что даже одежда уже не броня.

Так душно, что шепчешь "спасибо"... ветрам — за дыхание,
За свежесть — воде, за наличие вечера — дню.
И борешься с вечными сбоями точной механики,
И дышит истома сквозь тонкую эту броню.

Словечко "пойдём" вечерами становится знаковым.
Синонимом чутким на руку ложится рука.
У неба, воды и травы глубина одинакова.
И хочется по небу вплавь, распугав облака.

Берега памяти

Евгений Лушев

Родился в 1930 году в деревеньке на берегу Северной Двины в Холмогорском районе Архангельской области. Окончил Военно-Морской факультет при Первом Ленинградском медицинском институте имени ак. И.П. Павлова. Тридцать три года служил на Балтийском флоте. Ветеран военной службы. После увольнения в запас жил в Таллине. Занимался последипломной подготовкой судовых врачей. С 1996 года — в Гурьевске. Литературные публикации — с 2002 года, в калининградских и гурьевских альманахах, журналах, коллективных сборниках... Изданы книги: «Русское рассеяние. Аргентина», «Митькина заграда», «Память»

Долг памяти. Братское кладбище на Соколе

I

Григорий в детстве узнал от мамы: дядя Сергей, брат отца, погиб в первую мировую войну. Он полюбил местную девушку Аню, женился на ней. Плодом их любви стал сын Андрей. Вместе с отцом, дедом Гриши, тоже Сергеем, дядя построил рядом с родительским большой дом для своей семьи. Но пожить в нем удалось немного. Вскоре его призвали на войну, с которой не вернулся. Анна приняла в дом Василия Трефилова, пришедшего откуда -то из-за Двины, родила ему пятерых детей, и дом стали называть «Трефиловых».

Гриша испытывал к дому двойственное чувство. Его построили дед и дядя, которых никогда не видел, но они родные, близкие, и дом кажется теплым — хочется потрогать бревна стен: к ним прикасались мужчины его рода, когда рубили деревья в лесу, тесали их, подгоняли, укладывая в сруб. А в доме живут чужие, не очень дружественные люди — исчезает тепло, веет холодом.

Видимо, что-то подобное ощущал и приехавший в отпуск военный моряк Андрей. Он пригласил нескольких малышей к себе. Принимал их не в комнатах, а на повети, где и находился его чемодан. Раскрыв его, Андрей угощал ребят конфетами и каждого расспросил о родителях. Значит, он узнал, что Гриша — его двоюродный брат, но ничем: ни взглядом, ни жестом, ни словом -не выделил его, а Гриша тогда еще не понимал, не знал родства.

В доме бабушки мальчику нравилось рассматривать богато иллюстрированный журнал «Нива». Он многое узнал из него о первой мировой войне. Она была длительной и кровавой: в боях с немцами убиты или ранены миллионы молодых, здоровых русских парней в солдатских шинелях. Они героически сражались за родину — многие награждены за подвиги георгиевскими крестами и другими знаками отличия. В России с почетом встречали и солдат, возвращающихся из плена. Но как увековечена память о героях той войны? Где памятники им?

В деревенском клубе над входом из биллиардной в библиотеку висело несколько портретов молодых симпатичных мужчин в форме солдат царской армии. Взрослые объяснили: это наши земляки. Они вернулись с фронтов первой мировой и погибли в сражениях с интервентами на севере. Ребята всегда смотрели на них с большим уважением.

В школе Гриша узнал о первой мировой войне очень мало: империалистическая война, которую большевики превратили в гражданскую. В последующем его не покидало желание больше узнать о ней. В период службы на кораблях Балтийского флота просил сослуживцев в период отпусков узнать: есть ли в их городах, областях, республиках памятники воинам первой мировой? И убедился: советская власть не озаботилась увековечением памяти русских воинов, погибших в той войне: не поставила ни одного памятника им.

II

Военные действия на Западном фронте прекращены в одиннадцать часов 11 ноября 1918 года. В этот день похоронили неизвестных солдат на самых почетных кладбищах трех стран: на Арлингтонском — в США, в Вестминстерском аббатстве — в Великобритании, у Триумфальной арки — во Франции.

Одиннадцатого ноября в США отмечают День ветеранов, в Канаде — День памяти погибших, в Англии — Поминальное Воскресение; в России — День памяти погибших в Первую мировую войну (с 1966 года). А до того?

Более двух миллионов погибших, около пяти миллионов раненых и больных, три миллиона попавших в плен российских воинов не удостоились этой чести. Будто их и не было. Более того, на Московском городском Братском кладбище возле поселка Сокол в 1915 — 1918 годах похоронено 18 тысяч воинов (17340 нижних чинов, 580 офицеров, 38 общественных деятелей, 23 сестры милосердия, 14 врачей). Это самое большое в мире захоронение времен Первой мировой войны, и решено было считать мемориальным. Но в 1932 году его сравнивали с землей.

Григорий убедился в этом. Выйдя на станции метро «Сокол», миновал храм Всех Святых и в метрах 400 от него увидел большой старинный неухоженный парк. Ничто, кроме тишины, не напоминало о захоронении здесь многих тысяч русских воинов — героев первой мировой: молчали деревья, травы, опавшие листья. По центральной аллее неторопливо гуляли женщины с детьми; на одной из скамеек отдыхали, беседуя, двое пожилых мужчин. Они рассказали Григорию историю Братского кладбища и направили к «памятному камню студенту».

Ближе к центру парка, слева от центральной аллеи, в липовой роще увидел памятник из красно-коричневого гранита. На нем начертано: «Студент Московского университета Сергей Александрович Шлихтер. Погиб в бою под Барановичами 25 июня 1916 года». Чудом уцелевшее надгробие над могилой георгиевского кавалера Сергея Шлихтера — это все, что осталось от огромного Братского военного кладбища.

Поручик Сергей Шлихтер — сын старого большевика, соратника Ленина, поочередно занимавшего посты наркома земледелия и наркома продовольствия в первом Ленинском Совете Народных Комиссаров. Отстранен и заменен Цурюпой из-за гуманного отношения к крестьянам. Говорят: когда уничтожали Братское кладбище, старик Александр Шлихтер встал у огромного камня, обхватив его руками, и заявил разрушителям:

— Тогда и меня вместе с ним сносите! — Не рискнули. Может быть, сыграла свою роль связь с Лениным. Так и остался монумент до наших дней.

Студент 2-го курса филологического факультета Императорского Московского университета Сергей Шлихтер с первых дней войны работал в одном из московских лазаретов, а в ноябре 1914 года уехал на фронт братом милосердия 1-го Сибирского передового отряда; пробыл в нем год, спасая раненых солдат и офицеров. В феврале был контужен, но от госпитализации отказался. В сентябре 1915 года Сергей с двумя товарищами с флагом вышли как парламентареры к немецким окопам, рядом с которыми после неудачной атаки трое суток без помощи лежат десятки раненых русских солдат. Переговоры оказались успешными — русский обоз собирает всех раненых и увозит в тыл. За подвиг Сергей награжден Георгиевской медалью.

Во время боя 24-го июля 1915 года, перевязывая раненых в окопе, восстановил связь между двумя ротами и сообщил о прорыве немцев в тыл, чем предотвратил окружение своих крупными силами противника. Получил ранение в бою, но сумел на плечах вынести с линии огня раненого офицера, за что награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Случай награждения брата милосердия такой наградой стал исключительным. В период лечения и последующего отпуска писал стихи, многие из которых напечатаны в газетах.

Весной 1916 года вернулся на фронт и стал вольноопределяющимся в команде пехотных разведчиков 266 Пореченского полка, при котором работал родной ему 1-й Сибирский отряд. В бою под Барановичами 20 июня 1916 года полк пошел в атаку. Когда из строя выбыли все офицеры и унтер-офицеры роты, Сергей встал во главе ее и повел вперед. Под его командой рота захватила неприятельский перевязочный пункт и около сотни австрийцев. Бой продолжался. Через несколько часов Сергей был тяжело ранен осколком гранаты и 25 июня 1916 года по дороге в московский госпиталь скончался.

Задумавшись о судьбе поручика Шлихтера Григорий вдруг ощутил, каким-то внутренним зрением увидел лежащих под слоем почвы русских солдат и офицеров в полевой форме; ряды их уходят в бесконечность. На мгновение показалось, что и травяной покров слегка колышется от дыхания героев... Мелькнуло: «Может, и дядя Сергей здесь?» Помолчав, Григорий низко поклонился героям Первой мировой и с тихой грустью покидал парк. Уже за пределами его, влившись в людской поток, почувствовал: постепенно на душе становится светлее, возникает ощущение: только что он сделал нужное, очень важное для себя...

Память о наших героях той войны по — иному, иначе чтут в других странах. Памятник воинам России воздвигнут на одной из центральных площадей Белграда. На кладбище «Ново-Гробле» сооружена часовня и установлен памятник. На постаменте под аллегорической фигурой изображен российский двуглавый орел, дата — «1914» и надпись « Императору Николаю II и 200000 русских солдат, отдавших жизнь за свободу Сербии».

В крепости Йозеф (Чехия) в 1916 году установлена скульптурная группа: фигура плачущей боярской дочери на коленях, символизирующая Россию, рядом витязь с мечом и двое детей. Надпись гласит: «Павшим за царя и Родину русским воинам в великую европейскую войну». Ухоженные кладбища героев сохранились во Франции, Польше, Румынии и Греции — там, где на полях сражений или в лагерях военнопленных погибли россияне.

III

Великая княгиня Елизавета Федоровна рядом с храмом «Всех Святых» основала в 1907 году «Сергиево -Елизаветинское убежище для увечных воинов — героев Русско-японской войны». Наряду с воинами —инвалидами (в их числе георгиевскими кавалерами) заботу и приют в нем нашли дети-сироты, потерявшие родителей в войне 1904 — 1905 годов. При убежище находилось кладбище, а рядом — кирпичная часовня во имя «Преподобного Сергия и праведницы Елизаветы», где отпевали перед погребением воинов-инвалидов — героев нашего Отечества.

В.к. Елизавета Федоровна стала инициатором создания и мемориала воинам, погибшим в Первую мировую войну. Уже в сентябре 1914 года она обратилась к городскому голове Москвы с просьбой: «Не признаете ли вы возможным отвести на окраине Москвы участок земли под кладбище для умерших в московских лазаретах воинов настоящей войны; их родственникам и нам всем утешительно будет знать точное место упокоения павших при защите нашей дорогой родины героев и иметь возможность там помолиться.»

Городская управа Москвы без промедления рассмотрела просьбу и 9 сентября, признав необходимость учреждения особого кладбища для воинов, павших в священной войне, утвердила положение о нем. Отмечалось: кладбище должно быть во всех отношениях благоустроенным и служить памятником переживаемых великих событий. На нем должно быть отведено место для погребения сестер милосердия Московских общин, самоотверженно работающих на деле служения больным и раненым, как в мирное, так и в военное время, и часто умирающих на своем посту от заразных болезней, а иногда и от неприятельского оружия. Желательное название «Братское кладбище для воинов, умерших в настоящую войну, и для сестер милосердия Московских общин». На нем должен быть сооружен храм в память о Великой войне, и оно должно находиться в ведении Московского городского управления. Предложено ходатайствовать о сборе пожертвований на устройство мемориала и храма, а также организовать в Москве с надлежащего разрешения однодневный кружечный сбор.

Городская управа одобрила предложение о покупке для устройства Братского кладбища усадьбы, называвшейся «Сад села Всехсвятского», что в пяти верстах от Тверской заставы по Петроградскому (Ленинградскому) шоссе при селе Всехсвятском. Одиннадцать десятин усадьбы занимал вековой парк из лип, берез, сосен и ели.

Император Николай II во время пребывания в Москве 10 декабря 1914 года выслушал доклад попечителя кладбища, одобрил предложения городского управления и рекомендовал прирезать еще 8 десятин из владений удельного и государственного имущества, а также открыть прямой проезд от Петроградского шоссе к кладбищу.

Детальный проект Братского кладбища после ознакомления с устройством воинских кладбищ за границей, а также в Риге, Петрограде и Севастополе разработал инженер С.С. Шестаков.

Гласный Думы Р.И. Клейн выразил общее мнение об устройстве кладбища.: «Оно должно представлять собою один величавый всероссийский памятник-пантеон самоотверженным героям, покрывшим неувыдаемыми лаврами славы и русское воинство, и русскую землю. На нашем поколении лежит высокая нравственная обязанность приложить все заботы к тому, чтобы этот отныне священный для каждого русского уголок на вечные времена привлекал к себе народные массы не только Москвы, а со всех концов русской земли; чтобы современники в созерцании великих подвигов сынов отечества находили здесь душевный покой и уходили отсюда умиротворенными с тяжкими испытаниями, перенесенными в грозных событиях войны, а грядущие поколения научились здесь любви к России и уносили в душе твердую решимость служить на пользу отечества». Он же предложил устроить по сторонам храма два музея: один — для литературы событий времен войны, другой — для трофеев, взятых погребенными здесь героями.

IV

Открытие Братского кладбища и первое погребение состоялось 15 февраля 1915 года. Перед строем войск московского гарнизона на катафалках помещались пять гробов с прахом воинов, павших на поле славы: казачий сотник Прянишников Виктор Иванович, убитый в сражении под Сарыкамьшем на Кавказском фронте (бывший питомец Московского Алексеевского военного училища), и нижние чины: ст. унтер-офицеры Андрей Анохин и Филипп Панков, ефрейтор Георгий Гутенко и рядовой Яков Салов.

Траурная церемония началась с грандиозного крестного хода от храма «Всех Святых» до «Сергиево-Елизаветинского убежища» и на территорию Братского кладбища. Провожали гробы с телами героев представители всех сословий, командование Московского военного округа, приближенные к Государю, иностранные консулы: великобританский, французский, бельгийский, японский и сербский. При выносе праха воинов войска взяли «на караул», оркестр исполнял «Коль Славен». Впереди несли икону, за нею шли малолетние певчие, а за ними — духовенство во главе с епископом

Первый гроб несли Георгиевские кавалеры; второй — консулы союзных государств, третий и четвертый — гласные Мосгордумы. Пятый гроб с телом сотника Прянишникова несло командование Московского военного округа. За гробами следовала в.к. Елизавета Федоровна и весь генералитет. Процессия шла мимо рядов войск почетного караула. После молебна с водосвятием началась панихида по погибшим воинам. При возгласении «Вечная память» все опустились на колени. Похоронили героев при трехкратном залпе из ружей и пушечной пальбе.

В апреле 1915 года на Братском кладбище торжественно похоронили убитую на передовой 19-летнюю сестру милосердия 1-го Сибирского врачебно-госпитального отряда Всероссийского союза городов Ольгу Иннокентьевну Шишмареву. Оказалось: Ольга — дочь Троицко-Савского городского головы, служила в одном отряде с Сергеем Шлихтером. Он в своем письме с войны подробно описал обстоятельства ее ранения близ города Опочно. В марте 1915 года они вместе оказывали помощь раненым в окопе. Австрийцы внезапно нарушили заключенное перемирие — вблизи раздался взрыв, и Ольгу тяжело ранило шрапнелью. Сергей участвовал в оказании помощи Ольге, сопровождал ее в Варшавский госпиталь, где находился две недели до ее кончины 28 марта 1915 года. Сергей в письме, в случае гибели на фронте, просил похоронить его рядом с Ольгой, своей боевой подругой. Завещание выполнено: между их могилами на Братском кладбище всего несколько метров.

У московской казны не доставало средств на сооружение достойного храма. Супруги А.М. и М.В. Катковы, родители двух погибших на войне сыновей, предложили для этого свои накопления, обусловив: Храм создается во имя Преображения Господня с приделами во имя Архангела Михаила и Андрея Первозванного художником-архитектором А.В. Щусевым, и закладка его делается 6 августа настоящего года в день гибели их сыновей Михаила и Андрея. Городская управа с благодарностью приняла предложение, и 6 августа состоялась закладка храма в присутствии в.к. Елизаветы Федоровны, в.к. Ивана Константиновича, Катковых, при огромном стечении народа.

Писатель С.В. Яблонский оставил записи своего восприятия Братского кладбища: «Старый и необыкновенно живописный парк; аллея за аллеей тянутся ветвистые липы; хорошо в этом парке; все ваше внимание привлекли длинные правильные многочисленные ряды ярко зеленых прямоу-

гольников, точно красивые, любовно, тщательно отделанные огородные гряды, и вы знаете, что это такое... ; они так стройно и весело побежали вдоль аллей, не мешая старым, склонившимся над ними деревьям. Посреди каждой грядочки растут красивые цветы и воткнута деревянная новенькая дощечка. Читаете на одной: рядовой такого-то полка, ФИО, где, когда убит. На другой, третьей, на тысячной ... Братское кладбище. Это единственное пока кладбище –памятник, где погребено столько одних только воинов. Здесь нет ни глубоких стариков, ни детей: кладбище цветущего возраста, времени полноты сил и энергии».

На созданном величайшем Всероссийском памятнике-пантеоне не забыты воины других, кроме православного, вероисповеданий. На особых участках похоронены российские воины: католики, лютеране, мусульмане, иудеи, буддисты. Разделенные верой, они были объединены родиной-Россией, и отдали за нее жизнь. Этим героям и создал город кладбище-памятник.

Соучастие в благородном деле побудило людей к проявлению лучших качеств, душевной теплоты и красоты, что не могло не отразиться на всем облике Братского кладбища.

Попечитель его — гласный Мосгордумы и главный врач Александровской больницы С.В. Пучков писал: «Мне приходится убеждаться с чувством глубокого удовлетворения, насколько сильно Братское кладбище уменьшает остроту скорби у тех осиротелых семей, которым суждено предавать земле на Братском кладбище прах своих близких. А это его обращение относится и к потомкам: «Граждане! Не забывайте, что здесь покоится прах наших братьев, отдавших жизнь за защиту Родины!»

V

Забыли! По личному указанию И.В. Сталина в 1932 году взорвали храм «Преображение Господне», уничтожили кладбищенскую часовню. Все кресты и надгробия над захоронениями героев на Братском кладбище как символы «империалистической войны» и свергнутых реакционных классов уничтожили за несколько дней. Совершили вопиющее кощунство: окраину кладбища отвели под мусорную свалку, на территории разрешили выгул собак, а в центре устроили места увеселения, построили деревянную танцплощадку, на которой несколько дней подряд играл духовой оркестр. Но произошло по тем временам нечто невиданное: почти никто на танцы не пришел: москвичи не захотели в угоду советскому руководству осквернять это святое место танцами на костях героев 1-й мировой. Позднее на месте храма построили кинотеатр «Ленинград». А с 1950-го года на окраине кладбища начали возводить жилые корпуса.

На территории Братского кладбища в 1941 — 1942 годах стояли зенитные батареи, прикрывающие небо Москвы от фашистских налетов. Погибших при бомбежках воинов-зенитчиков и местных жителей хоронили в братской могиле у ограды Братского кладбища. Поставили над могилами обелиск. В конце 40-х годов и его снесли. Уничтожили надгробия даже над могилами похороненных здесь в 1918 — 1925 годах красноармейцев, милиционеров, красных командиров и летчиков, надругавшись над памятью и своих героев.

Под предлогом подготовки к «Олимпиаде — 80» по приказу руководства Моссовета и горкома КПСС уничтожен последний сохранившийся исторический Некрополь 17 — 18 веков у стен храма «Всех Святых»: погребение представителей царского рода Багратионов, видных государственных и общественных деятелей императорской России, известных священнослужителей.

Не оставлено в покое и Сергиево-Елизаветинское убежище. Еще в 1918 году оно было разгромлено и закрыто. Дети-сироты и воины-инвалиды были выброшены на улицу. Многих монахинь и служителей арестовали, а затем (по-видимому) расстреляли. Известна лишь судьба Елизаветы Федоровны, принявшей мученическую смерть от рук большевиков в Алапаевске 18 июля 1918 года.

Позднее Сергиево-Елизаветинское кладбище переименовали в кладбище «Арбатец», чтобы стереть всякую память о героях Русско-японской войны. Само убежище полностью разрушено в 1928–32 годах, а последние надгробия осквернены и ликвидированы в начале 1950-х годов.

Каким-то чудом до наших дней сохранилось кирпичное здание часовни во имя Преподобного Сергия и Праведницы Елизаветы, находящееся рядом с поселком Сокол. Советские власти после 1920 года открыли в нем клуб воинствующих безбожников, позднее — овощной и вино-водочный магазины; затем отдали службе безопасности филиала банка «Русский кредит». Лишь в 1999 году часть помещений возвращена православной церкви под воскресную школу для детей прихожан храма Всех Святых.

Захватив власть, в попытке самоутвердиться, варвары в течение десятилетий стремились стереть память о прошлом народа не только в душах людей, но и с лица земли. С этой целью они утверждали: «История начинается с 17-го года». С этой же целью они приказали разрушить храм, уничтожить кресты и надгробия (видимую память) на территории Братского кладбища героев первой мировой войны. Но превратить огромную страну в беспмятную им не удалось.

VI. Возрождение

Нельзя надолго заглушить память народа. Энтузиасты не оставляли попыток вернуть месту его историческое значение. Уничтожены надгробия, кресты, но погребения в земле не были затронуты и сохранились. Одними из первых за возрождение Братского кладбища-памятника русским воинам, погибшим в Первую мировую войну, в конце 50-х годов выступили академик, генерал-лейтенант В.Г. Федоров и маршал Р.Я. Малиновский, имевшие непосредственное отношение к той войне. В.Г. Федоров в 1900 году окончил Михайловскую артиллерийскую академию, в 1912 году создал автоматическую винтовку, в 1913 году — первый в мире автомат. Р.Я. Малиновский в 1914 году шестнадцатилетним добровольцем ушел на фронт, награжден Георгиевским крестом, в составе русского экспедиционного корпуса сражался во Франции. Но предложение В.Г. Федорова поставить за свой счет памятник русским воинам на месте Братского кладбища осуществить им тогда не удалось.

Ширилось движение за восстановление Братского кладбища. В него включились участники Великой Отечественной войны, ученые, деятели культуры... Шло время, менялись генсеки, президенты, но идея возрождения Братского кладбища неизменно отвергалась по идеологическим соображениям или как не самая актуальная. И не удивительно, ведь руководство компартии и советского правительства не озаботилось даже захоронением многих тысяч героев Великой Отечественной, так и оставшихся не погребенными на полях сражений.

В день семидесятилетия Первой мировой войны по благословлению патриарха Пимена был организован крестный ход от храма «Всех Святых» на Братское кладбище с участием представителей русской церкви за рубежом, участниц мировой войны, журналистов. В центре кладбища был установлен памятный деревянный крест. Через несколько дней крест был сломан.

Наконец, создали общественно-православный совет по восстановлению Братского кладбища. К нему присоединились участники ВОВ, представители казачества, белой эмиграции. Инициативу поддержал Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. И правительство Москвы приняло постановление о парково-мемориальной зоне. На месте бывшего Братского кладбища, ближе к входу в него, установили стену памяти с надписью «Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны», а также три скромные стелы: «Павшим в мировой войне 1915 — 1918 годов», «Российским авиаторам» и «Российским сестрам милосердия».

В канун 90-летия вступления России в Первую мировую войну, 31 июля 2004 года, в столице состоялось открытие Братского кладбища той войны. Прошла панихида по павшим на полях сражений Первой мировой. Наконец-то. Лучше поздно, чем никогда.

На месте Некрополя у храма Всех Святых, разгромленного в начале 80-х годов прошлого столетия, в течение 1981-1999 годов создан единственный в России мемориал «Примирение народов». Здесь установлены копии крестов, надгробных плит, уничтоженных на Братском кладбище, стела в память грузинского царского дома, старинные надгробия, спасенные от уничтожения в 80-е годы при ликвидации приходского кладбища у стен храма Всех Святых; памятные плиты видным государственным и общественным деятелям России, священникам, а также символические надгробные плиты русским воинам, место упокоения которых неизвестно.

Символические надгробные плиты посвящены: Воинам и мирным жителям, павшим в битвах народов в 1-й и 2-й мировых войнах; Российским воинам, павшим на фронтах Великой войны, погибшим в плену и в тылу. Вечная память. Выше основного текста — эпитафия: «Лучший памятник полководцу — память о его солдатах» — А.А. Брусилов; Георгиевским кавалерам; Русским воинам. Ветеранам войн. Крымская война 1853 — 1856 гг., Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг., Русско-японская война 1904 — 1905 гг.; Скончавшимся от ран и увечий в Елизаветинском приюте; Солдатам, офицерам, генералам России, Сербии, Бельгии, Франции, Англии, США, павшим в войне 1914 — 1919 годов; Российским авиаторам, погибшим 1914 — 1918; Сестрам милосердия — героическим дочерям России 1914 — 1918; Генералам российской императорской армии: Алексеев, Деникин, Врангель, Дроздовский, Юденич, Корнилов, Марков, Шкуро, Дутов, Каппель, Краснов, Каледин, Мамонтов, адмирал Колчак; Белым генералам (Кутепов, Миллер...) и казачьим атаманам (Краснов, Шкуро...). Воинам русского общевойскового союза. Русского корпуса, казачьего стана, казакам 15 кавалерийского корпуса, павшим за веру и отечество; Юнкерам. Учащиеся военных, юнкерских и кадетских училищ, студенты и гимназисты, погибшие в Москве 26.X — 3.XI.1917г. Погребены 13.XI /ст.ст./ на Братском кладбище; Московскому Братскому кладбищу — Всероссийскому памятнику войны 1914 года с эпитафией: «Граждане! Не забывайте, что здесь находится прах наших братьев, отдавших жизнь за Родину»; Первым пяти погребенным воинам и сестре милосердия; Лопухину М., Белявскому В. и всем офицерам «Союза защиты Родины и Свободы», казненым в 1918 году на Братском кладбище; Воинам российской армии и войск МВД, павшим в Чечне за единую, неделимую Россию. Вечная память и слава. 1994 — 1995.

В последние годы активизировалась деятельность общественных организаций и государственных органов по восстановлению памяти о Первой мировой войне, ее участниках. Установлены памятники в Москве, Калининграде...

Бывая в Москве, Григорий едет до станции метро «Сокол», идет к мемориалу «Примирение Народов» у храма Всех Святых, отмечает появление новых крестов и символических надгробий и направляется к Братскому кладбищу. В тишине старого парка постоит у реставрированного надгробия герою той войны Сергею Шлихтеру, у символического надгробия отважной сестре милосердия Ольге Шишмаревой и ее подругам, отметит создание часовни, других соответствующих месту новинок и, поклонившись спящим героям, с просветленной душой покидает парк.

Молодые берега

Анастасия Косташ

Анастасия Косташ родилась в Калининграде в семье железнодорожников. Окончила начальное профессиональное образование корреспондента газеты в «Школе журналистики» Дворца творчества детей и молодёжи Калининграда. В 2007 году вступила в Союз свободных писателей «Эклога» (Калининград), созданный российским писателем Ю. Н. Курановым. В 2008 году окончила Калининградский государственный колледж сервиса и туризма, а сейчас является студенткой Балтийского федерального университета им. И. Канта. Стихи публиковались в периодических изданиях области, в частности, альманахах: «Дуновение Дюн» (Калининград) и «Балтийские зори» (Зеленоградск), журнале «Балтика» (Калининград)

Осень в Ильинском

Расчёсаны поля железным гребнем.
Всё собрано: пшеница, рапс и рожь.
И урожай, возделанный деревней,
На грядках и в теплицах не найдёшь.

Заходит год, как тёплое светило,
И свет зари — багрянцем на листве.
Мелодия дождя не раз пролилась
На клавиши желтеющих ветвей.

Ночной мороз рассыпал иней в травах,
И дым из труб — спокойный и густой,
И стаи птиц легко и величаво
Растают над осеннею водой.

Короче дни. И солнце ниже ходит,
И дышится солёно и свежо.
И ветры пьют прохладу на свободе.
И лес как призрак в дымку погружён.

Отцвёл посёлок сочными садами,
Отпели песни, шум и голоса.
Дворы затихли. Мокрыми устами
Сады хватают ливней волоса.

И кажется заброшенным, пустынным
Сей тихий бедный краешек земли.
Но нет тоски, нет грусти беспричинной,
Не ноет грудь, и сердце не болит.

Любая роль... Она к лицу природе.
Ласкают душу глас её и статья.
И мне любить её не перестать,
И мне воспеть поэзией в народе.

* * *

Осень. Утро. Снег тумана.
Поступь сизая села.
Сыро. Сонно. Тихо. Рано.
Птичий говор. Пёсий лай.

Рассветает...
Прозябает,
Увядает
Не спеша...
Осыпаясь,
Остывая,
Застывая,
Не дыша...

Лес — не лес, — пожара пламя.
Речка — неба серый лёд.
То ли тучи — под ногами,
То ли поле — твердь высот.

Вдаль — грунтовая дорога.
Вдоль дороги — сон дубов.
Ввысь — машин далёких рокот.
За спиной — родимый кров.

И летит над полем стая
Безмятежно и легко.
И туман, как снег, растает
Над разбуженной рекой.

Прощание с городом

Прощай! Прощай, родимый город!
Сбылась мечта, как вещий сон:
К лесам в равнинные просторы,
В цветенье птичьих голосов,

Сегодня уезжаю утром
И, видно, еду навсегда...
Меня не манят города
И их невидимые пути.

Едва ль тоска души коснётся,
Едва ль коснётся и дубрав
Бетонных, заслонивших солнце,
Едва ль коснётся едких трав.

На что сдались мне эти скверы,
Твои то парки, то сады!
В такой же городской манере
Их всех выдержишь ты!

Я ветра жажду! Задыхаюсь
В табачном дыме, смоке дней,
Прожитых так, чтоб не осталось
Ни жизни, ни судьбы своей.

Пытаюсь выжать ностальгии
Слезливой нотку, но в себе
Я чувства нахожу другие,
И их нельзя перетерпеть.

Уже нельзя! Терпела долго;
Ничто не держит, не зовёт.
Годами сердце выло волком,
Невольным узником забот.

Родившись в городе, мне всё же
Стать городской не суждено.
Не дочь тебе я. Не похожа.
И чужда. Кто тому виной?

Прощай! Глазами сонных улиц
Хоть проводи меня в ответ...
Мы равнодушно улынулись.
Ты безучастно глянул вслед.

Чёрная дама

Луна подсвечивала тюль. Мерцали шторы.
Хрусталь стекла оконного сиял.
Влетел через открытое окно беззвучно ворон
В каминный зал.

Исчез во мраке. И затих. И было слышно:
В груди рояля дрогнула струна.
И дама в чёрном немо и недвижно
Стояла у окна.

Часы отбили полночь. Не стихали шорох
Подола, скрип и лёгкий звук шагов,
Щелчки часов, дыханье, женский шёпот ;
До петухов.

Пройдут два века. Будут времени покорны
Вожди, идеи, цифры, имена...
Но в зале будут видеть даму в чёрном,
Как прежде, у окна.

* * *

Небо — синей акварелью над лесною бахромой.
Расписала осень рощу золотою хохломой.

На атласной ленте речки — серебром тугие швы.
На батисте буром поля — пух некошеной травы.

Птицы — росчерками в небе. Солнце — брошью в облаках.
В голове уже сложилась стихотворная строка...

Что за диво? Не картина и не шитое панно, —
Я люблюсь на Россию в приоткрытое окно.

Берега культуры и искусства

Светлана Савицкая

Доктор философии Светлана Васильевна Савицкая — единственный писатель, чьи книги оформляла Джуна. «Светлана! Признайся! Это писала не ты, это писал Бог!» — восклицала она. Сотня притч с названием «Энергия сердца» были ею оформлены в 2014 году. В то же время вышел уникальный альбом с сотней других притч и названием «Энергия вселенной» с оформлением Никаса Сафронова. Третья книга притч «Энергия мудрости» вошла в разные издания, в том числе «Большая книга женской мудрости», «Мудрые притчи для мудрых женщин» (ЭКСМО), «Седые косы» (Индия, Калькутта на бенгали), «Золотой обрез» (Амазон, США на английском), «Таинства русской души» (Гютерсло, Германия на немецком) и в других странах на 14 языках мира.

Кроме притч вышло более 50 художественных и научных книг, военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почетного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, Сербия вручила писателю «Златну круну». Светлана Савицкая — обладатель множества других Гран-При и Литературных премий.

Поэзия вальса Евгения Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь»

Музыка бывает ли символом?

Да! Если она гениальна!

10 лет назад мой младший сын робко попросил научить его танцевать вальс, чтобы достойно показать себя на выпускном вечере. Из множества классической музыки он выбрал вальс Евгения Дмитриевича Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь». Что двигало его душою? Не знаю, но всецело я отдалась музыке и показала нехитрые приемы вальса. Мы открыли все двери и окна и вальсировали по квартире, пролетая то поперек, то вдоль нее. А потом я плакала. Да. Я плакала, потому что повзрослевший вдруг ребенок пригласил меня в школе при всех на Выпускном...

Эта музыка понималась мною без слов. Мною. Им. И всею школою. Плакала ведь не только я, а все мамы, которых вот также неожиданно растрогали мужанием наши мальчики-мужчины. А однажды мне захотелось перевести вальс с ангельского на русский. Слова родились мгновенно. Вальс любви стройными рядами лег на бумагу, и композитор признал его, чему я даже не обрадовалась, а облегченно вздохнула. Признал! Согласился, значит, удалось выразить поэзию вальса верно.

Что же «невооруженным глазом», с очевидной точностью читается по звучащим фонемам параллельного мира Евгения Дмитриевича Доги без сомнения любимым далеким от классики дилетантом и маститым музыковедом?

Любовь! Любовь высшая. Любовь музыки Сфер, открытая Пифагором. Космическая энергия разворачивающихся шальных галактик, взрывающихся в каждой нашей клетке планетами и солнцами. А еще именем Абсолюта «А-а-а-а!», что яростно кричим мы, выныривая из материнского лона на свет Божий.

Пусть поет ее высокими голосами ангелов хор небесный. Она и без слов станет понятна на любом языке мира! Земли! И Неба!

Дивным сном соловьи

В вечность льют звуки любви.

Звезды вдруг в небе сойдутся в ряд.

Сердце замрёт!

И запоёт!

Лёд на вершинах растает!

Любовь эта не имеет границ. Нашими очами обращена она то обратно к матери, то к семье, то к улице, то к городу, то к стране. К своим детям. Второй своей половинке. Земле. Космосу. Делу, которому мы служим! Открытию. Искусству! Науке! Движению вперед и только вперед по лестнице знаний! Победе великославянской нравственности в любой войне!

В танце ты будешь петь лишь со мной.

Лишь со мной.

Мы пронесем сквозь века

Нашу любовь.

Музыка Доги — нечто большее, чем просто музыка. Это диалог ведомого и ведущего. Мелодии и оркестра. Меня — тебя — вселенной! Она «медленно запрягает коней». Но «какой русский не любит быстрой езды»? Его вальсы — точки взрыва, окрыляющие новою неизведанной силой. Дар наших предков сквозь веру в самого себя и в поддержку всех, кто был до тебя, продвинуться до всего разумного и просвещённого чело-вече-ества! И Бога!

Небеса свяжут святую нить.

Вместе нам

В танце легко кружить.

Гимны

Щедрого солнца любви посвятить,

Чтобы зажечь на земле

Новую жизнь!

Для христиан в вальсе раскроется рождение Христа, для буддистов — проявление Будды, для кришнаитов — явление Кришны, для мусульман — воля Аллаха, для атеистов — призыв «Будь готов!» Потому что у Такой музыки, как и у Бога, нет религии.

Функция символа — объединить в кратком обозначении единичного элемента бесконечность и множественность.

Три с половиной минуты мы воспринимаем вальс из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь». Три с половиной минуты?

Это прошлое через нас прошло или будущее? Или все-таки раскрылось прекрасное настоящее?

Ни то, ни другое и ни третье!

Возвышенная Музыка Доги вне времени! В нее ты восходишь, как в жизнь, как в Храм, и становишься ей вровень, потому что она поднимает тебя на своих крыльях до своего уровня, кем бы ты ни был — президентом великой державы, ученым или сталеваром, землепашцем, кузнецом, художником или поэтом. Учеником или профессором. Пропойцей или философом. Каждой душе найдется теплое место под сердцем для музыки Доги!

ЛЮБОВЬ ПРЕДПОЧИТАЕТ РАВНЫХ! Это сказал Лопе-де-Вега. Как он правильно сказал! Ведь в любви становятся равными все!

Щемящая. Манящая. Волшебная. Романтическая. Жестокая. Героическая. Возвышающая. Принципиально-превосходная. Великая! — эпитетов есть бесконечное множество — и все они правильны. Потому что символ любви многогранен!

Нас судьба позовет.

И душа вновь оживёт.

Сто тревог мигом разбудит взгляд!

В вальсе огня,

Кружат маня,

Звезды, от страсти сгорая!

Крылатыми становятся бескрылые ветры и цветы, что расплетают лепестки свои, под сладкое звучание этих скрипок и флейт. Окрыленно вздыхают наши души. Да что уж там души — планеты кружатся в вальсах Доги!

Без всякого сомнения, подобную этой музыке слышали мы во сне рождения и услышим у ворот Божьих после смерти, и именно она поможет нам спастись от самих себя на верховном суде. Ведь мы полюбили это при жизни! Мы прожили в этом бессмертном вальсе Доги! Мы становились им сами снова и снова без всякого сомнения!

Вальс отражает героизм Витязей времен и народов. Эта музыка рисует картины высших точек нечеловеческого напряжения строителей БАМа и Керченского моста, защитников Бреста и Сталинграда, героев, укрепляющих советское знамя на Рейхстаг!

Для тебя солнца взойдет как встарь!

Для тебя жизни моей не жаль!

Под нее могли бы падать в снопы миллионы спелых колосьев в страду, так же и как биться о скалы морские волны! Это — земля. Это ветер! Это огонь!

Вальс объединяет все четыре стихии, где композитору уделено место пятого элемента — творца.

Это — радость, разделенная на всю планету и помноженная солнечными бликами в мириады раз, потому что люди, прослушав вальс Доги, становятся лучше, справедливее, нравственнее, душевнее, милее, приятнее, красивее! Именно красивее. Именно такая «красота спасет мир»!

В ней все! Ощущение поезда, вырвавшегося из тоннеля! Брызги кормы корабля, где радугами играет солнце с чайками и дельфинами! В ней жизнь макового зернышка, пробивающегося сквозь толщу тяжелой глины на горных склонах, чтобы явить миру алый трепетный цветок. Беззащитный и всесильный!

Это зеленый вьюн, покрывший могильный холодный камень сотнею белых бутонов, что собирают росу ожидания и надежд у песни звезд. Это и сама песня звезд, то зажигающаяся от черного космоса, то гаснущая белым-белым утром.

Это вывод из многострадального опыта. Это рождение мысли мудреца.

Замирание и возгорание свечей в храме за здоровье и за упокой. Это самые заветные мечты и самые теплые наши воспоминания.

Нет никакой тайны в том, почему в России и странах постсоветского пространства так любят именно такую музыку. Это не коньяк рока и не бренди репа, не самогон шансона, и не отравленное искусственными консервантами пепси попсы. Она проста и понятна русскому человеку, как Святая вода в Крещение, кислотно-щелочной баланс которой в норме. Как веселый проливной ливень после засухи. Послевкусие от питания вальсами Доги, подобно улучшению самочувствия после принятия родниковой воды. Живой воды. Это живая музыка! Живая!

В чем еще проявлен ее символ? Задача любого мужчины — влюбить в себя за жизнь хотя бы одну женщину. Задача творца такого уровня, пусть даже он и не подозревает о истинной цели Бога, что сидит на кончике его пера — поделить любовь на всю вселенную, да так, чтобы еще осталось! Чтобы не «до краёв», а прямо через край!

Чем выше точка обзора, тем глубже символизм его работы. Так кто же Евгений Дмитриевич Дога, если смог выразить с помощью семи нот музыку Сфер? Ангел? Несомненно! Только в образе простого человека. Очень скромного и доброго в быту.

Он даже не заставляет, он церемонно приглашает на танец загадочную русскую душу, будь то женщина или мужчина, ребенок или умудренный опытом старец. И душа танцует! Вальсирует самозабвенно и просто, точно делала это всю свою жизнь!

Так три с половиной минуты оборачиваются вечностью!

Сохрани память любви моей

Память любви...

Эту радостную «весенность», непонятную другим народам, увозят с собою диссиденты — русские, украинцы, евреи, армяне, молдаване, цыгане, немцы... за границу. Эту «русскость» никогда не понять другим, тем, кто жил без нас. Она въедлива и неизлечима. Немного она похожа на «песенность» Индии. Англичане, оккупирующие мудрую страну в свое время, ввели строку закона: «Те, кто прожил в Индии более двух лет, не имеют права выбираться в английский парламент...»

Вот тоже самое можно сказать и о музыке Доги — кто ее хоть однажды понял сердцем и принял душой, никогда в английский парламент не попадет!

Воспоют соловьи

Гимн святой нашей любви.

Без нее мир так ничтожно мал.

Вянут цветы.

Гаснут мечты.

Птицы на юг улетают...

Почему? Да потому что «Я — не Шарли!» Я — Дога! Ты — Дога! Мы все — лишь вальс любви Евгения Доги! Мы все — Россия, вместившаяся в три с половиной минуты звучания оркестра!

Плыть, полностью растворяясь, в вальсе Доги может быть равнозначно понятию «быть в Боге». Также как и в литературном мире «обрести себя в Пушкине, играть в пьесе Чехова, пройти по Красной площади песчинкой людского потока «Бессмертного полка» с портретом деда героя.

Это понимать и восхищаться законом построения вселенной, закону Золотого сечения.

Музыка — миф для глухого. Ее нельзя потрогать. Но можно нарисовать, и вызвать ассоциации. Я пытаюсь.

Слышите? Внемлите? Различаете? В ней огненные языки пламени и искры утреннего солнца. Холодные синие вечные звезды. Это одновременно разная кровь — синяя венозная и красная артериальная, что движутся в разных направлениях, составляя единый организм любого земного существа. Это и заходящее и восходящее солнце. Но вот оно встало и равно замерло в зените, как и наше сердцебиение, остановленное музыкальной паузой. А ведь даже пауза у Доги — это тоже музыка. И какая!

Замирают часы.

Свет дрожит в каплях росы.

Где же живет она? Из чего рождается? Как этот человек ловит сии сказочные аккорды среди сотни тысяч отражений в окнах метро, стеклянных витринах, зеркалах?

Это не песенка и не вальсок, которым стало принято стоя аплодировать на эстрадных площадках...

Это икона Музыки(!), пред которой каждая русская Душа «разворачивается и сворачивается», а потом, сраженная наповал, плененная и восторженная, ликуя, падает на колени от восхищения!

Из всего вышесказанного можно сделать лишь единственный вывод — музыка Евгения Доги — уникальное и яркое явление в мировой культуре.

Браво! Маэстро!

От земли и до высоких звёзд

Жарким огнём

Мы пронесём

Через века нашу песню...

P.S. А теперь еще раз вдумчиво и серьезно.

ДОГА. ВАЛЬС ЛЮБВИ

Дивным сном соловьи
В вечность льют звуки любви.
Звезды вдруг в небе сойдутся в ряд.
Сердце замрёт!
И запоёт!
Лёд на вершинах растает!

Нас судьба позовет.
И душа вновь оживёт.
Сто тревог мигом разбудит взгляд!
В вальсе огня,
Кружат маня,
Звезды от страсти сгорая!

Небеса свяжут святую нить.
Вместе нам
В танце легко кружить.
Гимны
Щедрого солнца любви посвятить,
Чтобы зажечь на земле
Новую жизнь!

Замирают часы.
Свет дрожит в каплях росы.
От земли и до высоких звёзд
Жарким огнём
Мы пронесём
Через века нашу песню...
Для тебя солнце взойдет как встарь!
Для тебя жизни моей не жаль!
В танце ты будешь петь лишь со мной,
Лишь со мной.
Мы пронесем сквозь века
Нашу любовь.

Воспоют соловьи
Гимн святой нашей любви.
Без нее мир так ничтожно мал.
Вянут цветы.
Гаснут мечты.
Птицы на юг улетают...

Сохрани память любви моей,
Память любви.

Берега культуры и искусства

Анастасия Лиховцева

Анастасия Лиховцева — искусствовед Ассоциации Искусствоведов (АИС), профессиональный галерист, куратор выставок и научных проектов, автор научных работ об искусстве и статей об арт-рынке, участник культурно-образовательных программ и телепередач, опыт работы с коллекциями произведений искусства с 2000 года. Образование: Российская Академия Живописи, Ваяния и Зодчества; факультет истории и теории искусства, специальность искусствовед. Аспирантура: Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ (научный руководитель Г.Г. Поспелов). Экономическое образование по специальности: «Основы экономической теории и предпринимательства», ИНЭС.

Директор компании «AVRORA» с 1999 года — по настоящее время. Главный хранитель художественного фонда Студии художников им. В.В. Верещагина МВД России с 2013 года — по настоящее время. Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова — преподаватель дисциплин: экспертиза и атрибуция предметов искусства; научные методы изучения искусства, с 2014— по настоящее время

Математика в искусстве

Новые достижения современных информационных технологий создали условия для появления принципиально новых форм визуализаций, а привнесённые в область искусства, они способствовали появлению новых художественных форм арт-объекта. Создание совершенного современного арт-объекта стало невозможным без участия профессионалов высочайшего класса области информационных технологий.

Математика и изобразительное искусство, математика и архитектура, математика и скульптура, математика и музыка, математика и танец, математика и кино, математика и поэзия — всегда обнаруживали тесную живую взаимосвязь. Математика, будучи фундаментальной наукой об общих законах природы и обнаруживающая общие структуры и системы, позволяет выявить математическую природу фактически любого объекта. Для справки обратимся к словарям: слово «математика» произошло от др.-греч. μάθημα — изучение, знание, наука, и др.-греч. μαθηματικός — означающего восприимчивый, успевающий, позднее относящийся к изучению, впоследствии относящийся к математике. В частности, μαθηματικὴ τέχνη, на латыни ars mathematica, означает «искусство математики». Термин др.-греч. μαθηματικά в современном значении этого слова «математика» встречается уже в трудах Аристотеля (IV век до н. э.). Скорее всего, ключ к тайне познания совершенных структур кроется в том, что математика сама по себе уже является искусством. Замысловатый синтез математики, как науки о структурах, порядке и отношениях, с другими областями знания всегда давал интереснейшие результаты.

Информационные технологии не только обогатили область самого искусства появлением нового вида арт-объектов и возможностью моделирования арт-среды, но и предоставили дополнительные возможности для использования этих результатов. Незаурядность и неповторимость материала, выполненного на высоком техническом уровне, выводит эти эксперименты из области прикладного дизайна в область искусства. Сегодня, формы и эффекты, созданные с помощью математических методов, нашли своё применение в разных областях, начиная от видеоигр, кино и рекламы до создания виртуальных сред дополненной реальности в пространстве зала, здания, города. Мультимедиа вовлекли человека в новое ирреальное пространство — загадочное и фан-

тастическое, обманывая его на физическом уровне, через ощущения глаза и реакцию мозга, нарушая логику мышления.

По-прежнему человеческое мышление имеет явное преимущество над компьютером за счёт нестандартности последовательности воплощений и креативности сочетаний. Изменившиеся современные условия повседневной жизни, новые синтетические материалы и информационные технологии, прочно вошедшие в нашу жизнь, оказывают бесспорное влияние на изменение формы сознания художника, алгоритм развития его мысли и даже сказываются на динамичности воплощений. Новые технические возможности позволяют учёным творчески конструировать самые нереальные формы и среды, которые возникают в человеческом воображении. Более того, возможности современных аппаратных средств стимулируют возникновение инновационных идей. Как результат этого процесса, появились различные виды модификаций и преобразования художественных форм.

Использование новейших технологий в качестве художественного языка в очередной раз подтвердило, что не только область искусства безгранична, но и человеческая фантазия бесконечна в своих вариациях. Любое произведение искусства это сложный симбиоз средств и методов воздействия. В искусстве диапазон тем для художника на протяжении столетий, по сути, остаётся неизменным, но изменяются материалы, технологии, формы подачи для передачи многообразия человеческих ощущений и состояний. Искусство богато разными художественными языками, оно отвечает своему времени и вбирает новые технологические возможности своего времени. На примере истории мировой культуры, мы наблюдаем, как изменяется мироощущение человека, а вместе с ним и вкусовые пристрастия, образ, интерпретация, стиль. Искусство формирует настроения в социуме, создаёт не только среду, но и психологический микроклимат, способствует культурно-эстетическому и духовно-нравственному воспитанию, стимулирует развитие представлений, принимает участие в формировании личности человека — в конце концов, оно вызывает эмоции и переживания, к которым мы хотим возвращаться снова и снова.

Произведения современного искусства всё чаще ориентированы на прямой контакт со зрителем или непосредственное вовлечение зрителя в созданную среду. Форма презентации этого материала может быть разной: статические фракталы, динамические картины, морфинг, динамические мультимедийные арт-объекты, диорамы с использованием фракталов и цифрового 3D скульптинга, световые стены, 3D фрактальные фильмы, 3D среды. Самый зрелищный метод — это метод, с помощью которого зритель полностью погружается в вымышленную среду и создаётся иллюзия взаимодействия с этой средой.

Видеоарт, признанный на сегодняшний день, самостоятельной сферой творческих экспериментов, относится не только к сфере новейших течений в области искусства, но и к сфере новейших технологий искусства. Видеоарт рассчитан на мгновенный вызов сильных рефлекторных впечатлений у зрителя и ставит своей задачей — вовлечение зрителя в среду и его соучастие — это, своего рода, экспроприация интимного пространства зрителя.

Жанр фрактального видеоарта включает в себя разные визуальные эксперименты, но, так или иначе, все эти эксперименты относятся к области видео. Фрактальное видео — новый малораспространённый вид искусства ввиду сложности своего технического воплощения, который требует от автора совершенного знания компьютерных технологий, соответствующего программного обеспечения, владения техникой создания сложных и модифицированных фракталов. Фрактальное видео даёт возможность создания на киноэкране новых невероятных миров и оригинальных, инновационных, креативных реальностей, а новейшие кинотехнологии предоставляют зрителю возможность погружения в эти виртуальные реальности, подразумевают прямое взаимодействие со зрителем и создают иллюзию контакта. 3D-формат позволяет оценить ошеломляющие эффекты глубины перспективы и высоты, красоту в многообразии и сложности планов, при том, что фантазийный диапазон фрактала практически безграничен. Таким образом, благодаря фрактальному видео появились новые прикладные возможности в области кинематографа.

Мировой кинематограф уже много лет постоянно развивает направление, использующее эффекты нереальной среды («Парк юрского периода» (1993), «Мумия» (1999), «Мумия возвращается» (2001), «Гарри Поттер» (2001-2011), «Властелин колец» (2001, 2002, 2003), «Царь скорпионов» (2002), «Хроники Нарнии» (2005, 2008, 2010, 2013), «Железный человек» (2008, 2010), «Аватар» (2009), «Снежная королева» (2012) и др.).

Специфика применения мультимедиа в основном используется в качестве высокотехнологичного современного инструмента для воплощения некоего информационного контента в сферах рекламной и шоу-индустрии, образования, техники, медицины, математики, бизнеса, научных исследований. Разработчики также используют мультимедиа в различных компьютерных симуляторах. Задачи этих симуляторов варьируются от развлечения до обучения и разных видов тренингов. Чаще всего они используются в компьютерных программах и играх, где выступают в качестве программных и аппаратных средств, создающих виртуальные среды. Работы некоторых режиссеров-разработчиков видеоигр настолько успешны, что их имена получают международное признание. Достаточно упомянуть только некоторые компьютерные игры установившие мировые рекорды для видеоигр «Grand Theft Auto V» (GTA 5), «Max Payne 3», «Hitman Blood money», «Dying light», «Doom», «The Witcher 3», «Mortal Kombat X» и другие. Компьютерные игры — классический пример применения мультимедиа, поскольку именно в играх игрок непосредственно взаимодействует с виртуальной средой. Безусловно, опыт создания современных компьютерных игр включает в себе колоссальный опыт применения технологии мультимедиа. В данном случае можно много говорить о визуализации образа, использовании технологии захвата движения, создание мембран и слоёв виртуальных сред, использование спецэффектов, анимации сгенерированного компьютером персонажа. Мультимедийные практики в современном искусстве близки к цифровому искусству (англ. digital art или new media art). Для мультимедийных произведений (интерактивная компьютерная графика, анимация, видео) характерно использование моделирования и создание виртуального креативного экспериментального пространства.

Принципиально важно, что интерактивное взаимодействие зрителя с контентом, позволяет усваивать информацию, не обладая узкоспециальными знаниями.

Теле-, видео- и кино-индустрия это области, которые за счёт своих свойств анимированности и динамичности, активности по восприятию зрителем, являются лабораторией новых возможностей визуализированных эффектов, которые находят применения в самых неожиданных областях. С помощью подобных технологий возможно создавать объекты новой природы, виртуальные среды, другие виртуальные реальности и технические системы. Использование информационных технологий в комплексе с творческим методом предоставляет новые неординарные возможности при создании не только арт-объектов, но и анимационных и пространственных эффектов и технических систем.

Литература:

Фрактальные графические образы — новые возможности для кино и телевидения. // Мир техники кино. №38 2015-4(9). С. 10-17. (В соавторстве Н.К. Трубочкина, А.В. Лиховцева).

Методика синтеза трёхмерных фрактальных видео для видеоарта, телевидения и очкового стереокино. // Мир техники кино. №36 2015-2(9). С. 11-18. (В соавторстве Н.К. Трубочкина, А.В. Лиховцева).

Мультимедиа в современном искусстве. // Инновационные технологии в кинематографе и образовании: II Международная научно-практическая конференция, Москва, 21-25 сентября 2015 г. Материалы и доклады. — М. ВГИК, 2015. С. 168-175. (В соавторстве Н.К. Трубочкина, А.В. Лиховцева)

Технология фрактальной 3D-визуализации. // Запись и воспроизведение объёмных изображений в кинематографе и других областях: VII Международная научно-практическая конференция, Москва, 23-25 апреля 2015 г. Материалы и доклады. — М. ВГИК, 2015. Т.11. С. 99-113. (В соавторстве Н.К. Трубочкина, А.В. Лиховцева).

[1] Н. К. Трубочкина, А. В. Лиховцева «Фрактальные графические образы — новые возможности для кино и телевидения.» // Мир техники кино. 2015. Т. 38. № 4(9). С. 10-17.

[2] Н. К. Трубочкина, А. В. Лиховцева «Методика синтеза трёхмерных фрактальных видео для видеоарта, телевидения и очкового стереокино.» // Мир техники кино. № 2(36). 2015. С. 11-18.

[3] Н. К. Трубочкина, А. В. Лиховцева «Мультимедиа в современном искусстве.» // V кн.: Инновационные технологии в кинематографе и образовании: II Международная научно-практическая конференция, Москва, 21-25 сентября 2015 г.: Материалы и доклады. — М.: ВГИК, 2015. М. : ВГИК, 2015. С. 168-175.

[4] Н. К. Трубочкина, А. В. Лиховцева «Технология фрактальной 3D-визуализации.» // V кн.: Запись и воспроизведение объёмных изображений в кинематографе и других областях: VII Международная научно-практическая конференция, Москва, 23— 25 апреля 2015 г.: Материалы и доклады. М. : ВГИК, 2015. Гл. 11. С. 99-113.

Русский мир без границ

Лондон — Мюнхен — Ростов

Елена В. Ким

Произведения В.Н. Немухина в Ростовском музее

Дар Н.Д. Лобанова-Ростовского

В отличие от многих других классиков современного искусства, В.Н. Немухин никогда не бывал в Ростовском музее. В свою очередь, и Ростовский музей не являлся обладателем произведений этого выдающегося художника второй волны русского авангарда, входившего в круг основателей советского неофициального искусства. Однако в 2013 г. судьбы известного мастера и музея пересеклись. В последние четыре года здесь сложилась небольшая (9 единиц хранения, говоря музейным языком), но представительная и разнообразная коллекция работ знаменитого мастера, в которой есть и живопись, и графика, и скульптура, и произведения декоративно-прикладного искусства. Произошло это благодаря крупнейшему благотворителю Ростовского музея князю Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому.

Среди тысяч произведений искусства, документов, фотографий, исторических артефактов, подаренных Н.Д. Лобановым-Ростовским в Ростов для готовящегося Музея Лобановых-Ростовских, эта небольшая коллекция занимает особое место. Её отличает цельность и высокий художественный уровень. Она не только характеризует определённый период творчества В.Н. Немухина, но и эстетические пристрастия самого дарителя.

Первым произведением В.Н. Немухина, поступившим в Ростовский музей в составе дара Н.Д. Лобанова-Ростовского, была декоративная тарелка с надглазурной росписью «Пистолет» (*ил. 1*). Интерес к художественному фарфору у Немухина пробудился ещё в 1950-е гг., когда он осваивал опыт своих предшественников — художников левых направлений 1910 — начала 1920-х гг. Однако, свои собственные композиции в этом материале он стал создавать только в 1990-е гг., переосмысливая, по его собственным словам, «пространство немецкой фарфоровой белизны с позиций русского художественного авангарда». Изготовленную на всемирно известной с XIX в. фарфоровой фабрике Ф. Розенталя тарелку В.Н. Немухин расписал в той свободной манере, которую один из первых исследователей его творчества Г. Маневич назвала «абстрактно-фигуративной». Здесь вполне реальный, хотя и схематично изображенный пистолет перекликается и с четкими геометрическими фигурами, и с неопределёнными очертаниями пятнами, и волнистыми линиями — сочетаниями, известными и по его станковым произведениям. Тарелка была приобретена Никитой Дмитриевичем и находилась в частном Музее Лобановых-Ростовских в Филях, откуда и была привезена в Ростов вместе со всем содержимым этого Музея после его закрытия.

Как известно, 2 августа 2014 г. на вернисаже выставки «Н.Д. Лобанов-Ростовский. Общественный деятель. Коллекционер. Даритель» директор Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» Н.С. Каровская объявила о выделении особняка — памятника архитектуры XIX в. для размещения в нём подаренной коллекции и создании Музея Лобановых-Ростовских (*ил. 2*). Никита Дмитриевич сразу задумался о том, как сделать готовящийся Музей привлекательным для будущих посетителей, как с первого зала экспозиции захватить их внимание. По его представлению, это можно сделать с помощью ярких, самобытных, насыщенных энергией произведений современного искусства. Выбор Н.Д. Лобанова-Ростовского пал на произведения В.Н. Немухина не случайно. К этому времени коллекционер был знаком с художником почти двадцать лет. В произведениях Немухина Никиту Дмитриевича, по его словам, привлекала «богатая фантазия и лаконичность выражения». Вот как об этом знакомстве вспоминает сам Н.Д. Лобанов-Ростовский:

«Познакомился я с Владимиром Николаевичем в 1996 году в Дюссельдорфе. К нему меня привел врач Рувим Бессер, который финансово помогал Немухину за все годы, что он проживал и работал в Германии (он приезжал туда где-то на полгода каждый год). За это Немухин давал доктору Бессеру

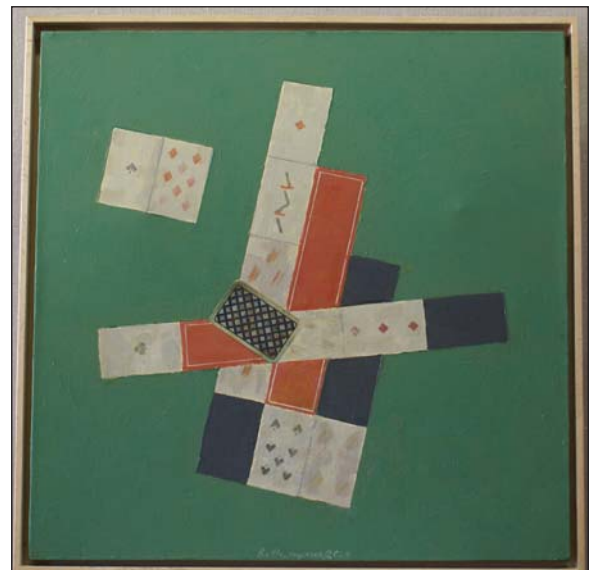
Пистолет. Тарелка декоративная. 2012 г.

Бубна. 2000 г.

Супер – слон. 2014 г.

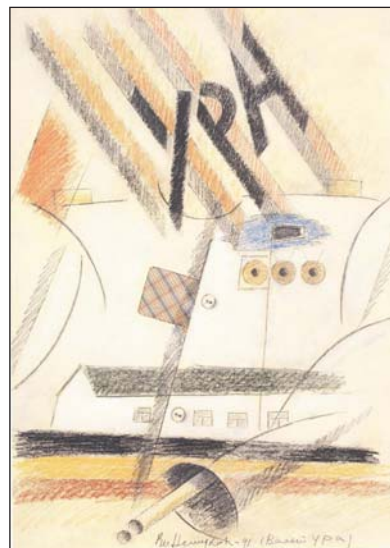
Конструктивное видение. 2006 г.

Н.Д. Лобанов-Ростовский и В.Н. Немухин. 21 сентября 2014 г.

Композиция
с картой. 2014

Валет УРА.
2013

Валет
казино. 2011

Валет
Марк Шагал.
2013

Пространственная композиция. 1997

Супрематическая композиция. 2002

консультацию о покупке иных художников неконформистов, что помогло Рувиму создать самое лучшее собрание вне России так называемых пятидесятников и шестидесятников, а также создать очень значительное собрание работ самого Немухина. Видимо, Немухин был очень рад моему посещению, потому что он подарил мне эскиз с дарственной надписью» (ил. 3).

Сразу после вернисажа в Ростовском музее, Никита Дмитриевич навестил художника в его московской квартире и отобрал произведения для покупки в готовящейся Музей Лобановых-Ростовских (ил. 4). Спустя месяц, 21 сентября 2014 г., три графические работы художника, причем в авторском оформлении, были доставлены в Ростов. На обороте картона каждого произведения сделана авторская надпись: «Передано музею Ростовского кремля в качестве дара от Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Приобретена у В.Н. Немухина. 5/08/2014 г. Вл. Немухин — 2014».

Листы «Валет УРА», «Композиция с картой» и «Супер-слон» — это *artist's multiples*, созданные В.Н. Немухиным в 2013 — 2014 гг. по мотивам своих известных произведений начала 1990-х гг. В листе «Супер-слон» Немухин соединяет изобразительное и абстрактное постижение мира (ил. 5). В мощный и причудливый силуэт слона художник вписывает излюбленные супрематистами плоские и бестелесные композиции из кругов, квадратов, прямоугольников и треугольников, словно ведя диалог со своими предшественниками — авангардистами первой волны. «Композиция с картой», у которой есть и другое название — «Фигура (Ломберный стол)», представляет собой условное изображение человеческой фигуры, образуемой врезаемыми плоскость листа энергичными упругими линиями. А на пересечении линий наклеена реальная игральная карта — бубновый туз (ил. 6).

Эстетическое своеобразие карт, их пластические особенности и метафизическую сущность художник стал постигать в середине 1960-х гг. Вспоминая о том, что одно из первых объединений художников-авангардистов называлось «Бубновый валет», сам В.Н. Немухин позиционирует себя продолжателем «традиций в поисках безграничной свободы художественного поиска». Тогда же Немухин начал писать многочисленных «Бубновых валетов», которые доминировали в его искусстве, по словам художника, «как особого рода образ — знак — символ». «Валет УРА» — самый «многословный», если можно так выразиться, из подобных произведений художника, невероятно разнообразных, но объединенных обязательным наличием карточного знака «бубен» (ил. 7). Здесь изображен застёгнутый наглухо френч, из рукава которого выглядывает дуло пистолета, барак (Лианозовский?, в котором в 1960 — 1970-е гг. кипела неофициальная художественная жизнь), а также жесткие ритмы цветных полос, в которые словно впечатаны черные буквы «УРА». Художник словно вспоминает и осмысливает свое прошлое. «Шла суровая борьба за право на жизнь», — вспоминал о том времени Владимир Николаевич, — «Жизни, конечно, не лишали, и зверям не скармливали, однако травили, да ещё как!» Однако ни жесткое давление власть имущих, ни материальная скудость существования не способны остановить живой поиск художника. В этой работе отчетливо прослеживается автобиографическое начало, нарастание которого исследователи засвидетельствовали в творчестве Немухина уже с конца 1980-х гг.

Позже в Ростовский музей поступят еще два листа из серии «Бубновых валетов». В ноябре 2014 г. Никита Дмитриевич приобретет у автора «Валета Казино» (2011), убедительно запечатлевшего завсегда игорных заведений (ил. 8), а в 2015 г. подарит в музей «Валета Марк Шагал», напоминающего шагаловских бородатых евреев в колодках и в котором ощутима шагаловская поэтика (ил. 9). Это произведение было ему продано не автором, а уже упомянутым доктором Рувимом Бессером, однако в сентябре 2015 г., перед отправкой в Ростов, Владимир Николаевич оставил на листе и свою памятную надпись.

В ноябре 2014 г. от Н.Д. Лобанова-Ростовского в Ростовский музей в качестве дара поступила скульптура В.Н. Немухина «Пространственная композиция» (1997) (ил. 10). Живописец и график, Немухин обратился к созданию скульптур из дерева, по его собственным словам, «абсолютно интуитивно», уже будучи известным зрелым мастером — в 1996 г. Все свои подобные скульптуры автор именуется просто «композициями», а предшествуют им небольшие эскизы-идеи, совсем не меняющиеся в материале. Немухин в скульптуре — минималист, простые геометрические формы, как считает сам автор, в его работах «вступают в особое пластическое взаимодействие», «образуют особого рода объемные состояния». «Пространственная композиция», хранящаяся ныне в Ростовском музее, была воспроизведена среди избранных работ художника в альбоме «Владимир Немухин. Живопись. Графика. Скульптура. Фарфор», изданном в Москве в 2012 г.

Формирование ростовской коллекции В.Н. Немухина шло в то время, когда художник готовился к своей первой, а потому особенно ответственной ретроспективе в России. При всей своей занятости и большом напряжении сил, требующихся от художника при подготовке персональной выставки, Владимир Николаевич находил время для ведения переговоров и встреч с Н.Д. Лобановым-Ростовским и сотрудниками Ростовского музея. Выставка «Владимир Немухин. Грани формализма. Лидия Мастеркова. Лирическая абстракция» состоялась в Московском музее современного искусства в апреле — мае 2015 г. Уже после её окончания собрание Ростовского музея обогатилось картиной «Конструктивное видение» 2006 г. (*ил. 11*). Сюжет картины — карточные столы — появился у Немухина в середине 1960-х гг. и, бесконечно варьируясь, остался в его творчестве на столетия. На обороте картины содержится авторская надпись: «Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому на память от Немухина В.Н. 25/IX 2015 г.»

Конструктивное видение — это особое восприятие действительности, которым обладал, например, по словам самого Немухина, его главный учитель — П.Е. Соколов. Именно конструктивное видение обращает художника к аналитическому искусству. На холсте с этим названием изображена поверхность игрального стола. На столе размещённые в определенном порядке живописные карты и в центре, одна реальная, наклеенная рубашкой вверх карта. Даже рама, отделенная по замыслу художника на некоторое расстояние от подрамника, создает ощущение не столько картины, сколько реального предмета.

Когда 19 апреля 2016 г. В.Н. Немухина не стало, Никита Дмитриевич в память о художнике подарил в Ростовский музей еще одну его работу. Это оригинальная «Супрематическая композиция» (2002) — раскрашенное соответствующим мотивом страусовое яйцо, подаренное в 2010 г. Н.Д. Лобанову-Ростовскому Р. Бессером (*ил. 12*). Экзотические страусовые яйца издавна использовались художниками для создания произведений декоративно-прикладного искусства. Так, среди первых поступлений Ростовского музея церковных древностей было экспонировавшееся в Белой палате, но до наших дней, к сожалению, не дошедшее «страусово яйцо, обложенное в металл, с финифтью», которое современник назвал «оригинальной редкостью». В.Н. Немухин создал своеобразный объект, расписав абстрактными супрематическими мотивами органическое природное творение, вновь соединив несоединимое.

В.Н. Немухин — художник редкого творческого долголетия. Не случайно статья известного исследователя, заведующего отделом новейших течений Русского музея А. Боровского, посвященная работам художника 1990-х — 2000-х гг., названа им «Художник в силе». Теперь в Ростовском музее хранится коллекция произведений именно этого, позднего и весьма плодотворного периода творчества В.Н. Немухина. А Н.Д. Лобанов-Ростовский заключает: «Диапазон его произведений очень широк, доказательство чему — те 9 работ, которые я подарил музею Ростовского кремля».

Русский мир без границ

Берега Болгарии

Светлана Мрочковская-Балашова

Светлана Балашова-Мрочковская — литератор, журналист, переводчик, член Союза болгарских журналистов, Союза независимых болгарских писателей. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала редактором на Центральном телевидении в Москве и Болгарском ТВ в Софии, параллельно была корреспондентом газеты «Советская культура» в Болгарии. Перевела с болгарского на русский язык около 15 книг. Автор собственных книг «Она друг Пушкина была» (издана в 1998 в Софии, изд-во «Христо Ботев», переиздана в 2000 г. в Москве в 2-х томах изд-вом «Терра»), «Мой ангел, мой чертенок» (о петербургском романе Иоганна Штрауса и Ольги Смирнитской), «Долли Фикельмон. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург». Живет в Софии, замужем за болгарским дипломатом

Дневник Долли Фикельмон как парадокс любви к «Нашему всё»

Первооткрывателем дневника Д.Ф. Фикельмон стал удивительный человек — писатель-пушкинист Николай Алексеевич Раевский, до окончания Второй мировой войны русский эмигрант в Чехословакии. А там, как оказалось, проживали потомки Д.Ф. Фикельмон — её правнук князь Альфонс Клари-Альдринген с супругой Людвиной, урожденной графиней Эльтц фон Штромберг. Князь Альфонс был владельцем родового (со середины 17-го века) замка Клари-Альдрингенов в Теплице — прославленном европейском курорте. Куда на воды приезжали знаменитейшие люди Европы — Гёте и Бетховен, Черубини и Доницетти, Беранже, Дюма, Шатобриан, европейские коронованные особы, в том числе русские цари — Александр I и Николай I с супругой.

Обо всем этом, об истории рода, своём знаменитом предке М.И. Кутузове и его внуках Е.Ф. Тизенгаузен и Д.Ф. Фикельмон — своей прабабке, о бабушке Элизалекс Фикельмон, ставшей женой его деда Эдмунда Клари-Альдрингена, князь Альфонс позднее расскажет в мемуарах «Истории старого австрийца»¹.

И к этому знатному богемскому аристократу рискнул в 1942 г. обратиться скромный д-р биологии Раевский, давно уже серьезно «заболевший» Пушкиным. Движимый надеждой, что в семейном княжеском архиве могут сохраниться бумаги его прадеда — австрийского посланника в Петербурге графа Шарля Фикельмона, он спрашивал князя, нет ли в них дневника графа, альбомов графини, а, может, и каких-нибудь писем Пушкина. (Почему бы и нет — ведь Поэт был вхож в их петербургский дом и даже, говорят, имел роман с графиней — но о последнем, само собой, не упомянул Его Сиятельству).

Полученный от князя 22 ноября того же года ответ ошеломил Раевского — архив графов Фикельмонов действительно хранится в теплицком замке, и в нем, как и предполагал Николай Алексеевич, имеется письмо Пушкина графине. Но дневника прадеда не существует, зато есть прабабушкин с длинной записью о дуэли и смерти Поэта.

Спустя некоторое время пришла бандероль с факсимиле того самого, неизвестного ранее письма Пушкина к графине Фикельмон от 25 апреля 1830 г. (на франц. яз.) и копией её дневниковой записи о дуэли.

¹ Clary-Aldringen, Alfons. Geschichten eines alten Oesterreichers. – Frankfurt/M., Berlin, Wien: Ullstein, 1977.

Об оглашении сенсации — существовании дневника Долли Фикельмон, о котором, как сказал Раевский, до той поры «не знал решительно никто» и который мог бы подтвердить или опровергнуть легенду об отношениях графини с Пушкиным, — тогда не могло быть и речи: шла война, Чехословакия была оккупирована фашистами. Однако и после её окончания Н.А. Раевскому не удалось оповестить о своей находке — 13 мая 1945 г. он был арестован в Праге, судим советским военным судом «за связь с мировой буржуазией» и приговорен к пяти годам тюремного заключения в советских тюрьмах и лагерях. Затем последовала ссылка на поселение в Красноярский край. Фактическое освобождение наступило лишь в конце 1960 г. Еще во Львовской пересылочной тюрьме Раевский понял, что свободы лишился надолго, быть может, даже навсегда. Поэтому в феврале 1946 решается передать свой личный архив на сохранение в Пушкинский дом (ИРЛИ).

Но только через 10 лет в советской печати появилось официальное сообщение о находке дневника Д.Ф. Фикельмон. После ознакомления с архивом Н.А. Раевского Е.М. Хмелевская оповестила «О новом документе о дуэли и смерти Пушкина»¹ в периодическом издании Пушкинского Дома — «Пушкин. Исследования и материалы», разумеется, без ссылки на его первооткрывателя. Последовали отклики, прежде всего статья профессора Пражского университета А.В. Флоровского с выдержками из Дневника гр. Фикельмон на русском языке². Его впервые довел до сведения русских читателей Николай Васильевич Измайлов в 1962 г.³ Между тем итальянская пушкинистка российского происхождения Нина Каухчишвили проявила расторопность — заполучила в Чехословакии копию «Дневника Дарьи Федоровны Фикельмон» и в 1968 г. издала в Милане первую дневниковую тетрадь (1829–1831), а также отрывки из 1832 и 1837 гг., касающиеся Пушкина и его жены. Этим изданием и пользовался Н.А. Раевский при работе над своей книгой «Портреты заговорили»⁴.

Однако все эти публикации и ещё несколько других (М.И. Гиллельсона⁵, С.А. Рейсера) затрагивали лишь одну тему — «Пушкин в дневнике Фикельмон». Пусть и важную, но в сущности обесцененную отрывком от многопластовой хроники пушкинского Петербурга, которую добросовестно на протяжении 9 лет, с 1829 по 1837 годы, вела графиня Фикельмон. Светская, придворная, общественная петербургская жизнь, проявленная через сотни оживших под пером автора знакомых и незнакомых нам спутников Поэта, — интерьер, в котором протекали последние годы Поэта. Именно в нем вырисовывается истинный образ Пушкина и воспринимается совсем иначе, чем из оторванных от контекста отрывков.

Хроника эта, до недавнего времени остававшаяся недоступной читателю, таит немало открытий для пушкиноведения. Упомяну о двух наиважнейших свидетельствах, не подмеченных прежними исследователями, но представляющих ключ к ещё не выясненной до конца преддуэльной истории: дне приёмов у баварского посланника графа Лерхенфельда (по четвергам) и так называемом *царском следе*.

Если упомянутый день официальных приемов у Лерхенфельда — ЧЕТВЕРГ — не изменился и в дальнейшем, можно уточнить хронологию событий, предшествовавших вызову на дуэль Дантеса Пушкиным. Последний октябрьский четверг 1836 года приходился на 29 число. Следовательно, известный теперь эпизод, ставший поворотным пунктом в развитии преддуэльной драмы, — РАЗГОВОР ГЕККЕРЕНА С Н.Н. ПУШКИНОЙ на балу у Лерхенфельда (во время которого тот пытался склонить её к сожителю с Дантесом) состоялся 29 ОКТЯБРЯ.

Отталкиваясь от сообщения Фикельмон, я выстроила свою версию преддуэльных событий⁶⁷. Повторила её и в первом варианте вступительной статьи к дневнику Долли Фикельмон, полный текст

¹ Е.М. Хмелевская. Из дневника графини Д.Ф. Фикельмон (новый документ о дуэли и смерти Пушкина). Пушкин. Исследования и материалы, I, Пушкинский Дом, М.-Л., 1956, стр. 343—356).

² Флоровский А.В. Пушкин на страницах дневника гр. Д.Ф. Фикельмон, «Slavia», 1959, госп. XXVIII, ses. 4; Флоровский А.В. Дневник гр. Д.Ф. Фикельмон. Из материалов по истории русского общества тридцатых годов XIX века. «Wiener slawistisches Jahrbuch», Bd. 7, Graz-Koeln, 1959.

³ Измайлов Н.В. «Пушкин в -4дневнике Д.Ф. Фикельмон». Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 29–37.

⁴ О чём рассказал Н. Раевский в книге «Портреты заговорили». Алма-Ата, из-во «Жазушы», 1974.

⁵ М.И. Гиллельсон. Пушкин в итальянском издании дневника Д.Ф. Фикельмон. Временник Пушкинской комиссии, 1967—1968 / АН СССР. ОЛЯ. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970, с. 14–32; С.А. Рейсер. Пушкин в салоне Фикельмон (1829–1837). Временник пушкинской комиссии. 1977. АН СССР. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980 (вып. 15), с. 36–43

⁶ Впервые была изложена в моей книге «Она друг Пушкина была». Из-во «Христо Ботев», София, 1988; та же переиздана в 2-х томах из-вом «Терра – Книжный клуб», Москва, 2000.

которого для издания на русском языке (с моими комментариями и примечаниями — результатом многолетних исследований) подготовлен еще в 2001 г. Однако осуществлено оно лишь в 2009 г. О причинах столь довольно странного небрежения к уникальному документу пушкинской эпохи речь пойдет ниже.

История поисков свидетельств о «царственной линии», несомненное указание на которую имеется в «пасквиле», — сродни мифу. 170-летние попытки атрибуции «персонажей» диплома о роносоцах привели к типичному для мифологического изложения смещению фигур и акцентов. П.Е. Щеголев в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина», анализируя содержание анонимного письма, впервые ввел в пушкиноведение сведения о супругах Борхах. Однако вынужден был огорченно заключить: Но «по царственной линии для Борха пока нет материалов»¹ (подч.— С.Б.). Обратите внимание — Павел Елисеевич видел в «пасквиле» намек не на отношения царя с Н.Н. Пушкиной, а с графиней Любовью Борх. То есть пытался открыть «царский след» совсем не там, где ищут его современные исследователи, словно забывая совершенно очевидный факт — сам Пушкин не узрел в анонимном пасквиле никакого намека на связь царя с его женой. Видел лишь то, что было известно всему светскому обществу: царь сожительствует с графиней Борх — женой «непременного секретаря» ордена роносоцев И. Борха. В этом убеждают и слова Пушкина, сказанные Данзасу по дороге к месту поединка. Увидев едущих навстречу в карете четвернёй Борхов, Александр Сергеевич весьма беспечно воскликнул: «Voilà deux ménages exemplaires» (франц.: Вот два образцовых супруга). Поняв, что до товарища не дошел смысла каламбура, пояснил: «Ведь жена живёт с кучером, а муж — с фореитором». Подразумевая под кучером царя, держащего бразды правления Россией.

П.Е. Щеголев, убежденный, что для «царственной линии» необходимы свидетельства об отношениях Николая I с очередной его фавориткой Любовью Борх (урожденной Гольинской), оставил указание, где они могут быть открыты: «Отмечу для будущих розысков, что Гольинские — Любовь и Ольга — были внуками генерал-лейтенанта Павла Ивановича Арсеньева (род. 1770, ум. 25 ноября 1840 в Москве)». Присовокупив, что Арсеньев состоял «кавалером» (т.е. воспитателем) при великих князьях Николае и Михаиле Павловичах и что в дальнейшем он также пользовался фавором у императора Николая: в 1835 г. из кабинета Е.И.В. ему были пожалованы 10 тысяч руб., «неизвестно за что»².

Исследовательская интуиция не подвела Щеголева — «царский след» наконец-то обнаружен именно там, где он и искал. Свидетельство об «интересе» царя к Любви Борх содержится в дневниковой записи Долли от 17.2.1832: «Позавчера мы в свою очередь дали бал в честь Их Величеств. Он весьма удался. <...> Император с Императрицей выглядели очень веселыми и красивыми. Император и Великий Князь Михаил танцевали до половины четвертого утра, что случилось с ними впервые в нынешнем бальном сезоне. <...> На нашем бале присутствовала миниатюрная особа, которая в нынешнем сезоне в большой моде. Мадам Борх только что вышла замуж³. У нее прекрасные яркосиние глаза; небольшого роста, миниатюрная, с очень маленькими прелестными ножками, ничего особенного в фигуре, самодовольный вид, не особенно умна, но весьма соблазнительная. Двигается и танцует неграциозно» (подч. — С.Б.).

Появление на балу, данном Фикельмонами в честь Их Величеств, не очень знатной жены скромного актуариуса коллегии иностранных дел Любви Борх — это и есть ЦАРСКИЙ СЛЕД, так упорно искомый пушкинистами. Замечание Долли о том, что зимний сезон 1832 Борх была в большой моде, в переводе со светского языка означает: на нее обратили внимание при Дворе, т. е. сам император. Надо полагать, что её присутствием объяснялось хорошее настроение Николая I и его брата в тот вечер и совсем чрезвычайное обстоятельство — император танцевал до утра.

Запись Долли проясняет и резкую реакцию Николая I на прочитанный им (наконец-то!) после смерти Пушкина пасквиль — в нём он увидел, в первую очередь, оскорбление своей персоны — весьма прозрачный намёк на его связь с женой Борха. Этого-то он и не смог простить Дантесу. Суд над дуэлянтом с первоначальным приговором — «повесить», заменённым царем высылкой из России и лишением чинов, отказ в последней аудиенции «его батюшке» Геккерену, награжденному

¹ П.Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Москва. «Книга», 1987, стр. 381

² П.Е. Щеголев. Там же, стр. 381. Следует отметить ошибку Щеголева — по сведениям из «Истории родов русского дворянства П.Н. Петрова (СБб., 1886) воспитателем вел. князей Николая и Константина (не Михаила) Павловичей был не генерал-лейтенант П.И. Арсеньев, а сенатор, тайн. советник Александр Александрович Арсеньев (1756–17.11.1844).

³ Мне удалось установить дату ее вступления в брак — 13.1.1832.

Николаем эпитетом «гнусная каналья», — всем этим ЦАРЬ ОТПЛАТИЛ не столько за Пушкина, сколько, прежде всего, ЗА СЕБЯ САМОГО.

Дневник Долли поможет завершить и затянувшийся спор пушкинистов о прототипе «Клеопатры Невы». Большинство считают, что им была Аграфена Закревская. А вот в конце XIX века Богуславский (автор воспоминаний о Николае I ¹) заявил: «покойный Пушкин Клеопатрою Невы называл гр. Е.М. Завадовскую». В.В. Вересаев — особенно рьяный противник этой версии — возразил: «... об исключительной красоте её (Завадовской) не устают твердить воспоминания и письма этой эпохи. Однако среди всех этих упоминаний мы не встречаем нигде ни одного указания даже просто на очень обычную неверность мужу, а тем более на такую любовную разнузданность, которая давала бы возможность назвать её Клеопатрой» (курсив — С.Б.)².

Ан нет, встречаем! Притом не одно, а несколько во все том же много лет державшимся под спудом дневнике Фикельмон. Приведу лишь три из них:

12.1.1830: «Мадам Завадовская чрезмерно поглощена присутствием Императора, и это на многих производит тягостное впечатление».

8.9.1830: «В высшем светском обществе бросается в глаза любовь графини Завадовской и генерала Апраксина. Бросается в глаза, ибо эти два существа, всецело поглощенные друг другом, представляют такой фраппирующий контраст с напускной благопристойностью петербургских дам, что это не может не быть мгновенно замечено всеми».

17.1.1831: «Красивая и блестящая Завадовская совсем исчезла из светского общества; из-за болезни, как толкуют, или из-за сердечных мук, а, может, из-за неприятностей в семье, но вот уже три месяца она не показывается — заперлась дома. <...>Но эта бедняжка не пользуется репутацией святой. Хочется верить, что все сплетни о ней не что иное, как злословие» (подч. — С.Б.).

Таков приговор Долли одной из «самых восхитительных» петербургских красавиц после пристального наблюдения за её адюльтерами — продолжительным, фраппирующим обществом с генерал-майором от кавалерии Степаном Федоровичем Апраксиным и с императором Николаем I (чему, вероятно, её супруг и обязан назначением в 1833 обер-прокурором Сената).

Дневниковые записи кн. Лихтенштейна говорят о том же — в глазах тогдашнего общества графиня Завадовская отнюдь не выглядела святошей³.

Это и многое другое — отголосок в творчестве Пушкина этого романа со всеми его последствиями, в том числе и вероятной беременностью — позволили мне выдвинуть версию, что именно она, а не Долли, и была героиней «жаркой истории» Пушкина⁴. Из всех кандидаток на эту роль прекрасная Елена более всего соответствовала перечисленным Нащокиным качествам: графиня, блестящая придворная дама, подруга императрицы (последнее подтверждают записи Долли). Полагаю, именно она прототип Графини в обойденном вниманием исследователей наброске драматического произведения из французской жизни, условно озаглавленном «Через неделю буду в Париже» и так же условно датированном 1834—1835 гг.⁵

Герой повествования Дорвиль застаёт свою возлюбленную в слезах. Полагая, что их причина — её интересное положение, успокаивает: «никто ничего не подозревает; все думают, что у вас водяная. <...> для виду останетесь еще недель шесть в своей комнате, потом опять явитесь в свет и все вам обрадуются». Графиня сообщает ему пренеприятнейшее известие: завтра неожиданно возвращается из армии муж. Оба ищут спасительный выход. Наконец Графиню озаряет прекрасная мысль. «Что такое? — спрашивает Дорвиль. — Я умру со стыда, но нет иного способа. — Что ж такое? — После узнаете». На этом месте текст обрывается.

И мы так никогда и не узнаем, какой выход из пиковой ситуации придумала литературная графиня. Но как выкрутился её прототип, объясняет запись Долли от 21.1.1833: «долгий траур и очень продол-

¹ Воспоминания Богуславского опубликованы в «Русской старине», 1898, № 7.

² Вересаев, В. Княгиня Нина. О Нине Воронской. Любовный быт пушкинской эпохи. т. II, с. 141. Из-во «Васанта», М., 1994.

³ Выдержки из дневника Лихтенштейна см. в книге «Она друг Пушкина была» (издательство «Христо Ботев», София, 1998 г., глава «Пушкинский след в Лихтенштейне», с. 437–485)

⁴ Подробнее об этом см. «Она друг Пушкина была» (глава «Героиня «жаркой истории» Пушкина». Там же, с. 378–391)

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 7. Драматические произведения. – 1948, с. 251–253.

жительная болезнь». Траур в самом деле был долгим: 12.1.1831 умирает 19-летний брат Е.М. Завадовский Евгений Влодек. 24.6.1831 скончалась её Tante Елизавета Павловна Завадовская (8.2.1763–24.6.1831) — супруга мужнего дяди генерал-майора Якова Васильевича Завадовского (ум. в 1794), наместника Новгород-Северского наместничества.

А болезни? — Вероятно, та самая беременность. А может, освобождение от неё и последовавшие осложнения. Во всяком случае, у супругов был только один ребенок — сын Петр [у Л.А. Черейского ошибочно назван Павлом (1828–20.12.1842)], похоронен в Александро-Невской лавре, Федоровская церковь, где позднее будут погребены его мать и отец¹. После долгого отсутствия в обществе свой первый выезд (на бал в Департамент уделов) гр. Завадовская совершает 19 января 1833. «Побледнела, потускнела, и это не красит ее. Но все-таки была очень хороша в своем черном платье», — записывает Долли в дневнике 21.1.1833.

Светские кривотолки о неприятностях в семье Завадовских, пожалуй, не были безосновательными. Вот весьма любопытный факт: в Адресной книге жителей Санкт-Петербурга за 1837 год супруги записаны на разных адресах — действ. статск. совет. гр. Василий Петрович Завадовский и его мать гр. Вера Николаевна Завадовская по Невскому пр., д. 12;² гр. Елена Михайловна Завадовская — по Литейному пр., д. 76. В это же время, в январе 1837 (по свидетельству А.Н. Карамзина) она блистала на балах в Париже, «затмевая всех своей красотой». Известно также, что в 1838–1839 на деньги, полученные в наследство от кузена³, Завадовские «с таким великолепием и вкусом отделали свой дом в Петербурге, с залами в стиле Людовиков XIV и XV, с мебелью, выписанной из Англии, что его ездили смотреть как диво знакомые и даже незнакомые хозяевам люди»⁴. Но принимала ли участие в его обустройстве графиня Елена или этим занималась вместе с сыном её свекровь? Сведений о разводе Завадовских не имеется. По всей вероятности, они просто жили в разъезде — графиня путешествовала по загранице, граф нёс свою службу в Петербурге: с 1833 обер-прокурор 4-го департамента, с 1840 сенатор. В 1842 графиня пребывала в Неаполе с 14-летним сыном, где он и скончался (данные из Петербург. Некрополя).

В другой адресной книге Петербурга за 1854 среди его жителей указан только тайный советник гр. Завадовский В.П., проживавший по адресу Бол. Морская ул, дом Галлера. После смерти мужа в 1855 г. Елена Михайловна снова «прописана» в СПб., но уже по новому адресу: Дворцовая наб., д. 7 (Адресная книга за 1857 г.).

Бесспорно, вышеизложенные факты — не более как намётки для дальнейших поисков — в архивах, газетах и журналах пушкинской эпохи, адресных книгах, воспоминаниях современников. Послужные списки В.П. Завадовского также содержат данные для хронологии жизни его супруги. Однако розыски оставляю исследователям иного рода, убедить которых в реальности

Гр. Елена Завадовская.
Худ. Альфред Чалон, 1838 г.

¹ Петербургский Некрополь. Издание вел. кн. Николая Михайловича. СПб, 1912–1913, т. I, с. 171.

² С 1816 г. дом принадлежал богатому греческому торговцу надвор. советнику Эммануилу Калержи (20.12.1754–22.9.1829), после смерти которого перешел к его сыну Ивану Эммануиловичу Калержи (1814–1863). В нём сдавались в наём „большие и малые покои хорошо умеблированные» («СПб. ведомости» от 3.1.1829), один из которых с осени 1827 до весны 1828 снимал Пушкин (как установил В. Старк). А если в то время большие покои в этом доме уже были арендованы и Завадовскими, соседство это не только превращается в дополнительный аргумент для моей версии о «жаркой истории» Пушкина с гр. Еленой, но подтверждает дату сего события – конец 1827 г. (в начале 1828 в СПб. приехала К.Собаньская, и Пушкин снова был у ее ног).

³ Гр. Завадовский Иван Яковлевич (7.5.1785–6.3.1833), действ. статск. советник, камергер, двоюродный брат гр. В.П. Завадовского, которому он оставил наследство в 600 тыс. руб.

⁴ Цявловский М. Автограф стихотворения «Красавица». «Московский пушкинист», т. II, с.176. «Федерация», 1930.

Имп. Александра Федоровна и Имп. Николай I.
Худ. Кристина Робертсон. 1840-е.

София Урусова.
Худ. П. Соколов. 1827

Вел. кн. Михаил Павлович.
Худ. Д. Доу 1820-е.

того или иного события может лишь официальная, желательно скрепленная печатью, бумага. А где взять подобную для подтверждения, скажем, той самой «пылкости воображения», что позволила Пушкину назвать Завадовскую Клеопатрою Невы? Уж он-то как никто другой знал, заслуживает ли она подобного сравнения — определенный опыт в отношениях с ней давал для этого основания. Знал это и князь Петр Вяземский, передавший в письме Пушкину от 23.1.1829 привет Нине Воронской (шалунишки-мужчины ох как любят бахвалиться своим победами над женщинами!). Но что там Вяземский?! Что красноречивые свидетельства Долли?! Не поколебать им устоявшегося мнения солидных пушкинистов типа Вересаева: «Если бы не один Вяземский с каким-то Богуславским, а все близкие и далекие друзья Пушкина дружным хором свидетельствовали, что Клеопатра — это Завадовская, мы в праве им не поверить и не признать за их свидетельствами решительно никакой ценности».¹ Как бы ни мимолетна была «жаркая история» Поэта с Завадовской, она воспламенила его Вдохновение. Оставила след в его творчестве. Ей посвящено одно из лучших его стихотворений «Красавица». Её портрет воссоздан в известной XVI строфе 8-й главы «Евгения Онегина»:

Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительно была.

И в варианте той же строфы, оставшейся в черновиках:

[Смотрите] в залу Нина входит,

Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей.
В волненьи перси — плечи блещут,
Горит в алмазах голова,
Вкруг стана [вьются] и трепещат
Прозрачной сетью кружева,
И шелк узорной паутиной
Сквозит на розовых ногах...²

Её образ видится не только в вышеупомянутом наброске драматического произведения, но и в «Арапе Петра Великого», «Египетских ночах», в неоконченной повести «Мы проводили вечер на даче...».

Новые штрихи к портрету Завадовской — всего лишь малая толика сведений, зафиксированных в Дневнике Долли о «спутниках» Пушкина. Чтобы только перечислить их имена, потребуется добрая страница. Здесь и многие друзья Пушкина — Михаил Виельгорский, Александр Тургенев, Петр Вяземский — с этим с ворчуном, ставшим завсегдатаем её салона, её балов, загородных прогулок, она особенно сблизилась. Военные, политики, общественные деятели, учёные, царедворцы, просто светские люди. И плеяда дипломатов — известных: гр. Беарн, герц. Мортемар, Бургуэн, Лагрене, Барант, Геккерен, Морнэ, Сюлливан, Дюрэм, кн.Фридрих Лихтенштейн, Лудольф и неизвестных, тем кому ещё предстоит занять место на орбите Пушкина: лорд, английский посол бар. Уильям Хейтсбери, поверенный в делах прусского посольства гр. Матиас Галлен, португальский дипломат и поэт Джоан Алмейда, бразильский посланник маркиз Силва да Резенде, сотрудники австрийского посольства Миарт и Келлер и французского — гр. Монтессюи.

Из сонма прекрасных дам — пассий Поэта, представленных гр. Фикельмон в новых неожиданных, порою шокирующих ракурсах, позволю выделить ещё двух — гр. Марию Мусину-Пушкину и её сестру княжну Софию Урусову. Разбросанные по дневнику записи о первой (о её внешности, о её «довольно скучном» супруге Иване Алексеевиче, светских флиртах, в том числе с её будущим 2-м мужем кн. Горчаковым А.М.) — живые детали к её портрету, далеко не столь лучезарному как

¹ Вересаев, В. Княгиня Нина. Там же, с.142.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т.6, с. 515. М.: «Воскресенье», 1995

тот, что сложился к сегодняшнему дню о ней в пушкинистике. О том, что Пушкин был влюблен в неё, стало известно ещё в начале 20 в. Но вот когда это было, продолжают гадать. Снова отвечает Долли: «Графиня Пушкина в этом сезоне в зените красоты; она сверкает новым блеском благодаря почитанию, которое ей воздает Пушкин-поэт»¹. Значит, было это в ЗИМНИЙ СЕЗОН 1832–1833.

Как уже отмечалось, Дневник Долли введён в научный оборот главным образом из-за сведений о Пушкине и его красавице-жене. Та, которую по великому заблуждению, называют Героиней «жаркой истории», казалось бы, должна «заклиниться» на своем Герое. Ничего подобного. Записи о Пушкиных — капля в море в сравнении с превеликим вниманием к «белокурой, бело-розовой, с ослепительной кожей лица», подобной «изумительному сиянию дня» — княжне Софии Урусовой.

Долли вообще страдала болезненным любопытством к красавицам. Будто сравнивала их с собой. А эта к тому же, как поговаривали, была фавориткой Императора. Прелесть княжны в глазах Долли сразу померкла: и глупа, и лицо невыразительно, и ведет себя вызывающе. За всем этим так и слышался невысказанный вопрос: «Чего он в ней нашел?». Свое недоброе пристрастное внимание к княжне оправдывала лицемерной жалостью к бедняжке Императрице. Облегченно вздохнула, когда фавор, по установившейся традиции, перешёл в затянувшиеся поиски подходящего мужа для метрессы. Но тут всплыло ещё одно обстоятельство, затронувшее — непосредственно и весьма унижительно — честь «кутузовского тавра», а именно семьи любимой тетушки Дарьи Михайловны Опочининой. Император решил женить на Урусовой Павла Александрова — побочного сына великого князя Константина Павловича. А тот с отрочества был помолвлен с двоюродной сестрой Долли — Александрой Опочининой. Из «благородства» и уважения к её отцу Фёдору Петровичу Опочинину — шталмейстеру двора, а фактически своему «постельничему», Император достаивает его доверительным разговором: «Дорогой друг, не скрою от вас, что я люблю княжну Урусову превыше всего и что это то супружество, которого я желаю для Александрова. Но подождём полгода, пусть юноша за это время решит, какая из двух особ ему больше подходит, и если его выбор не падет на княжну, я предпочитаю, чтобы его избранницей стала Ваша дочь, чем какая-либо иная».² Опочинин «отверг эту сделку и отказал Александрову от дому». Сердце его прелестной дочери разбито. В январе 1833, после оповещения помолвки Александрова с княжной Анной Александровной Щербатовой, 19-летняя девица получает апоплексический удар, две недели пребывая в горячке, на грани между жизнью и смертью: «Она осталась в здравом рассудке, сохранила память, но сколько ростков горечи и муки проросло в ее душе!»³

Жених фаворитке тоже был подобран. 15.9.1832 Долли радостно отмечает: «Была объявлена помолвка княжны Урусовой. И новость эта как изумила одних, так и обрадовала других. Ловлю себя на мысли, что я в самом деле плохой человек! Ибо даже известие о её замужестве не приглушило моего беспокойства за Императрицу <...> О помолвке оповестили в день водружения Александровской колонны. Это грандиозное и волнующее событие состоялась 30 августа».

Помолвка Урусовой с кн. Леоном Радзивиллем⁴ и есть та самая изюминка, ради которой пересказана сия «душещипательная» история. Вспомним одно из самых трепетных любовных посланий Пушкина *«Нет, нет, не должен я, не смею, не могу волнениям любви безумно предаваться»*. По последним уточненным данным оно написано 5 октября 1832. Адресат посвящения, как принято считать, — Надежда Соллогуб. Вникнем в смысл заключительных строк стихотворения: *«И сердцем ей желать все блага жизни сей, Веселый мир души, беспечные досуги, Все — даже счастье того, кто избран ей, Кто милой деве даст название супруги»*. Несомненно, это пожелание некой, вступающей в супружество невесте, которая к тому же хорошо знакома Поэту. Таковой в то время и была княжна София Урусова: недавно обручена, жених ей «избран» самим Николаем I. Юная же Надежда Соллогуб — ну ни в клин, ни в рукав. Только что выпорхнула из пансиона «Святой Екатерины», ей ещё предстоит стать возлюбленной цесаревича Александра Николаевича, а затем великого князя Михаила Павловича. И лишь спустя четыре года (9.10.1836) стать женой А.Н. Свистунова.

Естественно сразу же возникает вопрос: почему столь запоздала реакция Поэта на событие,

¹ Запись в Дневнике Долли от 17.11.1832

² Дневник Долли. Там же, запись от 25.1.1832

³ Дневник Долли. Там же, запись от 23.3.1833

⁴ Князь Леон Радзивилл (1808–25.01.1885), с 1825 юнкер л.-гв. Гродненского гусарск. полка, с 1832 флигель-адъютант

Николая I, позд. генерал-лейтенант.

взбудоражившее всю столицу? Проверяю, был ли тогда Пушкин в Петербурге? Да, был. Но с начала сентября голова его занята важными делами — сначала издательскими, а затем хлопотами о разрешении перевезти в Полотняный завод тело умершего (8.9.1832) деда жены А.Н. Гончарова. Только 17 сентября он выехал из Петербурга: Полотняный завод, с начала октября — Москва, где оставался до 10 октября. Визиты к друзьям. 5 октября — встреча с Полиной Бартеневой¹. В тот день она пела.

Разнеженный и вдохновленный её пением, Пушкин вписывает ей в альбом строки из «Каменного гостя»: *«Из наслаждений жизни Одной любви музыка уступает, Но и любовь гармония...»*, в которых странной прихоти заменяет «любовь — мелодия» на «любовь — гармония». Но так ли уж странна эта прихоть, если предположить, что в тот вечер падкие на пересуды московские кумушки перемывали косточки княжны Урусовой? Особенно раздражали всех её уверения, будто вступает в брак по любви. Любви к человеку — по словам Долли — абсолютно «лишённому ума и привлекательности»? Так что этой заменой Пушкин словно бы возражал ей, Софии Урусовой: любовь — это даже не мелодия, а ГАРМОНИЯ! А когда поздним вечером вернулся в гостиницу «Англия» на Тверской, где остановился на постоя, встрепёнувшиеся БЫЛЫЕ чувства к ЮНОЙ княжне полились Мелодией любви...

Об образах Пушкина и его жены в дневнике Фикельмон поминать не буду — об этом писано-переписано. Пожелаю читателям Дневника самим рассмотреть их среди той обстановки, в какой они представлены ею. Они воспримутся совсем по-иному, чем из хорошо известных, но оторванных от контекста цитат.

Сколько ещё нового, незадуманного здесь, осталось в сокровищнице дневника Фикельмон! Два неизвестных факта, которые непременно впишутся в летопись жизни Пушкина: пребывание в России летом 1830 г. Ф.И. Тютчева² и приезд в Петербург в январе 1833 князя А.М. Горчакова, что предполагает ещё одну и последнюю встречу Поэта со своим лицейским товарищем. Подобная могла состояться у Пушкина и с Тютчевым³. Волнующий рассказ Долли о смерти Екатерины (Теклы) Дмитриевны Шишковой — жены трагически погибшего поэта и переводчика А.А. Шишкова, приятеля Пушкина, принимавшего участие в судьбе его вдовы и дочери. Пикантные подробности об Александре Россетти, *Princesse Nocturne* — Евдокии Голицыной, Надежде Соллогуб, Анне Абамелек, Идалии Полетике, Аграфене Закревской, Наталье Строгановой, Амалии Крюднер, за которую Пушкин удостоился звонкой пощечины от Натальи Николаевны. А Тютчев обессмертил Амалию положенными на его стихи романсами «Я помню время золотое» и «Я встретил вас — и все былое...». Сведения о ней в пушкинистике весьма скудные, притом недостоверные. У Долли же описания залетной красавицы заполнили дневник на целых пять месяцев — с мая по сентябрь 1833 г.

Бартенева Прасковья (Полина) Арсеньевна.
Гравюра с портрета работы Карла Брюллова,
Петербург, 1840-е

¹ Прасковья (Полина) Арсеньевна Бартенева [13(25).11.1811 — 24.1(5.2).1872] — салонная певица (сопрано), с 1835 камер-фрейлина императрицы и, благодаря чарующему голосу, придворная певица.

² О встрече с Тютчевым — «*маленьким человеком в очках, весьма некрасивом, но хорошо разговаривающим*» Фикельмон рассказала в записи от 18.7.1830.

³ До недавнего времени об этом приезде Тютчева с семьей в Россию не было известно. В Петербурге супруги Тютчевы наносили светские визиты. Трудно представить, чтобы Вяземский не встретился со своим старым знакомцем и не представил его Пушкину, пребывавшему в СПб. три недели (19 июля — 10 августа 1830). Считается, что оба поэта не были знакомы (второй раз Тютчевы приезжали в Россию в 1837, уже после смерти Пушкина) и что Тютчева «рекомендовал» Пушкину И.С. Гагарин, весной 1836 приславший из Мюнхена через Амалию Крюднер несколько десятков его стихотворений для публикации в «Современнике».

Оказалось, Амалия была не дочерью, а единокровной сестрой пресловутого баварского посланника в Петербурге Максимилиана Лерхенфельда. Биографические данные о последнем (даты его жизни, сроки пребывания в Петербурге, карьера), впервые введенные в пушкиноведение многоуважаемым П.Е. Щеголевым, также оказались ошибочными. Установить это, как ни парадоксально, помог мне сам Павел Елисеевич.

Описания светской суеты перемежаются с мудрыми рассуждениями графини о политической ситуации в Европе 1830-х годов. Несомненно, в них слышится и мнение австрийского посла, и отзыв бесед в её салоне. Благодаря этому размышления Долли вдвойне интересней — они являются своеобразной канвой тем, которые она могла обсуждать при встречах с Пушкиным. Одну из них знаем с достоверностью — польское восстание 1830–1831 г.г., в спорах о котором перессорились друзья: Пушкин, Вяземский, Фикельмон. Было из-за чего скрестить шпаги — ведь Долли внимательно, сострадательным сердцем и глазами мудрой жены дипломата, следила за развитием событий в Польше.

А что же с легендой о «жаркой истории» П. и Д., побудившей Н. Раевского к поискам свидетельств в архиве Фикельмонов? Убежденно заявляю: бессмысленная, оскорбительная для чести гордой и высококонравленной внучки Кутузова напраслина, в чем читатель удостоверится сам, ознакомившись с её записками. Не более как «устная новелла Пушкина», рассказанная им П.В. Нащокину. Сторонники подлинности сего происшествия относят его к 1832 или 1833 г.г., записи которых находятся во второй, неизданной Каухчишвили, части дневника. Непрочтение всего текста записок и подвело Н.А. Раевского:

«Мне кажется вероятным, что именно 22 ноября 1832 года можно считать той датой, после которой произошло незабываемое для Долли событие. Когда будет опубликована (надо надеяться) и вторая тетрадь дневника, промежутки времени, в течение которого могла произойти интимная встреча графини и поэта, быть может, удастся сократить...».

Что же такого случилось 22 ноября 1832 г.?

Справимся в дневнике Фикельмон. Вот что она записала в тот день: «Вчера (т.е. 21-го) у нас был первый в сезоне большой раут, который прошел совершенно блистательно и имел огромный успех.<...> Общество пока лишено своего лучшего украшения, поскольку почти все молодые дамы ещё не выезжают. Однако самой прекрасной вчера была Пушкина, которую мы прозвали Поэтической, как из-за её супруга, так и за её небесную и несравненную красоту. Это образ, возле которого можно оставаться часами как перед совершеннейшим творением Создателя!...»

И какое же заключение можно сделать из этой записи? — искреннее восхищение несравненной красотой! Только абсолютное непонимание природы Долли может привести к иному выводу: будто бы в ней заговорила ревность или того хуже — подленькое желание подвергнуть испытанию чувства Пушкина к красавице-жене, соблазнив его и тем самым утвердив своё превосходство над Совершеннейшей! Запись заканчивается упоминанием о «несколько провинциальном» бале у гр. Зубовых: «Я привезла оттуда только насморк и кашель». Следующая сделана лишь 30 ноября. В ней Долли весьма буднично заметила: «Не выходила из дома несколько дней, в течение которых Медженис, Марцеллин, Лубеньский, Вяземский и Скарятин приходили развлекать меня».

17-го декабря у Фикельмонов второй большой прием, интересный для нас сообщением: «За столом я сидела рядом с Пушкиным, у которого очень подвижный ум, намного больше, чем мы привыкли встречать здесь» — как ни вчитывайся, прозаическое, без каких-либо эмоций, повторение того, что Долли ещё ранее подметила в Поэте. А далее, до конца года и в течение следующего — ровное повествование о светских раутах, встречах, обедах, ужинах и танцах, в котором не сыщешь даже намёка на интимную близость с Пушкиным. Защищая честь Поэта, Раевский возразил Гроссману: «Если признать, что рассказ Пушкина о приключении с графиней Фикельмон — выдумка, своего рода «новелла», то пришлось бы этот «художественный» оговор ни в чем не повинной женщины назвать не «устной», а «гнусной» новеллой»¹. Хотя бы только для того, чтобы снять этот гнусный оговор, следовало бы поторопиться с изданием полного текста дневника. Но надежда Раевского, высказанная 35 лет назад, сбылась лишь в 2009 г.

В чем же причина столь преступного отношения к Запискам современницы и друга Пушкина? Ведь микрофильм с их текстом ещё в сентябре 1947 г. был привезен делегацией чехословацких

¹ Н.А. Раевский. «Портреты заговорили», Алма-Ата, из-во «Жазушы», 1980, с. 295–296.

писателей в дар советским коллегам¹. Однако следы его затерялись — никто из известных пушкинистов, даже сотрудников ИРЛИ, к которым я обращалась за справкой, не слышал о его существовании. А он, как оказалось, был у них под боком и кое-кто все-таки знал, где он хранится. Вот что читаем в статье М.И. Гиллельсона «Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон»:

«Итальянское издание дневников Д. Ф. Фикельмон бесспорно доказало их важность как исторического источника. Вместе с тем это издание, ограниченное 1829—1831 годами и содержащее ряд купюр — еще раз подчеркнем, что перед нами связный, но не полный текст, — побуждает высказать пожелание о необходимости русского издания этих дневников. Микрофильм, хранящийся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом), дает возможность осуществить это издание, столь необходимое для историков русской литературы XIX в.» — так заключает своё изложение М.И.² Подчеркнутые мною слова — пожалуй, самый пронзительный аккорд в патетической оратории «Наше все»!

Более шести десятилетий дневник Долли пролежал не востребовавшимся! Но и сему есть некоторое оправдание. Как уже сказано выше, первые его исследователи «выудили», оторвали от контекста все записи о Пушкине и его жене и в таком виде пустили на свет Божий. Самое ценное изъято, остальное — любопытно, но показалось не столь важным (как жестоко ошиблись они! — в чем читатель сам убедится!). Другая причина — в знамении времени: моя работа над записками Фикельмон пришлось на эпоху, когда книгоиздатели предпочитают выпускать лишь то, что приносит мгновенную коммерческую прибыль. У тех же, кто пытается держать марку и не печатает ширпотреба, как правило, нет денег на издание такого гроссбуха (330 стр. текста, двойной объем комментариев и около ста иллюстраций, в основном цветных). Один из таких последних могиканов — московское издательство «Минувшее», с которым еще в декабре 2001 мною был подписан договор о публикации дневника. А пока суть да дело, имевшиеся у издательства средства ушли на другие насущные нужды. Поиски спонсоров не принесли желаемых результатов. В 2008 г. проглянул лучик надежды — Федеральное агентство РФ по печати и массовым коммуникациям выделило грант на печать горемычного дневника. С выплатой гранта тянули и, наконец, отказали под предлогом слишком большая сумма, на которую можно издать две других важных книжки!

Такова истинная цена российской любви к «нашему могучему духовному исполину». К сожалению...

P.S.: Утро 4 июня 2009 г. оказалось поистине добрым! Я получила сообщение от директора московского издательства «Минувшее»: «Сегодня отправили вёрстку в типографию. Готовьтесь к полемике с пушкинистами. Л.Н. Слепнер».

¹ О чем я узнала из переписки бывшего директора Всесоюзного музея Пушкина М.М. Калаушина с проф. Братиславского ун-та А.В. Исаченко (с их письмами меня познакомила в Вене дочь Исаченко Варвара Александровна Куннельт-Леддильн, у которой они хранятся в большом сундуке).

² Опубликовано еще в 1970 г. — см. выше прим. 6.

Русский мир без границ

Вильнюсские берега

Георгий Почуев

член Союза писателей России

Путешествие по юбилею театра

1

Десять лет назад в культурной жизни Литвы состоялось нерядовое событие: зажётся очаг культуры под названием «Angel project» — Детский театр танца (ДТТ). В этом году второго июня коллектив по праву отметил свой юбилей праздничным гала концертом, который был дан в честь Международного дня защиты детей.

Русский драматический театр Литвы в тот день встречал публику, будучи празднично украшенным. Расхожая фраза «театр начинается с вешалки» в этот день не подтверждалась — отчасти потому, что был жаркий июньский день, отчасти же из-за того, что с порога зрителей встретили своеобразные «букеты» ярких разноцветных шаров с изящным рисунком на них, а также прекрасно оформленная афиша с изображёнными на ней названием театра и группой юных девушек и юношей по центру в театральных костюмах.

Именно так начинался юбилей театра. И это сразу настраивало на особый лад. Афиша, поставленная прямо напротив входа, сразу вводила зрителей в курс того, что и почему будет происходить на сцене. А второе правило, гласящее «Если в первом акте на стене висит ружьё, то оно выстрелит в последнем», подтвердилось. Но об этом — в своё время.

Красочно оформленный буклет, посвящённый этому событию, открывает приветственное слово Юрия Щуцкого, актёра Русского драматического театра Литвы, давнего друга Юрия Попова, режиссёра и руководителя ДТТ. На первом же развороте буклета ещё два человека признаются в любви этому театру, вторым руководителем которого и постановщиком танцев является Анара Байдильдинова. В верхней части буклета своё признание написала Ольга Горшкова, председатель Координационного совета организаций российских соотечественников Литвы, ниже — член Сейма Литовской республики Лариса Дмитриева.

2

И почти с первой же минуты концерта начался захватывающий спектакль, главным героем которого является, конечно же, танец. На сцену «вылетает» Муха-Цокотуха и её мелодраматическая история разворачивается с помощью средств, свойственных танцевальному спектаклю. Однако, находится место и для словесного повествования о горестях Мухи и Комарика, чуть ли не пожертвовавшего своей комариной жизнью ради спасения Цокотухи. Драматизм ситуации подкрепляется не только присутствием Старичка Паучка с его тенетами в стиле модерн, растянутыми по всей сцене (надо видеть, с какой изобретательностью это было сделано), но и музыкой Арама Хачатуряна, под которую герои этой сказки Корнея Чуковского «в лице» юных танцоров «Angel project» исполняют танец с саблями в постановке, конечно же, своего балетмейстера. И, в полном соответствии с текстом сказки, Комарик «подлетает к Пауку, саблю вынимает...» и далее — по тому же тексту. Соавтором, вложившим слова в уста персонажей этого и других спектаклей театра танцев, является Ю. Щуцкий.

Младшие группы танцующих сменяла старшие (затем снова выходили на сцену младшие) с калейдоскопической быстротой, играя почти всеми цветами радуги. Публика разных возрастов — от дошколят до бабушек и дедушек — не успевала заскучать от номеров программы, не совсем интересных по причине возраста для одних или других. Вообще, в составе театра сейчас существует четыре группы разного (от пяти— до семнадцати лет) возраста, у каждой из которых свой репертуар.

3

В антракте после первого отделения концерта на сцену поднялись гости — члены Сейма Литовской Республики Лариса и Сергей Дмитриевы с цветами, подарками и словами восхищения и благодарности в адрес руководителей ДТТ и их воспитанников — юных танцоров. Всё это принял один из руководителей театра — Юрий Попов. Другой руководитель, Анара Байдильдинова, в это время была за сценой. Это на ней держался процесс подготовки исполнителей к выходу на сцену. Она распоряжалась за кулисами, занималась оперативным решением всех вопросов, связанных с контролем за исполнением программы концерта и давала команды на выход очередному составу исполнителей.

4

После антракта наиболее запоминающимся был динамичный танец с участием Анары. Это была сценка «танец мафиози» из театральной композиции «Невероятный иллюзион...». Все были в ударе, номер захватывающий. В гуще танцевальной группы юных девушек в чёрном танцует, синхронно с ними, улыбающаяся, тоже в чёрном, женщина, чья пластика, раскованность и умение держаться не вызывали сомнения в том, что это особая личность...

Накал эмоций во время исполнения этого танца среди зрителей гала концерта достиг пика, сравнимого, пожалуй, с финалом чемпионата мира по футболу. Возгласы, издаваемые юными голосами из зала, слились в едином порыве, было впечатление, что это фанаты победившей команды встречают своих кумиров. Было понятно без слов, что харизматичная Анара для них таковым и является. Но это была не толпа, а воспитанники Анары, не участвовавшие в тот раз в представлении, находившиеся среди остальных зрителей. Многие — вместе со своими родственниками.

5

Зная, к каким достижениям привела их хореограф, можно не удивляться такой реакции зала. Начиная с 2008 года, этот коллектив, ежегодно участвуя в фестивалях танцев, завоевал множество наград: Гран при, Главный приз, почётный приз и множество лауретских первых мест в разных номинациях. А с фестиваля «ЕвроЮрмала», проходившего с 2012 по 2015 год, ДТТ ни разу не уезжал без первого места. Танцующие «Ангелочки» представляли своё искусство как в Литве, так и в Польше, в Латвии, Болгарии, Турции, Эстонии, Испании и России. Всего более двадцати призов был удостоен театр «Angel project» на различных фестивалях за эти десять лет. Даже в текущем году его юные танцоры успешно выступили на литовском фестивале «DANCE REVOLUTION», заняв два первых места, ещё одно второе и одно третье. И этим не исчерпываются достижения нынешнего сезона.

Послужной список ДТТ, подавляющее число членов коллектива которого — девочки в возрасте от пяти до семнадцати лет, не исчерпывается «чисто» танцами, хотя на их канве «вышиты» все композиции. В его репертуаре пять спектаклей, среди которых не только «Муха Цокотуха», показанная в прологе концерта (этот спектакль был выпущен в 2011 году), но и «Раз, Два, Три, Ёлочка, гори!» (2012 г.) и ещё три спектакля, выпущенных в последующие годы. Завидная продуктивность! И титанический труд — ведь успех, наглядно демонстрируемый коллективом, явно давался большим и упорным трудом. Немаловажно ещё и то, что многие воспитанницы Попова и Байдильдиновой с успехом участвуют в пяти спектаклях Русского театра Литвы: «Морозко», «Загадай желание», «Снежная королева», «Литуаника», «Семь красавиц» и «Русалочка». Перечисление названий всех номеров, созданных за десять лет деятельности танцевального коллектива и показанных во время концерта, заняло бы слишком много места.

6

Вообще, репертуар ДТТ вначале состоял преимущественно из номеров, призванных создавать и «разогревать» атмосферу праздников. Причём — в немалой степени этому способствуют музыка, костюмы и реквизит, коих было использовано на праздничном концерте великое множество. Костюмы, в создании которых принимали участие и руководители театра, и дети-артисты, и их родители, сделаны с большой выдумкой — и лохматые собачки, и черепашки, и обезьянки, и малыши (целая группа) в костюмах деда Мороза, и строгие чёрные, и военная форма, и какие-то вычурные, трудно поддающиеся описанию... Их разнообразие, цветовая гамма и яркость хорошо сочетались с тематикой номеров, произвольно усиливали впечатление.

И это неудивительно: за прошедшие десять лет творческих взлётов и упорного труда было подготовлено около пятидесяти сценических номеров. Причём, относящихся к самым разным направлениям — сальса, синхронные танцы, хип-хоп, модерн, а начиная с 2011 года, и спектакли.

7

... Концерт был построен так, что не было ни конференсье, ни самого конференса в его традиционном смысле. Юрий Попов сознательно пошёл на это, так как считает, что для концерта нужен темп, а для юбилейного концерта важна атмосфера праздника. Поэтому решили отказаться от консервативного подхода к ведению концерта, тем более, что хотелось показать побольше номеров. Концерт и так продолжался почти три часа. Благодаря отказу от конференса была показана очень большая программа, интерес к концерту сохранялся всё это время.

Этому способствовало ещё и то, что сценки из спектаклей отличались от следующих за ними танцев и костюмами, и хореографией, и жанром, и возрастом исполнителей. Один номер как-то органично (и в темпе) переходил в другой, танцы сменялись сценками, потом снова танцы... Были и очень смешные сценки. В ДТТ ценят юмор. В быстром темпе звучала музыка, действие завораживало, и не приходилось задумываться о том, почему нет ведущего. Это не сразу, но навело на мысль о «кукловоде», который предпочёл оставаться в тени при том, что смена номеров идёт явно по намеченному замыслу, без сбоев и накладок. Уже одно это характеризует режиссуру концерта, состоявшего из двух отделений.

8

Оба руководителя ДТТ «Angel project» по начальному образованию получили профессии, не имеющие отношения к театру: Юрий Попов окончил географический факультет ростовского государственного университета (его, кстати, и Александр Солженицын закончил), а Анара Байдильдинова — медицинский. Попов занимался во время учёбы в университете в театре пантомимы и дружил с клоуном Полуниным, ставшим впоследствии всемирно известным.

Попов десять лет руководил этим театром. Позже он закончил театральное училище им. Б.Щукина при театре им. Вахтангова. До создания Детского театра танца Ю. Попов занимался в Вильнюсе постановкой праздничных шоу. Проводил ежегодно много новогодних утренников и вечеров — «Ёлок».

А. Байдильдинова, родившаяся в г. Актюбинске, в течении десяти лет занималась художественной гимнастикой, и очень успешно — была членом сборной команды Казахстана. Параллельно занималась также в успешном танцевальном коллективе и объездила, выступая, с ним весь мир. В Вильнюсе она вошла в коллектив «Попов Шоу», в котором и выступала до образования ДТТ. Затем она стала постановщицей танцевальных номеров.

9

Концерт, посвящённый юбилею театра, был своеобразным творческим отчётом, во время которого было показано около сорока номеров — танцевальных и театрализованных. И не было ни одного номера, по поводу которого можно было бы сказать «мило, трогательно, но не более». И это — не для красного словца.

Большинство номеров, исполняемых старшей группой театра, отличаются динамизмом, синхронностью движений, пластичностью и акробатическими кувырками, прыжками, какими-то пирамидами, связками и ещё бог знает чем, что не поддаётся определению неискущённого зрителя. И в своей совокупности они создавали впечатление многоцветной феерии оригинальной красоты, для оценки которой не жалко никаких хвалебных слов.

Диапазон эмоциональных откликов публики, присутствовавшей на концерте, был очень широк: от удивления красотой танцев до восхищения и восторга, с замиранием и последующими взрывами аплодисментов...

10

В заключительной стадии юбилейного вечера всё-таки был тот «выстрел», о возможности которого намекали шарики, вернее, оформители, расставившие «букеты» шариков по всему фойе и на сцене. И вот как раздался этот «выстрел». В конце концертной программы на сцене появился Юрий

Попов с большим красивым шариком, рвавшимся из его рук. И он, как будто невзначай, выпустил его, ойкнув. Сразу после исчезновения выпущенного шарика сверху, дотоле невидимые, посыпались на всех находящихся на сцене не менее красивые шары. Этот разноцветный «шарикопад» после окончания концерта вызвал шквал восторженных возгласов у малолетних танцоров, исполнителей концертных номеров. Они, конечно же, расхватывали их, чувствуя, что этот «шарикопад» подарен им их учителями за их старания и упоение танцами.

На сцену побежали люди с букетами цветов и одарили ими исполнителей — уже от имени их родителей, родственников и друзей.

И на этой прекрасной ноте завершился праздничный вечер.

На следующий день в Фейсбуке на странице ДТТ был опубликован отклик: «Великолепное зрелище! Буквально всё завораживало».

11

Всего через несколько дней ребята из ДТТ выступили на сцене в вильнюсском парке Вингис и в очередной раз сорвали аплодисменты. В парке уже больше десяти лет устраивается многочасовая праздничная концертная программа в честь дня России. При огромном стечении публики. В последние два года это мероприятие стали официально называть Днём российской культуры.

И ещё: чуть больше, чем через две недели из Юрмалы в Вильнюс с триумфом вернулись тридцать семь членов коллектива этого эксклюзивного ДТТ... Театр снова успешно выступил на фестивале «ЕвроЮрмала-2016», в пятый раз став лауреатом и получив диплом за первое место.

12

Юбилей — это ещё и повод для того, чтобы оглянуться назад, в прошлое, отметить плюсы и минусы, что-то осознать, переосмыслить, подумать о том, как усилить и развить весь позитивный «капитал», накопленный за прошедшие годы.

Начал воплощаться в жизнь «АнгелПроект» не на пустом месте — ещё до обретения своего нынешнего названия, когда еще в рамках «Попов шоу» был отработан ряд танцевальных номеров, принимаемых «на ура».

В 2014-м году Александр Калягин (Председатель Союза театральных деятелей России) пригласил танцевальный коллектив «Ангел проекта» на фестиваль в Сочи предолимпийский. И это была замечательная поездка. Там родилось осознание своего статуса — уже не танцевального кружка, каких много, а танцевальной студии, театра танца, серьёзного коллектива.

Руководители ДТТ стали ставить номера не только «со словами», но и с сюжетом, задачи которого решаются своеобразным сочетанием хореографических средств и пантомимы. Но танец продолжает играть в них важную роль. «Появились» эти номера потому что, как выразился Юрий Попов, появилась жажда, стремление проявить себя ещё как-то. Чем больше углубляешься в анализ увиденного на сцене и услышанного во время юбилейного концерта, тем больше обнаруживаешь индивидуальных черт, свойственных этому оригинальному коллективу. И напрашивается вывод, что недаром его приглашают в разные страны, среди которых и Китай, и Англия.

Берусь утверждать, что очаг культуры по имени ДТТ «Angel projekt» не только не угас, но и подпитанный творческой энергией коллектива театра, горит ещё ярче, зажигая огоньки в глазах зрителей и даря им хорошее настроение, много положительных эмоций и приятные впечатления, которые запоминаются надолго.

Те, кому безразлично такое синтетическое искусство, «замешанное» на танце, легко могут посмотреть видеосюжеты о выступлениях «Angel proejkt», заглянув на страницу Юрия Попова в Фейсбуке. Они послужат хорошей иллюстрацией к этой статье.

Русский мир без границ

Гродненские берега

Светлана Глембоцкая

Родилась в 1957 году в городе Крустпилс Латвийской ССР в семье офицера. Окончила Вологодский пединститут в 1979 г. Педагог. Член Русского Общества. Член Гродненского литературного объединения «Надежда». Стихи опубликованы в 10 коллективных сборниках: «Прошу прощения, Земля» (1996 г.), «Каждый в ответе» (1997 г.), «Источник» (1998 г.), «Помоги природе сам» (2002 г.), «Память огненных лет: сборник стихов» (2010г.), «Роздум аб вайне» (2012 г.), «Голос Надежды» (2008 г., 2011 г., 2013 г., 2015 г.) и периодической печати. Живёт в Гродно.

* * *

На стыке всех культур!
На стыке!
Не на меже —
На рубеже.
Пускай глаголит,
Многолика,
Строка юнца,
Юнца-индиго,
И старца-классика...
Услышать!
Се «слух руками отворить».

На ладонях Господа

1.

Близкая луна.
Низкая...
Как же эту боль
Высказать?
Это ж надо так
Выстрадать!
Фукусима!

Это по шкале
Рихтера...
Стоит отразить
Рифмою!
Словно бы судьбу —
Рифами...
Фукусима!

Точно ль на Земле
Ладно так?!
Стронций прёт... Врата
Адовы?
Ладаном ту боль —
Надо бы.
Фукусима!

Бедствия прогноз
Колющий.
Волны! И в очах —
Страшный счёт.
Двадцать? В тысячах!
Кто ещё?
Фукусима!

В мире — резонанс.
Божий перст — для нас —
Фукусима!
В час пресыщения —
Предупреждение.
Фукусима...

2.

Остывающий уголёк —
Земля.
Осколок
Большого Взрыва.
И порхающий мотылёк!
Поля...
Колосья
Поют с надрывом.

Устрашающе снайпер лёг:
Пора!
Похоже,
Душа в нарывах...
Человечество! Невдомёк?
Игра?!
Планета —
Заложник ВЗРЫВА?!

3.

Учиться на ошибках? Бред.
Цивилизованными стали.
Что ни страна — «парад планет»,
А солидарность лишь — местами.

Учиться на ошибках... Не-е-е-т.
Императив опережающий?
Карман набив, «один процент»
Вершит свой бизнес ослепляющий.

И, ось земную наклонив
На десять сантиметров... Травма ли?
Имперский, знать, императив,
И образованные... варвары.

4.

Двадцать Чернобылей —
Счёт Фукусимы.
Или — две тысячи Хиросим!!!

Люди! Опомнитесь!
В распрях спесивы,
Видим ли алчный зев Фукусим?

Люди! Опомнитесь!
Невыносимо.
Грех! Мы по внукам заголосим.

Люди! Опомнитесь!
Боль нестерпима.
Горько планете. Невыносимо...

Люди! Опомнитесь!
Вместе лишь — сила.
Объединимся и лад воскресим!

5.

Миг — и только горсточка от «Я».
Миг — и только горсточка.
Миг и только! —
Крик.

Мним вождями Космоса себя.

Мним вождями Космоса?
Мним вождями?!
Мним.

Нас спасает слово Святаря.
Нас спасает Слово.
Нас спасает!
Шанс.

На ладонях Господа — Земля.
На ладонях Господа.
На ладонях.
На...
На ладонях Господа — Земля...

Вместе!

Максиму Богдановичу

Страцім-лебедзь — горды, моцны птах...

М. Богданович

Твой отец о тебе: «Белорусский Гомер»...
Ты в свои двадцать пять предсказателем стал.
Публицист и Поэт! Вещий слог-пионер,
Словно молнией, век наш догнал.
Стратим-лебедь¹... Ты первым крылом
своим — взмах.

Не парит — обгоняет пространство перо!
Иль не ты словом жёг генетический страх?
Иль не ты разбудил наш народ?
...Кони — навскачь! Вскипели и тяжко хрипят.
«Где же путь ваш?!» — грозою взывает строка.
Сколько боли... И слёзы у горла стоят.
Сила духа воспета в стихах!
Научил наш Учитель (и рифмы — гуртом!)
Суть всей жизни к высокому смыслу поднять.
Славно колосом быть. Но попробуй —
цветком!

Васильком... Цвет души — не сорняк!
Силы... где? Ты поднялся до светлых вершин.
Стратим-лебедь! Ты вновь свои крылья простёр.
Стих правдивый биение пульса вершит.
Вместе — к звёздам! Взлетаем в простор!

¹ У Максима Богдановича стратим-лебедь — та могучая птица, которая сберегла всех других птиц от Всемирного потопа, но погибла сама.

«Страцім-лебедзь»... Богданович так рассказал белорусскому писателю Зм. Бядуле о замысле своего стихотворения: «Я задумал произведение на тему библейского мифа. Эту тему мне навеяла война, гибель миллионов и моя собственная судьба...» (см.: Зм. Бядуля. Апаваданні аб М. Багдановічу. — «Літаратура і мастацтва», 1941, от 5 марта).

Подмена

(Голос Максима в защиту белорусского языка)

Оскудение детской психики...

М. Богданович,

статья «Голос из Белоруссии», 1916

Мы сбиваем мысль ребёнка
С тех тропинок знакомых,
Что проторены с пелёнок...
Урезаем мир душевный.
Золотое наше слово,
Белорусское наречье,
Устраняем прочь из школы,
Ну, а результат плачевный.

Как поднять самосознание
Белоруса-гражданина,
Коли «мóву»¹ знать не знаем,
Мол, язык весьма ущербный?
И «жнівó»², и «жнёі»³ те же,
Те же «зоркі»⁴ светят в небе.
Кем воспеты будут? Кем же?
Кто душой и мыслью щедрый?

* * *

На белорусском больнее, наверно:
«Зорка Венера... Зорка Венера»...

Сколько бы звёзд не сияло среди ночи,
В сердце — Венера. Романс зазвучит,
Горький и светлый дурман этих строчек
Сердца коснется — и сердце кричит.

Друг мой, Венера, Максим Богданович
Пел тебя. Юность. Любовь. И мечта...
Всякий из нас открывал тебя внове.
Как обжигает твоя красота!

Сердца открытого чуткие струны
Музыкой слова насквозь прожжены.
Чувство — и вечно врасплох — полыхнуло.
Всполохи — эхом, и вы... сражены.

Взгляда ответного как бумеранга
Не избегайте (слабак, сторонись!)
Чувство твоё — наивысшего ранга
В перечне тех, что предложит вам жизнь.

... Минут века. Во Вселенной премьерно:
«Зорка Венера... Зорка Венера»...

¹ Мóва — язык (белорусск.).

² Жнівó — жатва (белорусск.).

³ Жнея́, мн. жнеі́ — жни́ца (белорусск.).

⁴ Зоркі́ — звёзды (белорусск.).

Мадонна М. Богдановича

Поистине она выполняет
высшее назначение женщины
М. Богданович

Это не бремя —
Беременной быть.
Значит: умножить
Племя.

«Жі́то»⁵, «жизнь», «житель»
(От корня всё «жит»)...
Жить! В этом суть,
Спаситель!

И колыбелью —
«Кальы́скай»⁶ — живот.
Нежностью —
Акварелью!

Ждать, как росточек
Под сердцем взойдет.
Ахнуть: толкнул он!
Точно!

Сила, не слабость —
«Цяжа́рнаю»⁷ быть.
Женская суть и
Самость!

Пойте её, ту,
Что носит дитя!
... Подпись:
Ек. Февралёва⁸.

Последняя земляника

Там, где... море синее, у бухты...
Поэт попросил земляники
И к книге издателя Кухты
Приник.

Не сгустки чахоточной крови —
Он ягоды тронул устами
И больше не чувствовал боли:
Устал...

⁵ Жі́то — рожь (белорусск.).

⁶ Кальы́ска — колыбель (белорусск.).

⁷ Цяжа́рная — беременная женщина (белорусск.).

⁸ Екатерина Февралёва — один из псевдонимов М. Богдановича. В истории поэзии нет, наверное, поэта более тонко воспевавшего предчувствие радости материнства, чем М. Богданович.

В печали была просветлённость.
Пешком бы на Родину... Ноги...
Рукою сжимал, истомлённый,
«Венок».

Максимум

Акростих

Максимум! сделать.
Ах, только б успеть...
Как в двадцать пять
Сердце зряче!
Из родников пил
Мерцанье светил,

Белую Русь
Озадачив.
Где гордый слог?
До звезды только смог.
Ахнул и ... вечность
Назначена.
О, проспала ты
Века, Беларусь! —
Истину — в стих.
Чистый! Значимый.

Русский мир без границ

Берега Берлина — Москвы — Калининграда

Ирина Булдакова

История одной книги
(*П.И. Залесский. Возмездие*).

Татьяна Петровна Залеская, дочь автора книги «Возмездие», жила в Калининграде в конце прошлого века.

А в начале XX века дед её был Харьковским генерал-губернатором. Отец Пётр Иванович Залесский — потомственный военный. Мать из семьи депутата Государственной Думы царской России. Вспоминая своё дореволюционное девичество, Татьяна словно витала в снах: где было старинное дворянское гнездо, с сиреневым садом, верандой, чаепитием и мечтами.

Крушение всего началось в 1914 году. Отец служил на границе, в Белостоке, где трагедия разыгралась в первые часы войны. Больше его они никогда не видели. В 17-м расстреляли деда. Женскую половину семьи посадили в застенки, где ужаснее всего были крысы, а потом уже издевательства. Мучила неопределённость. Их, не предъявив обвинения, увезли в Сибирь, в ссылку. Затем был лагерь врагов народа, после того, как отец эмигрировал через Крым в Югославию, «в горькие скитания русской эмиграции»

Я застала Татьяну Петровну в коммунальной квартире, на улице Горького, забытой всеми. Она не любила говорить, почему оказалась в нашем городе, куда девались все родственники...

Жила в полном пренебрежении к себе и к быту. Могла забыть поесть. Спуститься со второго этажа, сходить в магазин — проблема. Я стала приносить фрукты, конфеты. Пили чай, вспоминала она выборочно. Мне надо было снять видео сюжет о реабилитированных, но отыскать место в захламлённой комнатёнке по мнению оператора было невозможно, кое— как расчистили стол и вид на стену, завешанную её рисунками — цветы, бабочки, пейзажи. Один, зимний, густо синего цвета, привлёк моё внимание.

— Это я на фанерной крышке от посылки рисовала вид из окна в нашей ссыльной деревне.

— Там было жутко?

— Нет, отчего же? Там жили славные люди! И в лагере, где я работала в библиотеке, были очень интеллигентные читатели. Мы изучали теософию. Там и свою любовь я нашла...

Она увлечённо читала свои записи, выдержки мудрости о потоке жизни и всепрощении.

Однажды показала давнее письмо сестры из Москвы и ксерокопию книги отца П.И. Залесского — «Возмездие (причины русской катастрофы)», 1925 года издания, Берлин.

Бумага, желтая от времени, страницы со следами чая. Видимо, порой над ней засыпала, перечитывая одинокими вечерами. В конце-концов, книгу она мне подарила.

Не могу похвастать, что я изучила все 280 страниц, но многое, особенно из истории сражений на землях Восточной Пруссии, было интересно, интересен взгляд изнутри офицера, служившего в царской армии с 1988 года, интерпретации спорных фактов с глубокими размышлениями именно о причинах поражений и революций. Пораженческая политика, бездарное руководство обличали приведенные приказы по всем границам в августе 14-го: «Немедленно отступить!» А ему как командиру конницы: «Прикрыть дивизию, уходя на рысях!» 30 километров вглубь страны, 3 обратно. Эти «танцы на крови» всех возмутили.

Эпизод предательства и штабной неразберихи при отступлении и гибели генерала Самсонова, оставленного в лесу с одним ординарцем, описан откровенно.

«...если бы военная школа вложила в сердца своих питомцев искреннее восхищение деятельностью только своих великих людей — Петра, Суворова, Скобелева, горячее желание им

подражать — мировая война не была бы проиграна, мы бы не имели такой бездны поражений на германском фронте, были бы в Берлине уже в 1914 году и не имели бы никакой революции! Это моё глубокое убеждение...» Книга Петра Залеского во многом уникальна и кажется мне, как ни странно, современной. В ней есть и отступления о фальсификации мировой истории, преувеличении численности древних армий, значимости европейских побед и беспамятстве о русских.

Чтобы её смогли прочитать студенты и историки, я решила передать её в областную библиотеку в отдел краеведения, где профессионалы приведут книгу в порядок.

Татьяна Залеская умерла в 1992 года, оставив о себе удивительно светлую память всепрощением, благородством и неиссякаемой любовью и верой в мудрость времени.

Русский мир без границ

Берега Берлина — Москвы — Калининграда

Надежда Егорова

Пётр Иванович Залесский

Биографическая и библиографическая справка

(5 октября 1867, Слободская Украина — 1929, Югославия), генерал-майор, военный писатель, участник Первой мировой войны.

Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус. Поступил на военную службу (22.08.1885). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1888), выпущен в 23-ю конно-артиллерийскую батарею, затем переведён в 17-ю конно-артиллерийскую батарею. Подпоручик (ст. 09.08.1888). Поручик (ст. 11.08.1890).

Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1895). Штабс-Капитан (ст. 20.05.1895). Назначен состоять при Варшавском военном округе. Старший адъютант штаба 7-й кавалерийской дивизии (25.03.1896–28.03.1901). Капитан (ст. 13.04.1897). Цензовое командование эскадрона отбывал в 20-м драгунском Ольвиопольском полку (01.03.1900–01.03.1901). Начальник строевого отдела штаба Брест-Литовской крепости (28.03.–01.04.1901). Подполковник (ст. 01.04.1901). Штаб-офицер для особых поручений при штабе 1-го кавалерийского корпуса (01.04.1901–23.08.1902). Для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийском полку состоял при 19-м драгунском Кинбурнском полку (01.04.–01.10.1902). Штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-го кавалерийского корпуса (23.08.1902–06.06.1904). Начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии (06.06.1904–01.11.1911). Полковник (ст. 17.04.1905). Командир 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка (с 01.11.1911). Известен как изобретатель кавалерийского офицерского выюка, за который удостоен премии имени Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича Старшего. В Первую мировую войну — участник похода в Восточную Пруссию (август 1914), на Юго-Западном фронте. И.д. начальника штаба 6-го армейского корпуса (с 15 (28).08.1914). Начальник штаба 6-го армейского корпуса (09.1914–16.11.1914). Генерал-майор (ст. 17.11.1914). Начальник штаба 1-го кавалерийского корпуса (16.11.1914–25.06.1915). Командир 1-й бригады 3-й кавалерийской дивизии (с 25.06.1915). Командир 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии (с 26.06.1916). Начальник штаба 28-го армейского корпуса (17.12.1916–16.04.1917). Командующий 6-й кавалерийской дивизией (с 30.04.1917).

Кроме исполнения своих прямых обязанностей, неоднократно участвовал в составе комиссий по разнообразным вопросам устройства и подготовки кавалерии.

Участник украинизации частей 34-го корпуса (1917). В период существования Украинской державы — Харьковский «губерниальный староста» (губернатор) (май — июль 1918). С осени 1918 — начальник штаба Южной Армии (командующий генерал Н.И. Иванов), действующей на Донском фронте в подчинении Атамана Всевеликого Войска Донского генерала П.Н. Краснова. После расформирования Южной Армии в начале 1919 — в Вооружённых Силах Юга России (ВСЮР). В резерве чинов при штабе Добровольческой армии (на 15.06.1919). Генштаб ВСЮР. Член особого присутствия Севастопольского военно-морского суда (с 31.03.1920).

В Русской армии барона П.И. Врангеля служил в Высшей комиссии правительственного надзора до эвакуации из Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед» (1920). Эмигрировал в Турцию, затем в Югославию (на 1.08.1922 и на март 1925 в Мостаре). Подвергнут взысканию по суду и к 01.03.24 уволен от службы по суду чести. Ряд источников (1, 4, 6) называет местом эмиграции Германию.

С 1897 принимал участие в военной литературе, сотрудничая почти во всех военно-периодических изданиях, в том числе в «Военном сборнике» (СПб., 1858–1917). Публиковался преимущественно

по военно-бытовым вопросам, в особенности по кавалерии, и на кавказские темы. «Многие из таких статей, являвшихся в момент их появления новшеством с радикальным характером, в настоящее время находят подтверждение в распоряжениях свыше и в литературных трудах, как у нас, так и за границей»¹. Много работал в области переправы кавалерии, делаясь в литературе результатами своих трудов. Главнейшие положения о применениях конницы в военное время, высказанные одновременно в печати с 1903, резюмировал в брошюрах, изданных В. Березовским в 1910 и 1911. Редактор севастопольской газеты «Военный голос» (1920). Автор военно-научных и политических статей в сборнике «Хліборобська Україна» (Вена, 1920–1925).

Женат, трое детей (на 1914). Брат — Адриан Иванович Залесский.

Изданные труды П.И. Залесского:

1. Целесообразный путь к уменьшению военных расходов в мирное и в военное время. — М. : тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. — Кн. 1 : Необходимые реформы в сфере административной организации и хозяйства военного ведомства. — XII, 244 с. — Библиогр.: с. 209–210.

2. Что нужно нашей коннице? — СПб. : В. Березовский, 1909. — 59 с.

3. Главнейшие виды деятельности конницы : в 2 ч. — СПб. : В. Березовский. Ч. 1. — 1910. — 44 с.

Ч. 2: Завеса, набег, бой и преследование. — 1911. — 70 с.

4. Южная Армия : (крат. ист. очерк) // Донская Летопись : сб. материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 г. — [Б. м.] : Изд. Донской ист. комиссии, 1924. — № 3. — С. 232–260.

5. Возмездие: причины русской катастрофы. — Берлин, 1925. — 280 с.

6. Главные причины неудач Белого движения на Юге России // Белый архив : сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. / под ред. Я.М. Лисового. — Париж : Музей современных событий в России, 1928. — Т. II/III. — С.151–169. — (Материалы «Музея современных событий в России» Я.М. Лисового).

7. Грехи старой России и её армии // Философия войны / под общ. ред. А.Б. Григорьева ; [сост., авт. предисл. и прил. И.В. Домнин]. — М. : Анкил — воин, 1995. — С. 153–208. — (Б-ка рос. офицера).

Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1897), Св. Анны 3-й ст. (1902), Св. Станислава 2-й ст. (1907), Св. Анны 2-й ст. (1910, 18.03.1911), Св. Владимира 4-й ст. (1913, 11.05.1914), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (ВП 03.01.1915), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (ВП 04.06.1915).

13 мая 1911 г. получил Высочайшую благодарность за особые труды, понесённые при выработке Наставления для мобилизации.

Источники:

1. Волков С.В. Генералитет Российской империи : энциклопед. словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II : в 2-х т. — М. : Центрполиграф, 2009. — Т. 1. — С. 534. — Информацию предоставил Константин Подлесский.

2. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии : в 2-х т. — М. : ФИВ, 2012. — Т. 1. — С. 446.

3. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. : справочные материалы. — М. : Русский путь, 2009. — С. 224, 434, 587, 726.

4. Залесский Петр Иванович [Электронный ресурс] // Белая гвардия: честь, вера, совесть [сайт]. — 2005–2016. — URL: <http://ruguard.ru/glossary/o-214.html> (22.07.2016)

5. Залесский Петр Иванович [Электронный ресурс] // История Полтавы: сайт Бориса Тристанова. — URL: <http://tur.histpol.pl.ua/ru/petrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/vospitanniki-ppkk-emigratsiya?id=1916> (22.07.2016)

6. Залесский Петр Иванович [Электронный ресурс] // Русская армия в Первой мировой войне [сайт]. — 2003–2016. — URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1023> (22.07.2016)

7. Заліський Петро Іванович [Электронный ресурс] // Енциклопедія Сучасної України. — 2014–2016. — URL: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=14787 (22.07.2016)

Деятельность П.И. Залесского в должности Харьковского губернского старосты подробно освещена в статье:

Підлісний Д.В. (Подлесный Д.В.) Діяльність П. І. Заліського на посаді харківського губерньського старости (травень — липень 1918 року) = [Деятельность П.И. Залесского на должности Харьковского губернского старосты (май — июль 1918 г.)] [Электронный ресурс] // StattiOnline : Бібліотека наукових статей. — URL: <http://www.stattionline.org.ua/histori/114/21459-diyalnist-p-i-zaliskogo-na-posadi-xarkivskogo-gubernskogo-starosti-traven-lipen-1918-roku.html> (22.07.2016)

Составитель Надежда Егорова,

главный библиотекарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

¹ Залесский Петр Иванович [Электронный ресурс] // История Полтавы : сайт Бориса Тристанова. — URL: <http://tur.histpol.pl.ua/ru/petrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/vospitanniki-ppkk-emigratsiya?id=1916> (22.07.2016)

Русский мир без границ

Берега Берлина — Москвы — Калининграда

Петр Залесский

Что такое русская катастрофа?

Отрывок из книги «Возмездие»

...Взгляните на рассматриваемый вопрос еще шире: загляните в глубь истории всех времен и народов. Перед вами развернется длинный ряд картин борьбы людей между собою из-за благ земных, так называемая — «борьба за существование, вернее: борьба за лучшее существование». К сожалению, культура в области материальной делает большие успехи, чем в области моральной. Это обстоятельство способствует увеличению экономического и социального неравенства людей. С другой стороны, усиливается искание человечества — как бы уменьшить это неравенство и создать подобие Царства Божьего на земле. Искатели лучшей жизни не всегда ограничивались проповедями, учениями и обращениями к совести и здравому смыслу сильных мира сего. Очень часто, пользуясь легкомыслием правящих и недовольством управляемых, они организовывали восстания против власти...

Если бы власть имущие (они же и — богатые) всмотрелись лучше в уроки жизни, они поняли бы не только безнравственность, но и непрактичность роскошной жизни среди нуждающихся полуголодных людей. Последние, подстрекаемые наиболее активными элементами (тоже преимущественно из голодной братии), являются постоянной угрозой благополучию правящих (богатых). Казалось бы, здравый смысл указывает правящим путь для охраны их же собственных персон. Однако... вот уже 2000 лет раздается соответствующая проповедь и скорбный голос повторяет: «легче верблюду пройти чрез игольные ворота, чем богатому в Царствие Божие!» Правящие (богатые) неизменно думали и думают: «на наш век хватит». А в это время другие — не правящие, но желающие править, небогатые, но желающие быть богатыми, настойчиво твердят полуголодным, завистливым и темным массам: «в борьбе обретете вы право свое». Массы охотно верят и поддаются влиянию вожаков. Так нарождались все потрясения человеческих обществ. Так было и в России. Только здесь общечеловеческое зло (экономическое неравенство людей) было усилено веками рабства, развратившее и рабов, и рабовладельцев. Вот почему русские рабовладельцы столько раз проваливались на мировых экзаменах, пока окончательно провалились на последнем экзамене (война 1914—1917 годов). Этим воспользовались враги старой русской власти и, опираясь на недовольство темных массе, толкнули Россию в бездну крови, разорения и ужаса... Посмотрите на Германию. Военная неудача и там вызвала падение старой власти. Но там народ давно живет сознательной жизнью; школа и патриотизм сглаживают классовую рознь, а правящие давали всегда много образов добросовестности, аккуратности и умеренности жизни. Германский государственный корабль, веденный слишком неосторожною рукою, сел на мель, но не разломался... Конечно, враги (или оппозиция) старой власти не замедлили использовать неудачу старой власти. Всюду, где старая власть, так или иначе, оказалась несостоятельной, её место заняли социалисты — давнишние искатели лучшей жизни. Да будет благословенно стремление человеческой мысли к улучшению форм человеческого общежития. Социализму принадлежит видное место в этом стремлении, и этой заслуги у него нельзя отнять.

Но почему же социализм, получивший всю полноту власти в России, не дал улучшения жизни, а наоборот — ухудшил даже ту несовершенную жизнь, которая была в России при прежнем строе? Почему Россия потеряла свое место в политической и экономической жизни культурного мира? Почему страна обнищала, а голодовки не прекращаются, не взирая на колоссальные природные богатства её? Я вижу две причины: 1) Социализм пришел в Россию в виде крайней формы (коммунизм).

2) Социализм пришел в Россию революционным, а не эволюционным путем. Рассмотрим каждое из этих положений. В основе коммунизма лежит: общность труда и общность земных благ. Знаете: и здоровый, и больной, талантливый и не способный, трудолюбивый и ленивый, энергичный и вялый, старый и молодой, опытный и неопытный, с заслугами в прошлом и без них,— все равны, всё имеют право на одинаковый жизненный пай. Ни зависть, ни злоба, ни жадность, ни ревность, ни всякая иная страсть не должны нарушать этого права. Все трудятся, как могут, все стремятся к лучшему, не учитывая при этом соседа, и все имеют право на общее достояние, а потому никому не нужно никакой собственности... Все это правильно, верно и справедливо. Так и будет организована жизнь людей... Но только не в нашу эру! Для коммунизма нужны чистые, идеальные люди,— бесстрастные, справедливые, полные любви к ближнему и сознания бренности всего земного!.. Эти чистые и бесстрастные люди не будут завидовать, не будут грабить, не будут обогащаться за счет другого, не будут учитывать перепадающие другому «кусочки». Отсюда ясно, что идти к коммунизму можно только через высокое усовершенствование человеческой личности, через очищение человека от эгоизма, отрешение его от своего «я».

Человек, отрекшийся от своего «я», можете осуществить коммуны в её чистом, благородном и полезном для мира виде. Но можно ли мечтать о коммунизме при тех свойствах людей, коими они сейчас обладают?

В нашу эру человек полон своего «я»... Он вьет своё гнездо, стремится наилучшим образом обставить себя и своих близких. Он заботится о будущем; хочет и в будущем обеспечить лучшее существование себе и своим детям. И все это дает ему собственность, приобретенная иногда трудами целых поколений! Без собственности он не станет работать, а тем более — совершенствовать свой труд. Собственность — это краеугольный камень общественной жизни в нашу эру. Всякий, кто искренно думает об улучшении форм человеческого общежития, должен считаться с этим свойством человеческой природы. Тот, кто действительно хочет блага людям (а не только себе); кто мечтает о лучших формах жизни, тот не должен отнимать у человека собственности; но зато — всеми силами должен стремиться к сокращению человеческого эгоизма, к обузданию всех животных страстей. Другими словами: хотите улучшить общую жизнь — стремитесь к осуществлению высоких начал человеческой морали, той морали, которая вся выражается в немногих словах: «любите друг друга...» И тогда всем будет хорошо, и жизнь улучшится, и люди приблизятся к идеальным формам общежития. Старый русский строй пал от узкого и слепого эгоизма правящих, которые не хотели видеть действительной жизни и не считались с нею. Большое накопление враждебных старой власти сил произвело взрыв разрушительный не только для правящих, но и для всей Страны. В этом последнем, т. е. в наличии взрыва, а не эволюции, заключается вторая причина неудачи социалистического опыта в России. Революция в полудикой стране стала вводить новые порядки... Если бы крайние, идеальные формы общежития были выдвинуты, как отдаленный идеал, а к достижению его был избран путь постепенного усовершенствования личности и государственного аппарата, то Россия давно оправилась бы от мировой войны, не имела бы ужасов гражданской войны, и верными шагами шла бы к усовершенствованию своей жизни... Но упорство старой власти и фанатизм новой власти привели Россию к бурной ломке всего русского здания! На старый строй были спущены все своры человеческих страстей... И старый строй пал, истерзанный на клочья. Но вместе с ним истерзаны или уничтожены все запасы и богатства, накопленные общими силами народа русского в течение многих столетий. Русский народ с о р в а л с себя оковы старого строя (а не снял их осторожно), и в порыве опьянения злобой и заманчивыми перспективами — порвал на себе всю одежду, изломал и уничтожил обстановку своего жилища и запасы своего хозяйства, искалечив свое тело, заплевал свое лицо и развратил свою душу! Вот почему падение старого строя не двинуло русский народ по пути культурного развития, почему Россия урезана в территории, а русский народ хронически голодает то в одной, то в другой своей области. И впредь не удадутся все опыты улучшения жизни, введенные вне законов морали, вне стремлений к усовершенствованию личности. «Заповедь новую даю вам: любите друг друга». И нет другого пути к улучшению жизни на земле. Тот, кто искренно захочет идти по этому пути, — тот в каждом конкретном случае найдет соответствующие способы и средства для согласования идеи с требованием момента. Душа его — светлая, чистая и человеколюбивая — нигде не допустит неправды и ненужных страданий, а тем более — власти звериных инстинктов и безумных оргий узкого, грязного, скотского эгоизма. Улучшать жизнь с по-

мощью грабежа, всякого насилия и упразднения морали — нельзя. Власть, кому бы она ни принадлежала, должна положить в основание своей деятельности — общее благо (а не насилие одних над другими), бесстрашие и справедливость. Если события привели новых людей к государственному рулю силою, то тотчас, став у власти, они должны прекратить не только всякие насилия, но даже и тень их, стремясь изгладить из памяти людей кровавые дни прошлого... Иначе в Стране будут царить только страсти и пороки. Такая страна обречена на нелепое существование и даже на гибель. Действительно: сила Страны в трудоспособности её населения и в знаниях; для того и другого нужны — уверенность в завтрашнем дне и поощрение знаниям; там же, где насилие введено в приемы государственного управления, а знания и опыт мало ценятся, там никто не станет трудиться от души, а талант и знания не найдут применения... Вот где причины длящегося возмездия, посланного России за давние и недавние грехи ее сынов.

Еще несколько слов — об интернациональных тенденциях. Семья, племя, народ, нация, соединение наций в одном Государстве, раса, человечество — вот ступени развития человеческого общегития.

Сейчас человечество находится еще в стадии развития наций. Думать о человечестве еще рано, надо заняться еще много веков подготовительной работой по усовершенствованию личности. Во всяком случае, идти к интернационалу можно только во имя общих, а не партийных интересов. Зовите к братству всего мира. Зовите всех к сотрудничеству, к деятельной взаимопомощи. Стройте храм человечеству. Но стройте его чистыми руками и с чистой совестью, а не кровавыми руками. Уже Христос проповедовал общее братство. Но не звал к насилию, а только — к любви, к милосердию, взаимопомощи. Он звал к тем единственным средствам, кои ведут к земному раю, к чистому интернационалу. И этот призыв Христа не столь уж утопичен: нужно только, чтобы люди делали соответствующие (правильные) выводы из уроков истории и чаще вспоминали, что поезд человеческого бытия мчится со скоростью 100 000 километров в час, не останавливаясь на станциях и на ходу выбрасывая своих пассажиров, без багажа! Последний остается на Земле.

Юго-Славия. МОСТАРЪ. 25 марта, 1925 года.

История и современность

Николай Шумилов

Николай Владимирович Шумилов родился в Калининграде в 1960 году. Краевед, историк-любитель, поисковик. Руководитель поискового объединения «Белый поиск» (Калининград). Координатор неформального общественного движения «За возвращение сокрытых нацистами национальных культурных и исторических ценностей». Создатель и редактор сайта «Белый поиск». Автор статей, публикаций, участник документальных телевизионных фильмов по поисковой тематике. Член Калининградского областного отделения ВОО «Русское географическое общество». Народный эксперт ОНФ

Ничто, или конец эры рыцарей семи качеств

— Что есть правда?

Понтий Пилат, наместник Римской империи в Иудее

(из диалога с Иисусом Христом)

— Мама, а куда билетик?

— Съешь!

(из диалога в автобусе)

У каждого народа бывают переломные моменты в истории, ведущие к разрушению или к дальнейшему развитию нации. Когда мы задумываемся о судьбах государств, то чаще всего рассматриваем их историю за последние одно-два десятилетия. Думается, было бы немного правильнее анализировать процессы развития наций хотя бы за столетний период. К примеру, в поисках истоков проблем современного российского общества полезно будет перебрать в памяти события нашей новейшей истории. Мы увидим, что перед российской нацией стоял вопрос о самом её существовании в годы Великой Отечественной войны. В беспрецедентной борьбе нацистская Германия и её союзники были побеждены. Однако для нашей страны война имела тяжёлые последствия, которые сказываются и сегодня. Среди них — утрата двух третей культурного и исторического достояния. Утрата подлинников национальных сокровищ и святынь невосполнима для культуры российского народа. Вывоз нацистами культурного наследия нации был частью плана её уничтожения как принадлежащей к четвёртой, варварской группе народов по нацистской классификации (человекообразные, недочеловеки, «унтерменшен»). Эти намерения удачно для некоторых деятелей Третьего рейха совпали с их собственными грабительскими планами. На совещании 6 августа 1942 года в Имперском министерстве авиации рейхскомиссаров оккупированных стран и областей с участием представителей командования Сухопутных сил Герман Геринг наставлял присутствующих: «Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благо и утешение горестей вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачивать из них всё возможное до последней капли. Этого я ожидаю от вас. Вы должны быть, как легавые собаки! Там, где имеется ещё что-то, в чём может нуждаться немецкий народ, всё должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда. Я намереваюсь грабить, и делать это эффективно!» Эрих Кох 5 марта 1943 года в Киеве вдохновлял сотрудников своего рейхскомиссариата: «Мы — раса господ и должны управлять жестоко, но справедливо. Я выжму из этой страны всё до последней капли... Местное население должно работать, работать и ещё раз работать... Мы — раса господ и должны помнить, что последний немецкий труженик в расовом и биологическом отношении представляет в тысячу раз большую ценность, чем местное

население». Когда нацисты осознали реальность угрозы поражения в войне, они предприняли все необходимые усилия по сокрытию награбленного. В августе 1944 года на совещании в узком кругу своих соратников Адольф Гитлер сказал: «В конце концов мы можем быть побеждены... В будущей войне Европа будет уничтожена за один день. Если наш народ уцелеет сейчас, то ему надо будет восстанавливать свет цивилизации и объединять западную элиту. Я хочу оставить богатое наследство для будущего Великого Рейха, который придёт к власти, в надёжных местах». Одним из этих надёжных мест стала Восточная Пруссия, главным образом та её часть, где находится нынешняя Калининградской область. И тому есть множество свидетельств. В частности, профессор КГТУ Вячеслав Агеев, бывший в мае 1945 года переводчиком комендатуры города Кёнигсберг, приводит слова секретаря гауляйтера Эриха Коха на допросе: «В подземельях Кёнигсберга были спрятаны огромные ценности, в том числе из СССР». Российским чиновникам от культуры неплохо было бы перечитать и известный протокол допроса заместителя коменданта крепости Кёнигсберг генерал-лейтенанта Ганса Микоша: «Накануне вторжения Красной Армии в Восточную Пруссию Эрих Кох заказал 50 тысяч железобетонных колец длиной 1,6м, диаметром 1,2м и с толщиной стенок 10см. Их предполагалось использовать в качестве убежищ ... и как огневые точки...». В этих целях действительно была использована почти тысяча данных изделий. Возникает вопрос: — А где остальные? И это только один маленький пример из многих сотен. В северной части Восточной Пруссии имелись все необходимые ресурсы для перевозки и сокрытия культурных и прочих ценностей: около 200 транспортных самолётов «Юнкерс-52», 1000 паровозов, 40000 вагонов, 5000 мощных грузовиков, морские суда, достаточное количество строительных материалов и рабочей силы (в лице сотен тысяч узников более 500 концентрационных и трудовых лагерей, рабочих команд). Нацисты, особенно чёрные посвящённые члены СС, любили повторять, что после Третьего рейха мир уже не будет прежним, и своим появлением они навсегда изменили курс развития цивилизации. К большому сожалению, эти пророчества во многом сбываются. И виноваты в этом мы сами. Надо ли возвращать народу похищенные нацистами культурные и исторические ценности? До 80-х годов такой вопрос звучал кощунственно. Теперь же власть старательно уходит от ответа на него. К сожалению, почти всё сокрытое нацистами и сегодня остаётся в подземных тайниках. Если наши союзники по войне смогли извлечь из хранилищ нацистов 90-95% ценностей за полтора года после окончания войны в Европе, то Россия — практически ничего (0,01%) за 66 лет. При таких темпах ей понадобится для решения проблемы 660 тысяч лет. Налицо тенденция, которая говорит нам о многом. Кто же мы здесь, на калининградской древней земле — случайные люди, временщики, туристы, командировочные? Создаётся впечатление, что кто угодно, но только не хозяева. Хорошие хозяева всегда знают, что находится в их доме. Эта земля отвергает многих из нас, особенно тех, кто не захотел принять её прошлое и проявить к ней уважение. Сколько ещё лет мы собираемся играть роль статистов в этом спектакле театра абсурда?

По своему значению для нашей страны отказ от утраченной части национального достояния сравним, может быть, лишь с распадом СССР. Не он ли и стал одной из причин последнего события? Народ, отказывающийся от своих культурных и исторических ценностей, совершает фатальную ошибку. Мы преступно отказались от предметов культуры и истории, заботливо собранных руками поколений наших предков в больших и малых городах, в посёлках нашей Родины — оставленного для нас наследия, вывезенного гитлеровцами. Ушло из жизни поколение неравнодушных людей, знавших о невозможной утрате национального наследия во время войны и пытавшихся его вернуть. Активная поисковая деятельность велась в Калининградской области в основном с 1945 по 1982 год. В 1984 году государство поставило крест на поиске культурных ценностей в Калининградской области, так ничего и не найдя. Неудачная попытка Б.Н. Ельцина в 1992 году организовать поиски Янтарной комнаты только подчеркнула остроту проблемы и беспомощность (прежде всего — духовную) государства. Показательно, что прекращение поисков совпало по времени с переломом в сознании и культуре большинства россиян в конце 80-х — начале 90-х годов. Отказ от культурного наследия народа обрёл последующие поколения на воинствующее бескультурье, духовную нищету и поставил под угрозу существование российской нации. Этот вывод подтверждается всеми прошедшими годами, он прошёл лучшую проверку — историей. С каждым годом позор всё очевиднее, его не скроешь от новых поколений россиян. По отношению к возвращению национальных культурных и исторических ценностей можно определять уровень

культуры и патриотизма каждого гражданина и государства. Слово отдельного гражданина в таком обществе не значит ничего. Между тем государство состоит из граждан. И если оно глухо к каждому отдельному гражданину, то оно глухо и ко всему народу. Государство, выбравшее страусиную политику, отказавшееся от своих культурных ценностей, и при решении всех других вопросов проявляет себя аналогичным образом, и это мы можем ежедневно наблюдать по его деятельности. Когда в любом государстве любая проблема не решается в течение многих десятилетий, то она неминуемо превращается в политическую. Таким образом, извлечение культурных ценностей становится предметом внутренней политики, ибо, если власть поддержит данный процесс, то она будет достойна управления страной, и наоборот. Государство, которое принципиально отказалось от своих культурных и исторических ценностей, заслуживает только одно определение: ничто. Так поступать с собственным народом может то государство, которому не нужны культурные люди. Однако в этом кроется опасность для него самого: нищие духом, бескультурные, озлобленные массы людей могут смести его. Очевидно, что власть потеряла всякий стыд и совесть перед своим народом и нацией. Если государство потеряло чувство стыда, значит, оно нежизненно и недемократично. Духовный вакуум вследствие отказа от основных ценностей цивилизации мгновенно заполняется проявлением наихудших семи качеств человека: алчности, лени, гордыни, зависти, нечестности, злобы и вредных зависимостей, а также национализма, потери культуры и патриотизма. Если общество духовно деградирует, то через некоторое время оно незаметно для самого себя достигает опасной черты, за которой — только нравственный хаос. Нелучайно мы наблюдаем агонию власти, погрязшей в грехах, исповедующей двойную мораль, потерявшей историческую память, оторвавшейся от народа и культуры предков. Если не извлекать культурные ценности из нацистских хранилищ, то крах такого государства неизбежен. Возвращение же их может стать началом процесса спасения и излечения нашего общества. Необходимо также расследовать чудовищные преступления нацистов на земле нынешней Калининградской области, почтить память погибших здесь людей, каждый день заботиться о своей культуре, отказаться от семи грехов и следовать десяти Божьим заповедям. Мы часто видим наших руководителей в храмах в дни церковных праздников. Почему же они не используют высокие духовные принципы в повседневной работе, при служении народу и даже не прислушиваются к словам Патриарха? Отношение к сокрытым нацистами культурным ценностям — безошибочный индикатор состояния общества, момент истины, тест на патриотизм и историческую память наряду с отношением к пожилым людям, детям, инвалидам, больным и бездомным. Во время бесконечных перестроек, реформ и модернизаций о культуре просто забыли. Более того, чиновники не только не поддерживают борьбу за возвращение культурных ценностей, но наоборот, они ведут яростную борьбу против этого. Ведь в противном случае им добавилось бы работы. Доказательство — увесистые тома многолетней переписки с чиновниками всех уровней и ведомств Российской Федерации вплоть до Президента. Приходят новые чиновники, но положение дел не меняется и с каждым годом позор только возрастает. Доколе? Правда рано или поздно пробьёт себе дорогу, как родник сквозь толщу земли. Триллионы нефтегазовых рублей не помогут бездуховному государству: оно ничтожно и недееспособно, так как признало де-факто грехи стандартами жизни общества. Есть о чём задуматься и нашим бизнесменам: успешные люди — не те, кто больше других набил свои карманы, а те, кто сумел сохранить и развить свою душу. Возвращение награбленного нацистами — это также одна из форм борьбы против нацизма, святой долг государства, это — вовсе не хобби, чёрное копательство или кладоискательство. Провал извлечения сокрытых нацистами культурных ценностей в Калининградской области уже давно не так смешон и безобиден, как это может показаться на первый взгляд. Позор от него ложится тяжёлым нравственным грузом на российское государство. Я не верю в то, что российский народ неспособен вернуть своё национальное достояние, однако очевидно, что он испытывает сильнейшее и возрастающее действие упомянутых выше семи основных грехов, приводящее к деградации людей и потере ими духовности. Современное российское государство принципиально не желает поддерживать работы по извлечению предметов культуры из найденных хранилищ. Чиновники не оставляют народу ни одного шанса решить проблему извлечения культурного и исторического наследия. Это говорит об их отношении к своему народу, нации. Родились и умерли поколения россиян, лишённых возможности увидеть утраченные предметы национальной культуры и истории. Отказ государства

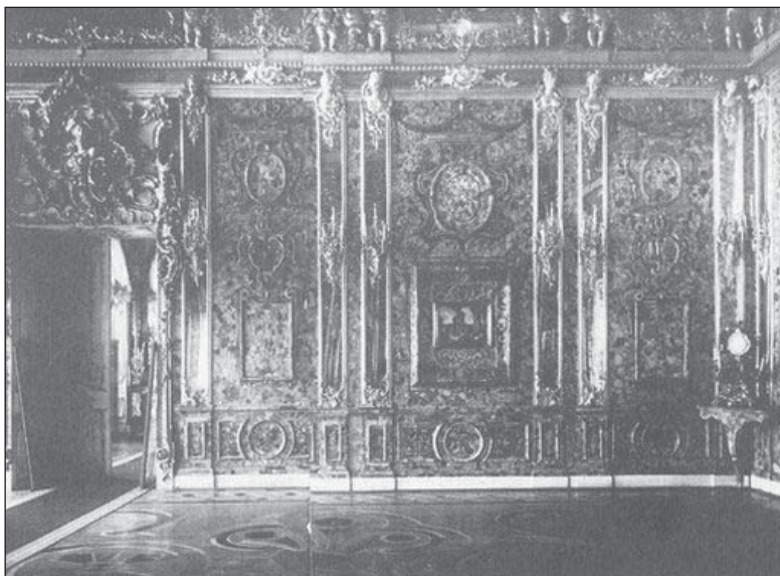
от возвращения национального достоинства — это отказ от сохранения нации, культуры народа, от следования интересам своих граждан. Российский народ не простит власти упущенного шанса сохранения национальной культуры.

Посмотрим, любопытства ради, на проблему с обратной стороны. Для того, чтобы вернуть обществу культурные ценности, необходимо вскрыть нацистские хранилища. Для того, чтобы вскрыть хранилища, необходимо выполнить определённый объём геофизических, строительных и прочих работ. Для последних необходимы денежные средства, которых никто в России на данные цели не выделяет. Следовательно, нам необходимо такое правительство, которое сможет обеспечить необходимое финансирование. Следовательно, нам нужна и новая политическая сила, способная сформировать такое правительство и принять необходимые законодательные поправки в Бюджетный кодекс. Таким образом, несложная проблема возвращения сокрытых культурных ценностей становится краеугольным вопросом внутренней политики страны. Как видим, всё не так уж сложно и совершенно очевидно. Чтобы вскрыть нацистский тайник, государство должно иметь силу, как материальную, так и духовную, в абсолютном выражении не меньшую, чем Третий Рейх, сокрывший награбленное. К сожалению, нынешняя Россия такой силы не имеет. Мне очень стыдно, что моя страна не может вскрыть ни одно нацистское хранилище, но ещё более стыдно за то, что она не хочет это делать. Ситуацию с провалом вскрытия нацистских хранилищ можно рассматривать как отображение состояния современного российского общества. Показательным в этой связи является отсутствие национальной идеи при одновременном почти полном отказе от национальной культуры. Дело ведь вовсе не в Янтарной комнате, и не в гигантском количестве других культурных ценностей, сокрытых нацистами на территории нынешней Калининградской области, и не в миллионе погибших здесь узников нацистских лагерей, а в нашем к этому равнодушии, в упадке духовности и национального самосознания, в отказе от следования десяти заповедям Всевышнего. Основывать политическую деятельность следует только на высокой нравственной основе. Можно регистрировать бесконечное количество партий, выдвигать всё новых и новых кандидатов в Думу и на пост Президента, но, если духовная суть их низка, то и смысл этих действий ничтожен. Никого не должно вводить в заблуждение большое число партий и кандидатов, так как они все могут быть лживы и морально уродливы. Увеличение количества храмов пока не привело к заметному росту духовности в обществе, к отказу его от греховности. Непрерывное падение уровня культуры от поколения к поколению не может продолжаться бесконечно, оно возможно только до нуля, и это время уже близко.

Те, кто считает, что десять Святых заповедей исполнять уже не надо, глубоко ошибаются. Заканчивается эра падения добродетелей, и конец её будет страшен. Это не будет конец света в обы-

вательском либо голливудском его понимании. Однако, если люди срочно не изменятся, то он будет наступать постепенно в виде полного торжества грехов, проявляющегося внешне в виде войн и преступлений, болезней, природных бедствий, экологических катастроф, голода, нищеты и т.п. Человечество упорно идёт к пропасти саморазрушения, по собственной воле впадая в засилье грехов. Ещё есть последний шанс остановиться у опасной черты. Есть только два пути: либо человечество начнёт выздоравливать и воспримет благоволение Всевышнего, либо ему в его нынешнем виде придёт конец. Таков выбор. Главным качеством человека должна стать его праведность, и каждый должен сделать свой выбор сам. Мне довелось увидеть пять поколений россиян, и я заметил, что каждое предыдущее поколение было немного культурнее и нравственнее последующего. Новые поколения перестали брать всё лучшее от предшествующих, не отталкиваются от достигнутого уровня культуры и познания народа. И что же дальше? Куда мы идём? Мы попали в критическую, патовую ситуацию. Оставшиеся в обществе 5% культурных людей могут не суметь остановить процесс его саморазрушения. Среди них почти нет представителей власти, бизнесменов, журналистов и других влиятельных людей. Подавляющее число современных граждан России рассуждают приблизительно так: «Я не могу извлечь и присвоить сокрытые нацистами ценности, ну и плевать на них». Отказ государства от возвращения национального культурного достояния есть отказ от интересов своего народа, нации. Общество, большинству членов которого не нужны утраченные культурные и исторические ценности, — большое почти безнадежно. Люди, выходят на митинги и демонстрации, так как они чувствуют фальшь власти и не хотят с этим жить. Позор России из-за невозвращения национального наследия из своих недр не имеет аналогов в новейшей европейской истории. Вот так, тихо и незаметно, нации могут подходить к самоуничтожению. Проблема уже не может быть решена современным российским государством и обществом, так как критическая масса грехов в них превышена. Нельзя грешить бесконечно, превращая в сплошной грех человеческую жизнь. Наступает конец эры грешников. Эйфория человечества от технологических достижений породила уверенность во вседозволенности. Между тем не стоит забывать, что человеческих духовных добродетелей никто не отменял, как, впрочем, и грехов. Задумайтесь: можно ли бесконечно попирает наставления и заповеди Создателя? Вы когда-нибудь задумывались над тем, в каком виде предстанет перед Всевышним Ваша душа? Ведь Вы не заберёте на Небо свои материальные богатства и связи с нужными людьми. Отказываясь от Бога, от поддержки белых Высших сил, Вы рискуете легко попасть под влияние тёмных сил. Что бы мы ни думали о происходящих в мире процессах, они идут неотвратно в реальности, так как являются объективными. Это — конец эры обладателей семи грехов, конец жесткий и неотвратимый. Тёмные силы ведут человечество к его почти полному самоуничтожению, после чего начнётся его великое очищение. Каждый имеет возможность спастись. Тот, кто не хочет спастись — не спасётся. Выбор — за Вами. Впереди — новая жизнь человечества, новая эра.

Критика

Олег Каштанов

Ковер памяти

(Лирический дождь воспоминаний под одним зонтом
с Юрием Николаевичем Курановым)

Выткнулся на озере алый свет зари....
С. Есенин

Тонкая канитель речи тянется из лохматой кудели дня. Каждый день — новая взлохмаченность и начёс. События перестуками сыпятся сухими горошинами из прорези Акаши. Кто бы тогда знал, что придут времена, когда горошины начнут стрелять по ушам, сердцам, душам, а мы ... привыкнем. И даже не заплачем.

Что же было в начале? В начале была канитель....нет-нет, в начале было слово...слово было у Бога? Или слово было убого? Вижу, как его улыбку и скрытый вольтеровский всплеск гасит окрик явившегося тотчас мудреца: «Бог поругаем не бывает!»

Вращается магнитная лента, к ленте которой прилип его голос. Голос с годами меняется. Тяжелеет. Грубеет. Переходит на сдавленный хрип. Но не смолкает, не молчит....Говорит даже тогда, когда нет его носителя. Как Бетховен, потеряв слух, не может остановиться, чтобы не закончить симфонию-реквием. Длина боббины, если размотать, наверняка от Ленинграда до Норильска, Омска и Костромы, Пюхтицы и Москвы, Пскова и Светлогорска...Кто хочет проверить? Где последователи?

Ещё всполохи искр от прочитанных и переосмысляемых фрагментов книги. Теперь их три тома, а могло бы быть в два и три раза более. Если искры собирать в отдельные темы, получатся лирические книги новелл, богословских эссе, живых воспоминаний в духе катаевского «Алмазного венца», «Травы забвения».

Канитель. Магнитная лента. Монолит изданного.

Всё это о нём. Большом писателе, вобравшем в свою судьбу толстовский бунт с пресными устоями, пушкинское озорство, есенинский лиризм и миссионерскую святопись наших дней вслед святителям Брянчанинову и Ивану Ильину

* * *

«Человек — средоточье Истины!» — голос крепок и высок. Но светлогорские сосны выше. Март. Стоим у смой кромки берега и неба. Море — ниц. Там же и шипение волны: Sic transit gloria mundi — (лат. *Так проходит мирская слава*).

— Понимаешь, старик,— «стариками» любили обзывать все «шестидесятники». Я к этому привык. Слушаю терпеливо разворот его мысли. — Заблуждение — путь к истине. Если её искать. Жажда, как в «Нагорной проповеди»! Только тогда оправдан кантовский смысл: человек — цель Бога!

Что-то лепечу про самосовершенствование и восьмой день творения по Бердяеву...Нарываюсь на протест:

— Бог правит самого себя посредством творческого акта! В иудаизме он делает паузу, а в христианстве нет! Истина делает человека свободным! Движение к Истине и есть смысл жизни!

Забыл, что Ю.Н. не любит Бердяева, цитаты его опровергает, но в итоге говорит о том же самом, не признаваясь в манёвре.

* * *

Сколько раз приближался к архивам, щёлкал на панели магнитофона «вкл» и делал «выкл»... Теперь думаю, что у данного проекта был и есть Автор. Он не позволял мне сделать фальстарт. Может быть, ему уже виделись те тучи бури, которые случились сейчас? И всем предстояло пропустить вперёд «Майданную боль» Украины? «Бессмертный полк»? Полчище литературных «друзей» и экзегетов сегодняшней РПЦ?

Как и кем пишется книга?

Как там у Ахматовой, про время ожидания отстоя драгих вин... Осадочные фрагменты всплывают спустя семилетия. Закон эзотеризма не отменим.

Ткацкий станок работает чётко и ритмично, если все нити заправлены в челноки и тянутся к заданному узлосплетению.

Отсвет вечерней сцены из Гефисманского сада: «Да минует меня чаша сия... Но, впрочем, не так, как я хочу, а как Ты»!

* * *

— Сегодня!— голос у Константина бодр и ясен, — в 9 утра на Северном...

Константин Рожков — один из немногих, кто имеет доступ к «светлогорскому затворнику». Идёт перестройка, и рядовой инструктор горкома Калининграда, наш Володя Вобликов валит с избирательного пьедестала первого секретаря обкома КПСС со полумонархической фамилией Романин! Вокруг этого неопишуемая круговерть бури и натиска. Как это бронзовеющие власти допустили непростительный контр-ход в политической игре, не обнаружив сокрушительного удара от малоизвестного им местного литератора. Но уже работает Ея Величество «Гласность», и молодёжь горланит Цоем: «Перемен требуют наши сердца...»

Встречаемся, как заговорщики, которых может накрыть «колпак Мюллера». Всё ведь рядом. Без лишних слов садимся в электричку и говорим аккуратно. Едем к человеку, который на прямом проводе с главным прорабом Перемен Александром Яковлевым. Всё на волоске. И жизнь, и планы, и литература! Блоковский задор!

До этого Константин неоднократно передавал бандероли с рукописями, которые пересылал мне для Куранова Валентин Митрофанович Сидоров. Оба они тогда входили в редакцию «толстого» журнала «Москва» и анонсировали ранее запретную духовную литературу. Ю.Н. всячески уклонялся от редакторской рутины, но Сидорову в его просьбах никогда не отказывал. Канал работал бесперебойно. Но теперь мне предстояло выйти на прямую связь.

В целях конспирации и отрыва от «слушачей» выходим на Светлогорске-1 и спускаемся к озеру. Знаю со слов Кости, что для Ю.Н. оно сродни швейцарским озёрам, где якобы до сих бродят души Тургенева, Достоевского, Бориса Зайцева, Ремизова...

— Я бы на твоём месте обзавёлся диктофоном, — говорит мне по пути Рожков, — неизвестно, как всё получится теперь в стране, а записи станут книгами.

Потом добавил:

— Пиши всё подряд, пусть потомки разбираются, что оно и как тут тогда было...

— А ты сам?

— Не-а,— улыбается Константин,— это же избранная пища...или как там у Гоголя — «избранные места из переписки с друзьями».

Пройдёт немного времени, и в киосках «Роспечати» появятся первые выпуски газеты «Светлогорье» с курановским приветствием и поддержкой «Рожковскому прожектору Перестройки»!

У Пожарки нам встретился художник Николай Фролов. Тотчас и узнал, что Николай, как и Константин, тоже вхож в дом «затворника».

— И ты молчал?— укоряю своего товарища,— хоть бы раз обмолвился...

— А ты и не спрашивал, — погладил окладистую бороду и пошёл далее со своим этюдником.

— Всё будет нормально. Ждёт уже с час.

Улицы с их названиями, иногда как отдельные улыбки чеширского кота в судьбе и переездах Ю.Н.: Карла Маркса, Чекистов, Урицкого, Володарского...

Волнение усиливается с каждой ступенькой. Костя давит на кнопку звонка, и тотчас дверь открывается, как у заговорщиков.

Крупно-панельная типовая конструкция с узковатым коридором до отказа заполнена подвешенными одеждами, столиками, обувной полкой...Теснятся старик крепкого телосложения с бородой Коли Фролова (кто под кого стрижётся?), с очень пронзительными чёрными глазами, и добродушная русская женщина с естественной и родной улыбкой, ещё белый кот с закругленным хвостом.

— Юрий Николаевич, Зоя Алексеевна, встречайте рязанского парня...— Костя делает своё дело, пропуская меня вперёд. Похоже, что он тут член семьи, как впрочем и Николай Фролов, создавший своими руками все необходимые удобства. На кухне накрыт стол. Запахи блинчиков и земляничного домашнего варенья. Кот уже сидит во главе стола. Де жавю: всё это уже у меня было....Господи!

* * *

Как часовые на охране духовных богатств родины, стоят прочитанные им книги из моей библиотеки, возвращённые с карандашными пометками, тщательно проштудированные без единой пометки и закладки, как и тогда, хранят магию общения. Они для меня являются продолжением нашего нескончаемого разговора о главном. По сути это те самые мысли, которые совпадали с его откровениями: П. Д. Успенский, А. И. Клизовский, А.П. Хейдок, Д. Кришнамурти, «Вселенское Евангелие Вивекананды» Р. Роллана. Странно для христианского писателя-богослова? Ничуть. Апостольское «Мне всё позволено, но не всё полезно».

— От чистых мыслей не бывает дыма. От светлых мыслей — запах чистоты. И всё, что нам знакомо и любимо, — овеществленье сбывшейся мечты. Мы сами — то, что мыслили когда-то. Вся жизнь — осевшая на землю мысль, которая утратила крылатость, покинув незапамятную высь. Помыслив чисто, ты не пожалеешь, что приведёт удачу в дом судьба. Ты радостью её живи, благоговей, — и будет легкою твоя тропа. Но легкость жизни — нет, не легкомыслие! — лишь непривызанность к пустым вещам. Храни её сверкающую искру и ею освещай желаний храм. Ум, напрягаясь в ловких упреждениях, не угадает на пути всего. Одна судьба не знает поражения, распределив достойно верный ход. Мир шахмат — мир кармических видений. В нём зашифрован знаний вечный свод. Игра идёт, не зная объяснений. На поле времени сражается народ. Так вечная сложна определенность. И выйти за доску нельзя, хоть выбор есть. На поле этом тайны затаенность. Играй куда и коснись небес. Молитвою желая достучаться до них, храни ограничений ряд. Имея власть, умей сам подчиняться. Священный сад — за тишиной оград. (Константин Устинов. Стезя Потаенная, 16 марта 2013 — 18 июля 2013 www.znakisveta.ru/gorst.html)

— Старик! Иногда мне кажется, что вот этот мой кот никакая не низшая тварь, а настоящий гностик!

Куранов изображает круговорот искупляющей молитвы: «Прости, Господи, мя!» — и приглашает четвероногого любимца присоединиться к беседе:

— Смотри, как он сейчас смотрит, когда я читаю философские тексты и вникаю в смысл. Он делает то же самое. Видишь или нет?!

Мне кажется, что сытая морда кота ничего не передаёт, кроме послеобеденного довольства, но я соглашаюсь:

— Конечно, не зря египтяне позволяли им ходить по Храму все 24 часа...

— Я сейчас говорю не как православный христианин, — произнесение слова «христианин» всегда с ударением на последнем слоге, — а просто как его наблюдатель. Заговори мы сейчас о колбасе, так он совсем по-другому будет выглядеть....

— «Как гениально природа приготовила для человека свои богатства, чтобы мог он воспользоваться ими...» А Успенский всё же был учеником Гюрджиева...

Но не подпал под его контакт. Вот читаем:

«Конечно, человеческий ум нельзя сравнить с разумом природы, который построил и человеческий ум, и тончайшую, чувствительную аппаратуру животных, насекомых, рыб и птиц, а также и растений, тонко определяющих изменения атмосферных условий и многие, многие другие явления. Электронно-счетная машина по своей грубости и громоздкости не сравнима с тонкостью органов

даже малой мошки. Поэтому у человека нет особых оснований, чтобы превозноситься, но есть, и весьма веские, чтобы учиться у природы и подражать ей. Ничего нового, стоящего над законами физики и химии, человеку все равно не придумать. Общение и контакт с природой могут ему многое дать. Но она заботливо хранит свои тайны, неохотно, но постепенно выдает их одну за другой. Как гениально приготовила она для человека свои богатства, чтобы мог он воспользоваться ими. Человечество стоит на пороге открытия новых видов энергий, которые дадут и тепло, и освещение. Сама аппаратура человеческого организма кроет в себе много чудесных возможностей. По невежеству многое еще отрицается в настоящее время, но течение эволюции остановить невозможно. Будущее хранит для человечества много изумительных неожиданностей. Никакая, даже самая безудержная, фантазия не сравнима с ними. Нельзя ограничивать возможностей будущего своим пониманием от сегодня».

* * *

Беседы сродни джазу. Начинаются с любой ноты и даже случайного шороха. Формат пост. композиция ещё проще. Но главное в них, как в джазе — возжение огня импровизации, когда говорят и высказываются все, а коду ставит в изначальной теме сам Ю.Н.

Зоя Алексеевна обронила репродукцию из перестроечного огонька с иллюстрацией картины Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею»...

Весь вечер мы говорим о Михаиле Нестерове, «мирискусниках», Пластове, Васнецовых и религиозных ценностях русской школы живописи.

Кода Ю.Н.: «Всякое описание у Нестерова брызжет отражённым светом. Свет у него, как открытие. Этот русский импрессионизм содержательнее французского. Если нет открытия Света — нет и тяги, попадаешь впросак, а надо обязательно в чудо!»

Потом он напишет в одном из эссе «Наша драгоценность», посвящённом Константину Георгиевичу Паустовскому, которого почитал как учителя жизни и величал всегда по имени и отчеству: «Хрустальный светильник, зажжённый Нестеровым во славу Родины! Всматриваешься, как в ключевую воду, втягиваешь ноздрями сам воздух ранней осени, ловишь открытыми ладонями венчик полевых духмяных цветов...»

Критика

Вячеслав Лютый

Поднимая взгляд от грешной земли...

Рассказы Дмитрия Воронина

Короткие рассказы Дмитрия Воронина против воли читателя сопрягаются с прозой Михаила Зощенко. Сопоставление это — мимолетное, но из памяти не уходящее. Казалось бы, различия в подходе к социальному материалу, в художественной ткани повествования, наконец, в стилистическом мастерстве — наглядны. Но вот скрытая мотивация автора давнего и нынешнего во многом одна и та же: дать в деталях картину современной социальной жизни и не погрешить против художественной правды. Между тем, у Зощенко в его малых сюжетах мы, пожалуй, не найдем симпатий рассказчика к персонажам, открытого отношения писателя к сложившемуся укладу и к существованию коллизий. Оно и понятно, государственная система не позволяла художнику быть независимым, но оставляла за ним право на параллельный смысл, эзопов язык, дистанцию, которая отделяет творческого наблюдателя от действующих лиц. Именно потому Михаил Зощенко кажется нам фигурой одинокой, а порой и малопривлекательной.

Переводя взгляд на истории Дмитрия Воронина, мы сразу же отмечаем нравственное единство повествователя и его страдательных героев. Сатирический сюжет и саркастический тон писателя становятся «этическим фильтром», через который читатель смотрит на происходящее в рассказе.

Порой игры современных социальных демонов разворачиваются на фоне безгласной природы, однако в картине внезапно появляется новый судья, почти античный «бог из машины», который вносит свою долю правды и справедливости. В «Последней охоте» дикий кабан, словно явившись на место лосихи, застреленной жирующей компанией хозяев областной жизни, доводит губернатора до «кондрашки».

В понурой душе девочки-проститутки просыпается возмущение чудовищным поступком мамы-пьяницы, отдающей сладострастным браткам на поругание за сто баксов невинную младшую дочь («Товар»). И новая Соня Мармеладова поджигает проклятый дом разврата и с сестрой убегает прочь от этого черного места.

У Воронина часто смех и ирония бывают вполне самодостаточны, просто характеры его персонажей оказываются нелепыми и какими-то расчеловеченными («Акула», «Красная площадь»). Здесь автор не выступает в роли нравственного навигатора — он только согладатель, который предлагает читателю эскиз небольшого события. Именно такие сюжеты составляют фон этического размышления рассказчика, на котором в ином случае разворачивается маленькая драма.

Воронину нравится просторечие маленьких людей, это та языковая среда, в которой он кристаллизует сюжет. Иногда подобная фактура повествования, казалось бы, переводит его истории в категорию прозаических пустяков. Но, словно живописец-пуантилист, писатель упрямо наполняет воссоздаваемый мир лицами и суждениями, картинками и действиями, оценками и поступками. Так насыщается подробностями художественное полотно, на котором изображена наша гротескная эпоха. Гримасничая и корчась от боли, она становится тенью привычной повседневности. Выводя на первый план своих героев, Воронин последовательно дополняет до целого наше впечатление о современном мире.

Особенно важной оказывается лирическая линия в творчестве писателя. Она обнимает собой и патетику, и сокрушенный вздох о сломанной судьбе, и горестные слезы, и потрясение от неожиданного героического поступка скромного человека. Именно эти акценты сопровождают происходящее в рассказах «Воры» и «Заруська».

Поднимая взгляд от грешной земли, доводя его до неба, писатель произносит важные слова о русском человеке, показывает его и взрослым, и ребенком. И будто говорит читателю: из малого ростка вырастает большое дерево, это происходит ежечасно, важно только набраться терпения и поливать крепнущие корни живой водой — из своей памяти, из своего сердца...

Критика

Андрей Маруденко

Андрей Маруденко — общественный деятель, публицист, президент Aurora Expertum Club.

Отзыв на книгу

«Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский»

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский — человек яркий и сложный. Такими были герои Льва Толстого, противоречивые, мыслящие, живые. Собственно, у каждого человека так или иначе есть свой потенциальный писатель, соразмерный ему. Есть гоголевские персонажи, персонажи Достоевского, герои шансона, эстрады и частушек. Никита Дмитриевич — персонаж явно толстовский, из «Войны и мира». Собственно, такое впечатление он производит и при личной встрече.

Будь князь англо-саксом и попади его биография в руки голливудскому сценаристу, мы бы могли увидеть новую версию «бондианы» — так много в его жизни удивительных историй: от бизнеса с Усамой бен Ладеном до торговли алмазами в «Де Бирс» и вечерних посиделок с Андроповым (интересно, какие записки о связях и шпионской сущности «белоэмигранта Лобанова» клали Андропову на стол?). Все это в окружении художников, коллекционеров, известных красавиц и джентльменов из самого респектабельного английского клуба «Whites», где князь состоит членом.

К сожалению, российская массовая культура не столь нуждается в таких героях. Все потому, что князь воплощает собой редкий тип русского аристократа, не существующий больше в России, и сохранившийся только кое-где за рубежом, а потому не всегда и не всем понятный. И неинтересный элите, ибо заметна становится разница между старыми и новыми.

Книга, о которой идет речь — «Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский» в разных формах открывает нам мир и жизненный путь князя. В нее вошли статьи Никиты Дмитриевича, интервью с ним, тексты о нем — все это стоит прочесть, особенно интервью и его прекрасные эссе, первое из которых посвящено Александру Пушкину, второе Александре Экстер, третье — давнему другу князя — барону Эдуарду Фальц-Фейну. Но если содержание книги позволяет понять глубину человека, то указатель встречающихся в книге имен на шестнадцати страницах мелким шрифтом открывает нам контекст его жизни, социальный масштаб, что не менее интересно, показательно и познавательно. Стоит задуматься о том, в каком «указателе имен» проходит наша жизнь.

Чего не хватает этой книге? Юмора князя, эпатажного порой, чего не может передать печатное слово, тем более, что иногда князь любит слово непечатное, при этом совсем не выглядит пошлым. Не хватает живой разговорной речи с камерами и без, удивительной дикции, ударений, словом — очарования старого русского языка, на котором говорит Никита Дмитриевич. Без этого нельзя понять его харизмы. Однажды князь был на передаче, где беседовал с одним из ярких журналистов-интеллектуалов российского телевидения. Но какова разница речи! Яркая и четкая дикция против монотонного невыразительного распева, и нужно признать, что почти все мы говорим так скучно. Но чтобы понять это, нужно посадить рядом князя.

Поэтому, стоит выпустить к этой книге видеоприложение: «Никита Лобанов-Ростовский перед камерой и вне», и тогда представление о нем, как о человеке и, я позволю себе такое выражение — удивительном социальном образце, будет более полным. Пригодится оно и как учебное пособие для всех интересующихся.

Наши друзья

Советуем почитать:

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-bereg-pobedil-v-konkurse-zhurnalistского-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.rusklina.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru